

ОЙКУМЕНА



Регионоведческие исследования



ОЙКУМЕНА

Регионоведческие исследования

№ 4 (31)

научно-
теоретический
журнал

Выходит
4 раза в год

Основан
в 2006 г.

ТЕМА НОМЕРА:

МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ

- От редактора рубрики 5
- Киреев А.А.** Воздействие российской миграционной политики на динамику трансграничной миграции из Китая 8
- Зыков А.А.** Дальний Восток России на перекрестке трансграничных миграционных потоков Евразии 26
- Иванов С.А.** Миграция китайского капитала и труда в Приморском крае 35
- Троякова Т.Г., Козинец А.И.** Некоторые факторы формирования региональной идентичности на примере Сахалинской области 47

ЭКОНОМИКА И ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЕ

- Белоглазов Г.П.** КВЖД – объект российско (советско) - китайского взаимодействия и российских инвестиций в 20-е гг. XX в. (к 90-летию установления дипломатических отношений между СССР и Китайской Республикой и подписания «Соглашения о временном управлении КВЖД 1924 г.») 63
- Долгалева Л.М., Гагаулина С.Ю.** Потенциал экологических ресурсов резерватов Забайкалья для развития «зеленого» туризма (на примере национального парка «Алханай») 71

КУЛЬТУРНЫЕ И ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ РЕГИОНАЛИЗАЦИИ

- Масловская О.В.** Центральная площадь г. Владивостока как пространственный феномен и место социальной коммуникации 80

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ И УПРАВЛЕНИЕ РЕГИОНОМ

- Журбей Е.В., Давыборец Е.Н., Еленева Е.В.** Редевелопмент как перспективный механизм развития муниципальных территорий: зарубежный и отечественный опыт 90
- Поташёв Д.В.** Политический экстремизм и терроризм в Японии во второй половине 60-х-90-е гг. XX в. 119

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Синенко И.Ю.** Международный форум «Будущее Северо-Восточной Азии в XXI веке: от противоречий к сотрудничеству» (Владивосток, 20-22 августа 2014 г.) 125
- Кузнецов А.М.** Международный семинар «Этнополитическая ситуация на Дальнем Востоке: актуальные проблемы» 130

Редакционная коллегия:

Т.Г. Римская (главный редактор), Беом-Шик Шин, В.А. Бурлаков,
Г. Кристофферсен, М.Г. Ганопольский, А.Н. Демьяненко,
Е.В. Журбей (ответственный редактор), И.Н. Золотухин, М.А. Калугина,
В.Н. Караман, А.А. Киреев, Л.И. Кирсанова, В.В. Кожевников, А.М. Кузнецов,
Ю.В. Латушко, Д.А. Литошенко, А.Л. Лукин, Ю.А. Наумов, С.В. Севастьянов,
Чой Нак Джун, О.И. Шестак, С.Е. Ячин.

Учредитель: Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования "Владивостокский государственный университет экономики и сервиса".

Адрес редакции: 692000, Приморский край, г. Находка, ул. Озерная, д. 2.

Официальный сайт журнала: <http://www.ojkum.ru>

E-mail: oikomene@rambler.ru; ojkum@rambler.ru

Редактор электронной верстки: В.Н. Караман

Графическое оформление: Я.А. Барбенко, В.Н. Караман, В.В. Постников.

Корректор: Е.В. Абрамова

Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.

Свидетельство о регистрации – серия ПИ № ФС77-30578, выданное 12.12.2007 г.



OJKUMENA

Regional researches

№ 4 (31)

*scientific-
theoretical
journal*

Issued
4 times a year

Founded
in 2006

THE THEME:

MIGRATION POLICY IN THE FAR EAST OF RUSSIA

- From the editor of the heading 5
- Kireev A.A.** Impact of Russian migration policy on the dynamics of transborder migration from China 8
- Zykov A.A.** The Far East Russia at the intersection of migratory streams of Eurasia 26
- Ivanov S.A.** Chinese Capital and Labor Migration in Primorsky Territory 35
- Troyakova T.G., Kozinets A.I.** Several factors of Sakhalin Oblast's identification 47

ECONOMY AND NATURE

- Beloglazov G.P.** Chinese Eastern Railway as an object of Russian (Soviet) – Chinese cooperation and Russian investment in 20th of the XX century 63
- Dolgaleva L.M., Gataullina S.Yu.** Potential of environmental resources of Transbaikalia reserves for the development of "green" tourism on example of the national park "Alkhanay") 71

CULTURAL AND IDEOLOGICAL FACTORS OF REGIONALIZATION

- Maslovskaya O.V.** Vladivostok central square as a spatial phenomenon and the place for the social communication 80

POLITICAL RELATIONS AND MANAGEMENT OF REGION

- Zhurbey E.V., Davyborets E.N., Eleneva E.V.** Redevelopment as advanced mechanism of municipal areas development: foreign and domestic experience 90
- Potashyov D.V.** Political extremism and terrorism in Japan in the second half of the 60s – 90s of XX century 119

SCIENTIFIC LIFE

- Sinenko I.Yu.** International Forum "The Future of the Northeast in the XXI Century: from conflict to cooperation" (Vladivostok, 20-22 August 2014) 125
- Kuznetsov A.M.** International workshop "Ethnical and political situation at the Far East: contemporary issues" 130

Editorial board:

T.G. Rimskaya (Editor-in-chief), Beom-Shik Shin, V.A. Burlakov,
G. Christoffersen, M.G. Ganopolskij, A.N. Demyanenko, E.V. Zhurbey (Editor),
I.N. Zolotukhin, M.A. Kalugina, V.N. Karaman, A.A. Kireev, L.I. Kirsanova,
V.V. Kozhevnikov, A.M. Kuznetsov, Yu.V. Latushko, D.A. Litoshenko, A.L. Lukin,
Yu.A. Naumov, S.V. Sevastyanov, Choj Nak Dzhun, O.I. Shestak, S.E. Yachin.

Founder: State educational institution of the higher professional education "Vladivostok
state university of Economics and Service".

Address: 2 Ozernaja St., Nakhodka 692000, Primorskyi krai, Russia.

Official site of journal: <http://www.ojkum.ru>

E-mail: oikomene@rambler.ru; ojkum@rambler.ru

Electronic computer is made up by V.N. Karaman

Graphic registration: J.A. Barbenko, V.N. Karaman, V.V. Postnikov.

Corrector E.V. Abramova

Authors' points of view on the problems under investigation do not necessarily coincide with
those of the Editorial Board.

Journal is registered by Federal service on supervision in sphere of mass communications,
connection and cultural heritage protection.

Certificate on registration of the journal ser. PI № FS77-30578, given by 12.12.2007.

От редактора рубрики

Тезис о том, что российский Дальний Восток (РДВ) является тем макрорегионом России, в развитии которого миграция играет более важную роль, чем процессы «естественного движения» населения, не нуждается в особых доказательствах. Сильное влияние «механической динамики» на формирование населения и все другие, сопряжённые с демографическими, общественные показатели региона характерно для любых территорий позднего освоения. Однако историческая продолжительность сохранения ими этой особенности может быть весьма различна. В случае с РДВ, высокая зависимость региона от обмена человеческими ресурсами с экстрарегиональной средой сохраняет (с теми или иными колебаниями) свою значимость на протяжении вот уже 150-ти лет. При этом, в последнюю четверть века объёмы миграционных потоков, связывающих РДВ с другими частями российского пространства, а также граничащими с Россией странами, вновь существенно возросли, что в целом, увы, оказало на региональное развитие скорее негативное воздействие.

Если общая миграционная специфика РДВ сравнительно хорошо изучена и относительно ясна, то государственное управление процессами механического прироста и убыли дальневосточного населения – это область, которая пока состоит в значительной большей мере из вопросов, чем из ответов. Пожалуй, главный из этих всё ещё не имеющих определённого решения вопросов заключается в том, существует ли дальневосточная миграционная политика, отличная от общероссийской. Если взглянуть на эту проблему с сугубо формальной, официальной точки зрения, то (по крайней мере, применительно к постсоветскому периоду) ответ должен быть отрицательным. Однако если учесть, что всякая государственная политика это многоуровневый и многокомпонентный процесс, который никогда в полной мере не описывается официальными концептуальными и правовыми документами, а также принять во внимание очевидное своеобразие региона как объекта такой политики, то решение данной проблемы уже не кажется столь однозначным.

Рассмотрение вопроса о специфичности (наличной и должной) миграционной политики на РДВ тесно связано с исследованием её состава и структуры. Состав миграционной политики может быть классифицирован и описан по разным основаниям, но его анализ, так или иначе, предполагает выявление субъективного и объективного измерения этой политики, её целей и средств, а также формальных и неформальных компонентов. Изучение же структуры миграционной политики требует характеристики организационно-деятельностного порядка её разработки и осуществления, а кроме того её реальной пространственной и временной изменчивости.

Миграционная политика, в конечном счёте, должна обеспечивать выполнение задач, поставленных её субъектами. Отсюда возникает комплекс проблем, связанных с оценкой её эффективности. Ввиду разнообразия прямых и косвенных задач миграционной политики на РДВ, направленных в той или иной степени не только на демографическое, но и на экономическое, социокультурное, политико-административное и военно-стратегическое развитие региона, эффективность такой политики также представляет собой сложный, внутренне дифференцированный показатель. Особенную трудность оцениванию эффективности миграционной политики придаёт то, что интересы различных её субъектов (государственных и общественных, центральных и региональных) могут существенно расходиться.

Кратко очерченный выше круг вопросов нуждается в длительном и масштабном изучении силами представителей многих дисциплин. Авторы предлагаемой вниманию читателя тематической рубрики ставили своей целью выделить и прояснить лишь отдельные грани этой обширной проблематики.

Открывающая рубрику работа А.А. Киреева посвящена изучению воздействия российской миграционной политики на трансграничную миграцию из Китая. Указывая на несколько факторов, препятствующих целостному количественному анализу причинных отношений между политическим и миграционным процессами, автор намечает подход, позволяющий находить вероятностные объяснения динамики миграции в условиях неполноты, недостаточной точности, а в некоторых случаях и малой достоверности исходных данных. На основе сравнения изменений в значениях шести переменных в исследовании выявляется ряд положительных связей между тенденциями движения мигрантов из КНР в РФ и периодизацией российской миграционной политики, и вместе с тем, аргументируется необходимость включения в объяснение динамики этой миграции альтернативных (прежде всего, экономических) «независимых переменных». Хотя китайская миграция затрагивает значительную часть территории России, исключительную, первостепенную значимость она имеет именно для РДВ, что, по мнению автора, само по себе является достаточным основанием для разработки особой региональной миграционной политики.

Следующая статья, подготовленная А.А. Зыковым, имеет более чётко определённые географические рамки, представляя картину современных (постсоветских) миграционных процессов в пределах Дальнего Востока России. В то же время, дальневосточный регион показан в ней в широком евразийском контексте, т.е. в демографических отношениях с другими российскими регионами, а также странами Центральной и Восточной Азии. В работе наглядно продемонстрирована тесная взаимосвязь внутрисоссийских (прежде всего, отток населения в западные регионы страны) и международных (приток мигрантов из КНР и КНДР) миграционных потоков, свидетельствующая не только о системном характере ситуации, сложившейся на РДВ, но и о том, что она должна изучаться и объясняться как часть общеевразийской миграционной системы. Как указывает автор, понимание общности миграционного пространства Евразии уже находит своё отражение в координации мер по регулированию движения человеческих ресурсов со стороны части государств СНГ. Однако роль и место в складывающейся евразийской системе РДВ, в связи с отсутствием осмысленной региональной миграционной политики, по-прежнему остаются не ясными.

Третья статья тематической рубрики, автором которой является С.А. Иванов, восполняет целый ряд пробелов в картине миграций и миграционной политики на РДВ, представленной в предшествующих работах. В отличие от них, данное исследование сосредоточено на микроуровне изучаемой проблематики: его объектом выступают использующие труд мигрантов из КНР предприятия с китайским капиталом, которые находятся на территории одного из дальневосточных регионов – Приморского края. Автор прослеживает зависимость между трудовой миграцией из Китая в Приморье и движением через российско-китайскую границу такого фактора производства как капитал. Другой важной особенностью этой работы является рассмотрение трансграничной миграции китайцев с точки зрения регулирующего воздействия на неё органов государственной власти КНР. Опираясь на труднодоступный для российских учёных и вновь полученный эмпирический материал, автор

ставит под сомнение некоторые стереотипы, сложившиеся в исследованиях миграционных процессов на Дальнем Востоке.

Т.Г. Троякова и А.И. Козинец, авторы заключительной статьи рубрики, сфокусировали своё внимание на ещё одном из регионов РДВ – Сахалинской области. Даже на фоне других дальневосточных субъектов РФ эта область выделяется сложной историей формирования своего населения, особенно значительную роль в которой сыграли международные миграции и государственная политика принудительных переселений. Процессы миграционного пополнения и сокращения населения Сахалина и Курил, и сложившийся в их историческом итоге этнический и социальный состав жителей области, авторы статьи рассматривают в ракурсе проблемы генезиса региональной идентичности, т.е. той эфемерной субстанции, которая способна превратить механическое скопление индивидов и групп в устойчивую и осознающую свою целостность социально-территориальную общность. В анализе этой проблемы авторы используют как традиционные методы изучения объективных факторов регионального единства, так и пока не часто встречающийся в российских регионоведческих исследованиях конструктивистский подход. В статье делается вывод о том, что сахалинская региональная идентичность уже сформировалась, однако не настолько сильна, чтобы компенсировать мотивы, выталкивающие её носителей за пределы области.

Тематика представленных в настоящей рубрике «Ойкумень» работ в целом охватывает, конечно, только небольшую часть проблематики миграций и миграционной политики на РДВ. Тем не менее, мы надеемся, что статьи авторов прольют свет на ряд важных для её исследователей вопросов, а главное – подтолкнут их к дальнейшим научным поискам.

А.А. Куреев

УДК 325.1

*Kupreev A.A.
Kireev A.A.*

Воздействие российской миграционной политики на динамику трансграничной миграции из Китая

Impact of Russian migration policy on the dynamics of transborder migration from China

На основе сравнительного анализа тенденций динамики ряда переменных в исследовании предпринята попытка оценки воздействия российской миграционной политики на трансграничную миграцию из Китая в 1989 – 2012 гг. Автор выделяет недостатки государственного регулирования миграции из КНР, указывает возможные направления повышения его действенности и перспективы дальнейшего изучения данной проблемы.

Ключевые слова: *российская миграционная политика, китайская трансграничная миграция, анализ тенденций динамики, российско-китайские отношения, российский Дальний Восток*



Based on comparative analysis of trends of a number of variables the study assesses the impact of the Russian migration policy on transborder migration from China in 1989 – 2012 years. The author highlights the shortcomings of state regulation of migration from China, and indicates possible ways of increasing its efficiency and prospects for further examination of the problem.

Key words: *Russian migration policy, Chinese transborder migration, analysis of trends, Russian-Chinese relations, Russian Far East*

В отечественном общественном сознании постсоветского периода найдётся немного научных направлений, которые могли бы сравниться по объёму написанного с исследованиями миграций и миграционной политики. Тем не менее, в этом огромном и ускоренно прирастающем объёме публикаций обнаруживается неожиданно мало работ, предметом которых бы прямо выступала причинная зависимость между миграционной политикой и миграционным процессом. Безусловно, постановка объяснительных задач вообще редка в социогуманитарных исследованиях. Однако, судя по состоянию изученности данной проблемы, здесь исследователи сталкиваются с особенными, неординарными трудностями.

Действительно, рассматривая информационную базу российских исследований управления миграционными процессами, и в особенности миграциями трансграничного типа, можно прийти к выводу, что она сконцентрировала в себе целый комплекс недостатков, серьёзно ограничивающих возможности её научной обработки. Среди таких недостатков, прежде всего, необходимо выделить следующие:

◆ Неполнота информации. Как миграции, так и государственная миграционная политика представляют собой чрезвычайно сложные,

разнообразные и быстро эволюционирующие общественные процессы, внутренняя структура и внешние связи которых не имеют достаточно полного теоретического описания, и поэтому не могут быть исчерпывающим образом выражены в совокупности существенных переменных. Следствием этого являются узость и произвольность набора тех параметров миграции и миграционной политики, которые обычно становятся предметом их систематического мониторинга, осуществляемого в основном государственными статистическими службами. Данный недостаток в наибольшей мере проявляется при сборе информации о трансграничных миграциях, активное развитие которых началось в сравнительно более поздний период (в России – с конца 80-х гг. XX в.), и которые соответственно описаны теоретическими и эмпирическими моделями с ещё меньшей полнотой;

♦ Неквантифицируемость данных. Поскольку миграция и миграционная политика являются социальными (общественными) процессами, они необходимо включают в себя мотивационные и коммуникативные компоненты, в которых реализуются различные факторы сознания – психологические, культурные и идеологические. От присутствия этих факторов не может быть свободна и причинная зависимость между миграционной политикой и миграцией, также имеющая общественную, т.е. двойственную, субъективно-объективную, природу. При этом, в отличие от поведенческих и ресурсных аспектов миграционного и политического процессов, их мотивационные и коммуникативные составляющие (если рассматривать их в содержательном плане, а не с точки зрения, скажем, их распространённости), как правило, не имеют унифицированных мер и не могут быть представлены в количественной форме. В итоге они часто просто остаются за рамками миграционных исследований;

♦ Недоступность информации. Трансграничные миграции и их регулирование обычно в той или иной степени ассоциируются с интересами государственной (национальной) безопасности. В России эта связь традиционно является особенно сильной, что предопределяет существование многочисленных и жёстких ограничений на доступ к соответствующей информации. В относительно полном виде в открытую печать поступают данные лишь по небольшой части тех параметров трансграничной миграции и миграционной политики, которые измеряются российскими государственными ведомствами. Остальная же информация либо публикуется фрагментарно, либо остаётся недоступной для исследователей в течение неопределённо долгого времени. Причём закрытая таким образом информация в значительной мере не может быть восполнена результатами негосударственных исследований.

Названные недостатки информационной базы изучения воздействия миграционной политики России на трансграничную миграцию дают общее представление о том, насколько серьёзные препятствия стоят сегодня перед любыми попытками комплексного объяснительного моделирования сложной связи этих двух процессов. Перспективы же полного выражения такой модели в количественной (интервальной) форме в этих условиях и вовсе выглядят призрачными.

Осознание этой реальности по существу оставляет исследователям проблемы только два пути. Первый путь предполагает сознательное сведение изучаемой проблемы к рассмотрению прямой связи относящихся к двум процессам отдельных переменных, результаты количественного измерения которых доступны. При этом речь идёт, как правило, о довольно частных (специализированных) или локальных показателях политики и миграционного процесса, которые скорее могут удовлетворять строгим требованиям к полноте и точности данных. Примерами такого «редуцирующего» подхода могли бы быть исследования связи между динамика-

ми объёма финансирования миграционной политики и количества выявленных в стране нелегальных иммигрантов или между изменениями численности (уровня квалификации, технической обеспеченности и т.п.) персонала конкретного пункта пропуска и количества въехавших через него мигрантов¹. Основанные на редуцирующем подходе исследования воздействия политики на трансграничные миграции пока сравнительно мало распространены, однако, учитывая большое число работ аналогичным образом, с применением методов двумерной и многомерной статистики, анализирующих обусловленность миграционных процессов различными экономическими факторами², их быстрый рост в ближайшее время весьма вероятен.

Редуцирующий подход, безусловно, привлекателен той относительной простотой и оперативностью, с которой он способен давать точные и воспроизводимые, и в этом смысле однозначные, результаты³. Однако допускаемые этим подходом радикальное упрощение и фрагментация изучаемых политических и миграционных процессов и их отношений крайне ограничивают возможности практического применения получаемых в его рамках выводов. Так, при принятии стратегических решений большого временного и пространственного масштаба, создании концепций национальной и региональной миграционной политики множество разнообразных и сколь угодно точно вычисленных показателей её связи с трансграничным движением мигрантов, скорее всего, окажется бесполезным и невостребованным. С точки зрения практических управленческих задач этого уровня, точность и детальность в описании и объяснении управляемого объекта обычно имеют меньшую ценность, чем широта и целостность.

Учитывая это, необходимо вспомнить о существовании и другого пути изучения обсуждаемой здесь проблемы. Этот второй путь исходит из того, что каждый из двух изучаемых процессов характеризуется большой группой переменных, связанных друг с другом (внутри данного процесса) и с переменными, относящимися к другому процессу, множеством прямых и косвенных (в т.ч. многократно опосредованных) причинных отношений. При этом, значительная часть этих переменных недоступна для точного количественного (интервального) измерения и может быть оценена только приблизительно, в порядковых и номинальных категориях, а конкретный механизм (форма) причинной связи между многими переменными остаётся неизвестным. Если рассматривать проблему воздействия миграционной политики на трансграничную миграцию на таком уровне сложности (самих процессов и их связи), то её решение потребует использования «интегрального» подхода. В отличие от «редуцирующего», «интегральный» подход базируется не на статистических методах вычисления коэффициента связи переменных, а на простом сравнительном анализе тенденций (или трендов) динамики этих переменных, визуализированных, например, в виде линейной диаграммы. Однако за счёт снижения точности описания и анализа, огрубления их результатов, этот подход даёт возможность охватить более широкий круг переменных и связей двух процессов и увидеть картину их причинных отношений более целостно.

Следует подчеркнуть, что интегральный и редуцирующий подходы не исключают друг друга. В изучении воздействия миграционной поли-

¹ О количественном анализе связей узкоспециализированных (погранометрических) показателей миграционной политики и трансграничной миграции см. [3]

² Например: [2]

³ В то же время, не следует забывать, что интерпретация результатов любого корреляционного или регрессионного анализа может оказаться далеко неоднозначной.

тики на трансграничную миграцию они являются равно необходимыми. Каждый из подходов имеет свою предпочтительную сферу применения, разграничить которые можно исходя из масштаба (международный, национальный или локальный) проводимого исследования и состояния его эмпирической базы (степень полноты и точности данных). При достижении достаточно высокого уровня изученности проблемы интегральный и редуцирующий подходы к её анализу могут стать взаимодополняющими. В этих условиях интегральный подход может послужить средством операционализации абстрактных концепций связи миграционной политики и трансграничной миграции, графическая конкретизация которых позволит сформулировать пригодные для статистической проверки гипотезы и придать тем самым теоретическим исследованиям в этой области большую обоснованность. В то же время, формирование большого и плотного корпуса результатов исследований, основанных на редуцирующем подходе, может облегчить их сопоставление и определение места отдельных измеренных переменных и связей в структуре «интегральных» эмпирических, а затем и теоретических моделей воздействия миграционной политики на миграцию.

Целью данного исследования является оценка воздействия российской миграционной политики на трансграничную миграцию из КНР с использованием интегрального подхода. Хронологические рамки исследования охватывают период с 1988 по 2014 гг. Это период возобновления (после длительного перерыва) и активного развития массового миграционного движения из Китая на территорию России и одновременно становления (также, по сути, «с чистого листа») государственной политики по управлению им.

Исходя из общих принципов интегрального подхода, каждый из изучаемых процессов, – трансграничная миграция и миграционная политика, – будет представлен в исследовании несколькими переменными, временные ряды значений которых, позволяют проследить характеризовавшие эти процессы в изучаемый период тенденции. Так, для описания трансграничной миграции из Китая в Россию будут использованы следующие переменные: 1) количество въездов иностранцев из Китая в Россию; 2) количество трудовых (легальных) мигрантов из Китая, работающих в России; 3) количество одновременно (постоянно в течение года) пребывающих в России китайских граждан. Далеко не исчерпывая содержания понятия «трансграничная миграция», названные переменные фиксируют, однако, важные аспекты этого процесса, и в той или иной степени обеспечены данными интервального типа. Вместе с тем, эти данные имеют немало недостатков с точки зрения полноты, точности и достоверности. Наиболее достоверными и полными из них являются данные о количестве въездов из Китая в Россию, собираемые российской пограничной службой. Однако их использование и сопоставление с другими данными о миграции существенно осложняется тем, что единицей счёта в данном случае выступает факт пересечения мигрантом границы, а не он сам как конкретный индивид¹. Относительной достоверностью и точностью обладает предоставляемая миграционной службой статистика численности трудовых мигрантов из КНР, слабой стороной которой, вместе с тем, является неполнота, значительный недоучёт китайских мигрантов, работающих в России нелегально. Наименьшей точностью и достоверностью отличаются данные о китайцах, пребывающих в России, представляющие собой результаты экспертных оценок.

Для описания российской политики в отношении трансграничной миграции из Китая в работе будут использованы следующие перемен-

¹ Превышение числа въездов над числом въехавших может достигать трети и более.

ные: 1) общая открытость страны для китайских мигрантов; 2) открытость страны для трудовых мигрантов (наёмных работников) из Китая; 3) качество системы учёта и контроля трансграничной миграции. Указанные переменные не могут быть сведены к каким-либо статистическим показателям (по крайней мере, существующим в готовом виде), их значения можно определить только приблизительно, на порядковом уровне. Кроме принципиально иного, более низкого, чем у данных о миграции, уровня точности, данные о миграционной политике будут отличаться и другой временной масштаб, поскольку существенные изменения в значениях «политических» переменных, как правило, фиксируются не ежегодно, а по окончании более крупных временных промежутков – периодов.

Реконструкция временных рядов значений переменных, характеризующих трансграничную миграцию из Китая и политику в отношении неё, и их графическое представление на линейной диаграмме позволит наглядно сравнить динамику этих двух процессов в целом и в их разных аспектах. Такое сравнение может выявить наличие, направление и силу¹ связи изучаемых процессов, и, в конечном счёте, сделать общие выводы о влиянии политики на трансграничную миграцию из Китая в Россию. Эти выводы могли бы выполнять роль гипотез в дальнейших исследованиях данной проблемы, опирающихся на более широкие и точные данные и количественные методы анализа.

Переходя к реконструкции временных рядов значений переменных, описывающих первый из рассматриваемых процессов, – трансграничную миграцию из КНР, – следует сделать несколько уточняющих замечаний. Автор не располагает общероссийской статистикой въезда в страну граждан Китая в период до 1993 г. Приводимые данные о въезде за 1989 – 1992 гг. касаются пересечения российской границы в пределах Приморского края и Амурской области, а потому в той или иной степени неполны². Сведения о численности работающих в России китайских трудовых мигрантов до 1994 г. государственными органами не собирались, поэтому данные по этой переменной за предшествующие годы являются оценочными. Оценочный, экспертный характер имеют, как уже указывалось, и все значения переменной «количество одновременно пребывающих в России китайских граждан». При построении временного ряда данных по этой переменной не принимались во внимание оценки журналистов и представителей власти, которые отличаются обычно наибольшей ангажированностью и поляризованностью. В работе отражены оценки представителей учёного сообщества и прежде всего, авторов, ведущих длительные и в т.ч. эмпирические, исследования китайской миграции. Поскольку экспертные мнения часто выражены в виде диапазонов значений³, в предлагаемой реконструкции учтены как максимальные, так и минимальные их пределы. Если цитируемые публикации экспертов не содержали точной временной атрибуции приводимой численности мигрантов, то такая атрибуция производилась по дате самой публикации.

Результаты реконструкции временных рядов значений трёх переменных, описывающих трансграничную миграцию из Китая в Россию, синхронизированы в *Таблице 1*.

¹ Речь идет, конечно, о выявлении силы связи только на порядковом уровне (сильная – слабая). Ее количественная оценка требует большей точности исходных данных и иных методов анализа.

² Поскольку через пункты пропуска Амурской области и Приморского края проходил основной поток въезжающих из КНР, эта степень невелика.

³ Это обусловлено не только приблизительностью самих оценок, но и объективными сезонными колебаниями численности мигрантов в течение года.

Таблица 1. Динамика трансграничной миграции из Китая в Россию в 1989 – 2014 гг. (по трём переменным)

Годы	Количество въездов из Китая в Россию (тыс. случаев)	Количество трудовых мигрантов из Китая (тыс. чел.)	Количество одновременно пребывающих китайских граждан (тыс. чел.)
1989	28	н/д	н/д
1990	74	10	н/д
1991	187	н/д	н/д
1992	477	н/д	н/д
1993	751	18	до 300
1994	328	20	н/д
1995	391	26	н/д
1996	349	24	н/д
1997	449	22	н/д
1998	473	23	200 – 400
1999	447	24	н/д
2000	494	26	н/д
2001	461	39	н/д
2002	726	39	200 – 400
2003	680	73	н/д
2004	813	94	н/д
2005	799	161	до 500
2006	765	211	н/д
2007	765	229	н/д
2008	815	282	н/д
2009	718	270	400 – 600
2010	748	186	от 400
2011	845	69	н/д
2012	979	77	н/д
2013	1071	н/д	н/д
2014	н/д	н/д	400 – 600

Примечание: данные округлены до тысяч.

Составлено на основе (источники разделены по колонкам таблицы):

- 1) [6, с. 76; 11, с. 106 – 107; 17, с. 184; 18; 19; 20; 21; 22; 30; 31; 32; 33]
- 2) [17, с. 186; 23, с. 51 – 52; 24; 25; 26; 27; 28; 29]
- 3) [4, с. 28 – 31; 10, с. 392; 13, с. 207; 14, с. 279 – 280; 23, с. 57 – 58; 34, р. 225 – 226]

Реконструкция временных рядов значений переменных миграционной политики сопряжена с большими трудностями. Она требует осуществления сравнительно-исторического анализа и оценки (порядкового измерения) изменений в целях и средствах миграционной политики. В частности, измерение переменных «общая открытость страны для китайских мигрантов» и «открытость страны для трудовых мигрантов из

Китая» предполагает рассмотрение таких отражавших основные цели российского государства в этой сфере политических и правовых документов, как программы и концепции, международные акты, федеральные законы, указы и постановления правительства. Для измерения переменной «качество системы учёта и контроля трансграничной миграции» главный интерес представляют президентские и правительственные решения о создании и преобразовании органов миграционной политики и их материально-техническом обеспечении, а также регламентирующие их работу подзаконные акты. Оценка тенденций динамики всех трёх названных переменных будет производиться с помощью порядковой шкалы, допускающей четыре возможных значения измеряемой переменной – «очень высокое», «высокое», «низкое» и «очень низкое».

Меньшее число градаций и меньшая частота колебаний переменных, характеризующих миграционную политику (в сравнении с переменными миграции), позволяет представить временные ряды значений этих переменных в виде периодизаций. В силу самой сущности государственной политики, как целенаправленной и централизованной регулирующей деятельности, её переменные (в сравнении опять же с переменными миграции) обладают относительно более тесной взаимосвязью, что выражается в высокой степени синхронности упомянутых периодизаций. Исходя из этого, для упрощения описания и дальнейшего сравнения, я считаю возможным объединить периодизации динамики трёх переменных в общую периодизацию развития миграционной политики.

Первый период в развитии государственной политики в отношении китайской миграции в Россию, который может быть выделен в хронологических рамках данного исследования, продолжался с июля 1988 по октябрь 1993 г. Главной отличительной чертой этого периода было кардинальное изменение общих приоритетов в регулировании трансграничной миграции – переход от почти полной закрытости границы с Китаем к ликвидации большей части существовавших в этой сфере барьеров. Начало этому процессу было положено заключением советско-китайского соглашения от 15 июля 1988 г. С начала 90-х гг., после двустороннего обмена дипломатическими нотами в январе – марте 1991 г. и особенно подписания российско-китайского соглашения от 18 декабря 1992 г. о безвизовых групповых туристических поездках, режим въезда граждан КНР на российскую территорию стал предельно либеральным [6, с. 54; 8, с. 359-360].

Несмотря на то, что номинально порядок въезда и пребывания таких категорий китайских мигрантов как трудовые мигранты (рабочие и служащие) и туристы регулировался разными международными актами, фактически, в т.ч. ввиду недоработанности нормативной базы, миграционная политика этого периода оставалась недифференцированной. С точки зрения свободы въезда, перемещений и деятельности трудовые мигранты по существу не отличались от безвизовых туристов, под видом которых в страну в эти годы в действительности приезжали лица, искавшие возможности трудоустройства или ведения самостоятельной экономической (торгово-предпринимательской, ремесленной, промышленной и т.п.) деятельности.

Наиболее проблемным аспектом российской миграционной политики 1988 – 1993 гг. являлась её обеспеченность институциональными и материально-техническими средствами. Специализированное ведомство, ответственное за реализацию этой политики (ФМС), было образовано в России только в июне 1992 г., а формирование сети его региональных подразделений продолжалось затем ещё в течение нескольких лет. Таким образом, как отмечают многие исследователи, на протяжении всего данного периода какая-либо единая и работоспособная система учёта

и контроля внешних мигрантов в стране практически отсутствовала [9, с. 147; 10, с. 383; 15, с. 68-69].

В целом, степень общей открытости России для китайских мигрантов в период с июля 1988 по октябрь 1993 г. можно оценить как очень высокую. Поскольку миграционная политика этих лет была недифференцированной, примерно на том же уровне находилась и открытость страны для трудовых мигрантов из КНР¹. Что же касается качества системы учёта и контроля трансграничной миграции, то измерить значение этой переменной невозможно, ввиду того, что создание такой системы было начато лишь в самом конце рассмотренного периода.

С октября 1993 г. российская миграционная политика вступила во второй период своей истории, продолжавшийся до февраля 2000 г. Пересмотр государственной политики в отношении миграции китайцев в Россию был инициирован администрациями дальневосточных регионов РФ, принявшими ряд решений, направленных на ограничение притока мигрантов, улучшение их учёта, ужесточение контроля за их деятельностью и передвижением [8, с. 366-367]. Вслед за этим, в декабре 1993 г. федеральными властями был издан целый комплекс нормативных актов по проблемам трансграничной миграции, а также подписано соглашение с правительством КНР о визовых поездках граждан. Прямым развитием этих решений стали утверждённая в августе 1994 г. «Федеральная миграционная программа» (действовала до 2002 г.) и принятые в сентябре того же года постановления Правительства РФ о введении иммиграционного контроля. Завершение формирования нового курса государства в области миграционной политики было связано с изданием 15 августа 1996 г. ФЗ «О порядке въезда в РФ и выезда из РФ» [6, с. 57-58; 10, с. 115, 383 – 384; 15, с. 70-72].

Хотя новая миграционная политика Москвы сужала возможности безвизового притока китайцев в Россию, в отличие от действий региональных администраций, в целом она отдавала приоритет задачам скорее не ограничения, а упорядочения миграции. В политических и правовых документах федеральных органов требования, исходившие от регионов, отражались в значительно более сдержанной, умеренной форме.

В рассматриваемый период происходит постепенная дифференциация миграционной политики по социальным (профессиональным) категориям мигрантов. И первой категорией китайских мигрантов, оказавшейся объектом особого внимания российских властей, стали наёмные работники. После подписания 16 декабря 1993 г. Указа Президента «О привлечении и использовании в РФ иностранной рабочей силы», объёмы легального въезда трудовых мигрантов из Китая за счёт введения централизованной выдачи работодателям соответствующих разрешений были существенно лимитированы. Даже с учётом принятых в 1996 и 1998 гг. мер по ограничению активности китайских «челноков», наиболее высокие барьеры в этот период были воздвигнуты именно на пути трудовой миграции из КНР [6, с. 58-60; 10, с. 362].

К середине 90-х гг. в основном завершились процессы формирования сети территориальных управлений ФМС и (начавшейся с сентября 1994 г.) организации постов иммиграционного контроля. Миграционные, а также правоохранительные и пограничные органы получили дополнительные полномочия по контролю над трансграничными мигрантами вплоть до выдворения их из страны [8, с. 316, 369-370]. Однако рассогласованность функционирования упомянутых ведомств, общий

¹ Необходимо уточнить, что это, самое высокое в пределах хронологических рамок настоящего исследования, значение обеих переменных было достигнуто не сразу, но лишь в начале 1991 г.

недостаток финансирования и глубокая коррумпированность контролирующих структур не позволили в эти годы обеспечить минимально необходимое качество их работы. Оживившаяся в этот период борьба с нелегальной миграцией носила характер не системной деятельности, а скорее разовых, показательных акций и кампаний.

Таким образом, степень общей открытости России для мигрантов из Китая в период с октября 1993 по февраль 2000 г. можно определить как высокую. Вместе с тем, уровень открытости страны для трудовой миграции, которая в сравнении с другими миграционными потоками из КНР подверглась в данный период значительно большей барьеризации, следует, на мой взгляд, оценить как низкий. Качество же едва сложившейся системы учёта и контроля трансграничной миграции находилось в целом на очень низком уровне.

Следующий, третий, период в истории миграционной политики продолжался с февраля 2000 по июль 2006 г. В это время российское законодательство в сфере миграционной политики быстро дифференцировалось по категориям мигрантов, что затрудняет выявление общих целей последней. Тем не менее, учитывая, что основной категорией мигрантов из КНР являлись безвизовые туристы, ехавшие в Россию главным образом для ведения самостоятельной экономической деятельности, регулирование их потока и определило общий характер миграционной политики этого периода. Подписание нового российско-китайского соглашения о безвизовых поездках от 29 февраля 2000 г., а затем ужесточающих поправок к нему в 2006 г., ряд решений по борьбе с «серым» импортом и контрабандой, принятых с 2004 г., а также издание Правительством РФ постановления от 23 января 2006 г. об ограничении веса товаров, ввозимых в Россию физическими лицами [8, с. 297, 301, 377-382] – всё это, так или иначе, прямо и косвенно было направлено на сокращение «псевдотуризма» как важнейшего канала проникновения в страну нелегальных китайских коммерсантов («челноков») и рабочих. Меры против псевдотуризма (не только китайского) сопровождались действиями по стимулированию въезда в страну «настоящих» туристов, а также зарубежных студентов, однако в общей массе мигрантов доля таковых оставалась всё ещё незначительной.

В контексте общего ужесточения политики в отношении внешних трудовых мигрантов определённое ограничивающее воздействие в этот период испытала и трудовая миграция из КНР. В результате заключения российско-китайского соглашения о временной трудовой деятельности от 3 ноября 2000 г., а затем издания ФЗ от 25 июля 2002 г. и Постановления Правительства РФ от 30 декабря того же года были сокращены сроки пребывания китайских рабочих в России, введён механизм квотирования, установлена более сложная и дорогостоящая процедура найма. Вместе с тем, ряд норм этих и некоторых других (например, соглашения между РФ и КНР о совместном освоении лесных ресурсов от 3 ноября 2000 г.) правовых актов, свидетельствовали о том, что главной целью российских властей являлось не сокращение китайской трудовой миграции, а её реорганизация на основе подписания крупных контрактов с легально работающими китайскими компаниями. Приоритетными сферами для активного привлечения на этих условиях китайского труда в Россию стали лесозаготовки, строительство и сельское хозяйство [6, с. 62-65; 9, с. 212-215; 10, с. 121-122].

Особенностью периода 2000 – 2006 гг. явилось значительно возросшее внимание государства к качеству миграционного учёта и контроля. В целях обеспечения централизации и повышения эффективности контроля над иностранцами самостоятельная ранее ФМС в феврале 2002 г. была включена в структуру МВД, где с 2004 г. её полномочия были суще-

ственно расширены (за счёт административно-репрессивных функций). Для решения той же задачи, – преодоления ведомственной разобщённости и дублирования, – но уже в области учёта в ноябре 2002 г. в России были введены миграционные карты, которые должны были послужить основой проектируемой единой автоматизированной базы данных находящихся в стране иностранных граждан. Однако из-за бюрократических проволочек и недостатка финансирования в запланированный трёхлетний срок эта база так и не была сформирована. В её отсутствие концентрация функций контроля в руках силовых структур не только не повысила качество управления миграцией, но и произвела обратный эффект. Как по мнению исследователей, так и по признанию самих представителей власти, итогом всех этих мер стал лишь ещё больший рост нелегального сегмента трансграничной миграции [7, с. 32-33; 15, с. 77-81].

В целом, в феврале 2000 – июле 2006 г. степень общей открытости страны для граждан Китая уменьшилась, достигнув низкого уровня. В то же время, тенденция изменения меры открытости России для легальных трудовых мигрантов из КНР была скорее противоположной: достигнутый ей уровень можно оценить как высокий. Что же касается такой переменной миграционной политики, как качество системы учёта и контроля, то, несмотря на все усилия государства, его уровень остался в основном прежним, т.е. очень низким.

Начиная с июля 2006 г. российская миграционная политика вступила в четвёртый период своего развития, продолжавшийся до июня 2012 г. Общий смысл произошедших в это время изменений состоял в значительной либерализации данной политики¹, при сохранении и даже усилении её дифференцированности по категориям мигрантов. Эти фундаментальные изменения в полной мере отразились и на регулировании трансграничной миграции из КНР. С 2009 г. в итоге последовательного ряда правовых и административных решений главный объект ограничительных мер российских властей – торговый и рабочий псевдотуризм – во многом утратил своё значение в составе китайской миграции. Что же касается оставшихся её компонентов, т.е. «настоящего» рекреационно-потребительского туризма, трудовой и учебной миграции, то в их отношении Россия проводила скорее политику повышения открытости, хотя степень и механизмы обеспечения последней для каждого из этих компонентов были неодинаковы [6, с. 68-71; 12; 16].

Хотя важнейшим «адресатом» подписанных 18 июля 2006 г. ФЗ «О миграционном учёте» и поправок к ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в РФ» являлись выходцы из стран СНГ, связанное с их реализацией расширение возможностей трудоустройства в России ощутили на себе и граждане КНР. Даже если учесть, что введённые этими законами уведомительный миграционный учёт и упрощённая процедура найма с началом в конце 2008 г. мирового экономического кризиса были во многом вновь пересмотрены в сторону ужесточения, полного возврата к прежней политике всё же не произошло. Во всяком случае, и в годы кризиса квоты для визовых трудовых мигрантов продолжали находиться на более высоком уровне, чем в конце предшествующего, третьего, периода истории миграционной политики [6, с. 68-69; 7, с. 12-13, 33-34; 15, с. 13]. Единственной категорией трудовых мигрантов, натолкнувшихся на своём пути в Россию в этот период на жёсткий (но, как оказалось позднее, всё же преодолимый) барьер, стали иностранцы, работавшие в сфере розничной торговли [6, с. 68-69].

Период 2006 – 2012 гг. явился временем достижения заметных успехов в повышении качества миграционного учёта и контроля. В 2011

¹ Эта либерализация не была в полной мере сведена на нет даже ее последовавшей с началом мирового экономического кризиса ревизией.

г. было, наконец, завершено начатое ещё в 2002 г. построение единой межведомственной автоматизированной системы учёта иностранных граждан [1]. Кроме того, в марте 2007 г. статус самостоятельного по отношению к МВД ведомства в ранге министерства приобрела ФМС. Она сосредоточила в своих руках все полномочия в области реализации миграционной политики, включая выполнение функций по учёту и контролю трансграничной миграции [15, с. 17]. Далеко не устранив проблему нелегальной миграции в России, принятые меры, по отзывам экспертов, всё же впервые позволили приблизиться к выявлению её подлинных масштабов и содержания.

Подводя итог периоду с июля 2006 по июнь 2012 г., можно отметить, что общая открытость России для китайских мигрантов в эти годы возросла, поднявшись с низкого до высокого уровня. При всех значительных колебаниях, связанных с мировым кризисом, по крайней мере, на прежнем, т.е. высоком, уровне осталась открытость страны для такой категории мигрантов из КНР как рабочие. С очень низкого до низкого повысилось в рассматриваемый период качество российской системы учёта и контроля трансграничной миграции.

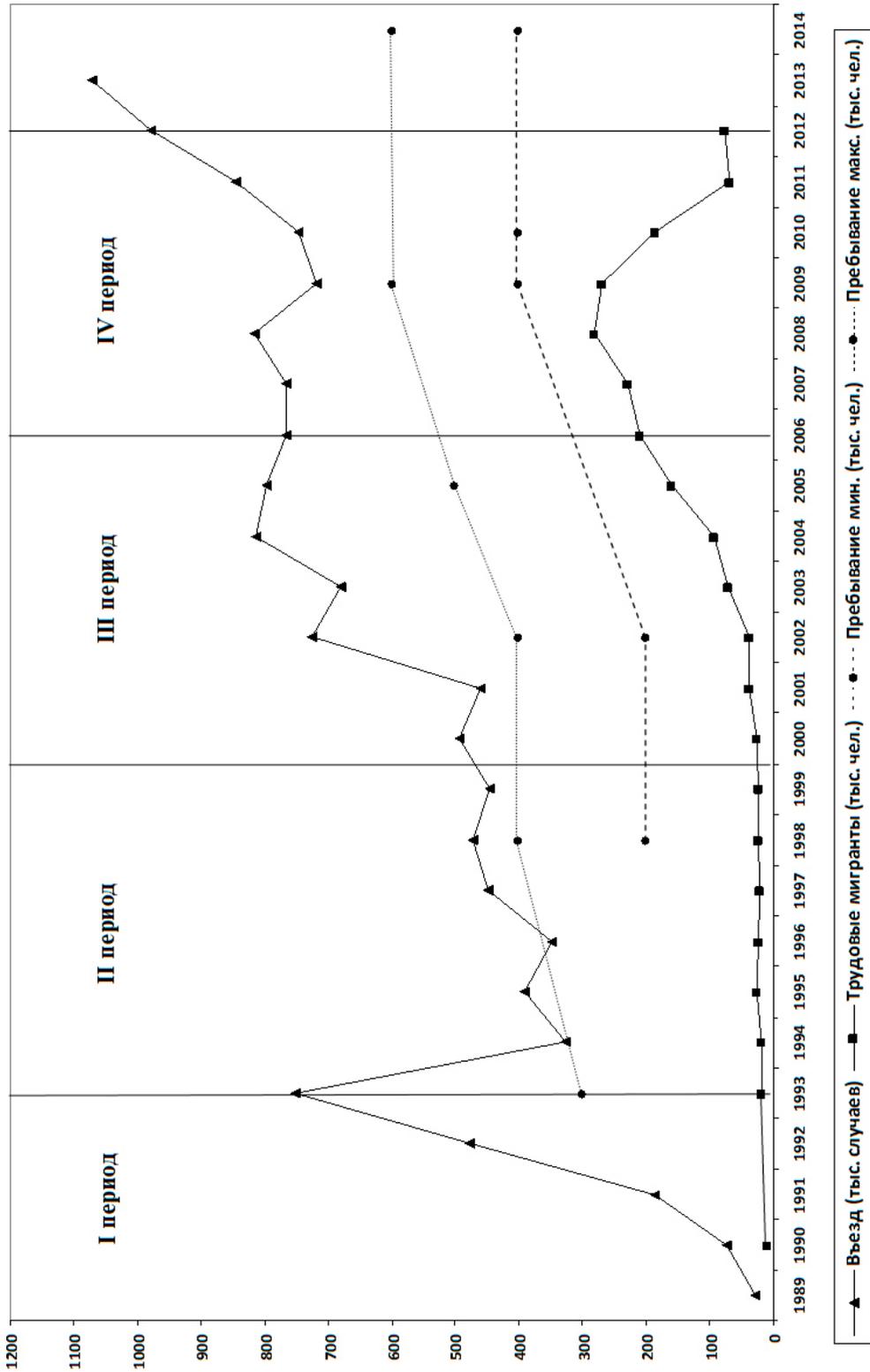
Подписание в июне 2012 г. готовившейся в течение многих лет Концепции миграционной политики РФ (2012 – 2025 гг.), по-видимому, можно считать событием, открывающим новый период в истории регулирования китайской миграции в России. Большинство оценок изменений, происходящих в российской миграционной политике, сходятся в том, что в них преобладает рестриктивная, ограничительная тенденция. Насколько это верно в отношении миграции из Китая, судить пока трудно. Так или иначе, поскольку нормативно-правовая база нового государственного курса в миграционной сфере ещё находится в процессе формирования, анализ его воздействия оказывается за рамками данного исследования.

Четыре реконструированных общих (обобщающих динамику трёх переменных) периода в развитии российской миграционной политики, – 1988 – 1993, 1993 – 2000, 2000 – 2006, 2006 – 2012 гг., – могут быть непосредственно сопоставлены с выявленными ранее колебаниями значений переменных трансграничной миграции из КНР в 1989 – 2014 гг. Тенденции динамики этих двух процессов синхронизированы на *Диаграмме 1*.

Уже при первом взгляде на *Диаграмму 1* можно заметить, что, по крайней мере, между некоторыми тенденциями миграционной политики и трансграничной миграции действительно существует видимая связь. Моменты смены политического курса прямо или с запаздыванием в 1 – 2 года (что объяснимо постепенностью формирования целей и средств новой политики) коррелируют с крупными изменениями в динамике въезда граждан КНР и использования в России китайских трудовых мигрантов. Для того чтобы точнее охарактеризовать эту связь, определить её направление и силу, проанализируем содержание диаграммы по периодам.

Первый из выделенных на диаграмме периодов (июль 1988 – октябрь 1993 г.) обладает особенно яркой спецификой тенденций миграционного процесса. Его отличает стремительный рост количества въездов из КНР и почти такое же резкое увеличение числа одновременно пребывающих на территории России китайских граждан. Эти тенденции с очевидностью имеют прямую и сильную положительную связь с кардинальной либерализацией, а точнее довольно примитивным радикальным дерегулированием трансграничной миграции (во всех её формах), при практическом отсутствии общегосударственной системы её учёта и контроля. Показанные на диаграмме значительно более скромные темпы роста в

Диаграмма 1. Тенденции динамики миграционной политики России и трансграничной миграции из Китая (1989 – 2014 гг.)



Источник: составлено автором

эти годы трудовой миграции, судя по всему, объясняются главным образом неполнотой исходных данных.

Для второго периода (октябрь 1993 – февраль 2000 г.) было характерно ослабление положительной связи миграционной политики с общим объёмом въезда из Китая и отрицательные связи с показателями количества китайских трудовых мигрантов и постоянно пребывающих в России китайцев. Тенденция к резкому уменьшению количества въезжающих, превышающая меру снижения Москвой общей открытости страны, на мой взгляд, стала результатом, кроме того, ряда дополнительных ограничительных действий администраций дальневосточных регионов, а также (и вероятно, в первую очередь) углубления в эти годы социально-экономического кризиса в России. Медленный и неустойчивый (по официальным данным), но всё же рост трудовой миграции из КНР, вопреки её государственной барьеризации, отражал, по-видимому, традиционно высокий и ставший ещё большим в условиях оттока населения на запад спрос на рабочую силу в азиатской части России. Постепенное увеличение числа китайцев, постоянно находящихся в стране (в основном за счёт нелегалов), также происходившее вразрез с политикой повышения качества миграционного учёта и контроля, было следствием бессистемности и низкой эффективности реализации последней.

Третий период истории миграционной политики (февраль 2000 – июль 2006 г.) ознаменовался её слабой отрицательной связью с общим въездом китайцев в Россию, слабой положительной связью с привлечением китайской рабочей силы и отсутствием связи с динамикой постоянного пребывания граждан КНР. Несмотря на снижение общей открытости страны до низкого уровня, в этот период въезд из Китая почти удвоился, что могло явиться следствием экономических факторов (быстрый рост российско-китайской торговли, в т.ч. «челночной») и изменений в политике КНР (курс «идти во вне»). Экономические причины (подъём внутрироссийского спроса на рабочую силу), по-видимому, стоят и за более значительным, чем можно было ожидать исходя из заявленных целей миграционной политики, увеличением количества трудоустроенных (только официально!) в России китайских рабочих. При оставшемся на прежнем – очень низком – уровне качества системы учёта и контроля миграции, медленный рост численности постоянно пребывающих в стране китайцев в эти годы продолжился.

Четвёртый выделенный на диаграмме период (июль 2006 – июнь 2012 г.) характеризовался сильной положительной связью миграционной политики с общим количеством въездов из КНР, отсутствием её связи с динамикой количества работавших в стране китайских трудовых мигрантов и слабой отрицательной связью с тенденцией постоянного пребывания китайцев. Даже в условиях разразившегося в этот период мирового экономического кризиса основной тренд въезда в Россию из Китая в целом соответствовал политически установленному более высокому, чем в предыдущий период, уровню общей открытости страны. Тенденции изменения численности китайской рабочей силы в эти годы (сначала подъём, а затем резкий спад) определялись, по-видимому, прежде всего международными (всё тот же кризис в мировой экономике) и внутренними (вытеснение китайских рабочих мигрантами из Средней Азии) социально-экономическими факторами, поскольку уровень открытости России для трудовых мигрантов оставался неизменно высоким. Что же касается численности одновременно находящихся в стране китайских граждан, то, невзирая на повышение качества системы учёта

и контроля, её постепенный рост в данный период продолжался, лишь несколько замедлившись¹.

Все высказанные выше суждения о связях миграционной политики и миграции из Китая, конечно, являются предварительными, поскольку базируются на приблизительном сравнении графиков, т.е. в основном порядковом измерении. Кроме того (и это более существенно), представленный анализ не включал в себя систематического рассмотрения возможных альтернативных причин динамики трансграничной миграции. В исследовании упоминались только некоторые из таких факторов. Дальнейшее развёрнутое объяснительное изучение миграции в Россию из Китая должно принять во внимание синхронные ей тенденции изменения, по крайней мере, ещё двух категорий факторов: 1) смежные социально-экономические процессы (особенно состояние рынков труда и товаров в России и Китае и взаимные экономические (торговые и инвестиционные) отношения двух стран) и 2) смежные политические процессы (в особенности экономическая (таможенная и налоговая) политика в России и Китае, а также их политико-дипломатические отношения). Учёт долговременных тенденций этих факторов способен внести коррективы в предложенную картину причинных отношений российской миграционной политики и трансграничной миграции из Китая.

Пока же проведённый анализ позволяет сделать следующие общие выводы:

1. Воздействие миграционной политики на трансграничную миграцию из КНР на протяжении рассмотренного исторического интервала (1988 – 2012) в целом имело тенденцию к росту. В частности, в рамках четвёртого периода (2006 – 2012 гг.) связи миграционной политики с динамикой переменных «количество въездов из Китая в Россию» и «количество трудовых мигрантов из Китая, работающих в России» впервые (не считая периода государственного дерегулирования миграции в 1988 – 1993 гг.) одновременно не являлись отрицательными. Впрочем, этот рост воздействия политики на свой объект был не только медленным и неустойчивым, но и неравномерным. Так, переменная «количество постоянно пребывающих в России китайских граждан» на протяжении трёх периодов (с 1993 по 2012 гг.) демонстрировала по существу неуправляемую, независимую от миграционной политики динамику (нулевая или отрицательная связь с ней). Поскольку количество постоянно пребывающих в стране китайцев примерно на половину состояло из нелегалов², это достаточно ярко характеризует качество системы российского миграционного учёта и контроля.

2. Основными «конкурентами» миграционной политики в её воздействии на трансграничную миграцию из Китая (особенно в среднесрочном и долгосрочном масштабе) выступают социально-экономические факторы и прежде всего тенденции внешних (в т.ч. международных) и внутренних рынков труда и товаров. В некоторых случаях (регулирование въезда из КНР во II период и трудовой миграции в III период) эти факторы действовали односторонне политике, позволяя ей достигать своих целей. Однако, когда их динамика была направлена против задач миграционной политики (например, при регулировании въезда в III период), последняя оказывалась неспособной их компенсировать. Это ставит вопрос, с одной стороны, об обеспечении объективной обоснованности, реалистичности целей миграционной политики, а с другой, о под-

¹ Впрочем, это замедление, с моей точки зрения, существует скорее в оценках экспертов, чем в самой реальности.

² К нелегальным мигрантам в данном случае относятся, прежде всего, лица, нарушившие сроки или иные условия пребывания в стране и оказавшиеся таким образом вне «поля зрения» российских властей.

боре адекватных (упреждающих и дифференцированных, т.е. не только административно-принудительных, но и экономически-стимулирующих) инструментов её осуществления.

3. Сравнительная слабость причинного воздействия российской миграционной политики на трансграничную миграцию из Китая обусловлена не только ограниченностью и недифференцированностью её информационной базы и средств реализации, но и географической неспециализированностью. Особенности страны исхода мигрантов учитываются на сегодня только в международно-правовых документах (соглашения между РФ и КНР), но не во внутренней законодательной базе миграционной политики, которая остаётся чрезмерно унифицированной. Реальное участие регионов (в лице органов власти дальневосточных субъектов РФ) в формировании и реализации миграционной политики имело место только во втором из выделенных периодов, что при всех эксцессах определённо способствовало повышению действенности государственного регулирования китайской миграции в крайне неблагоприятных условиях этого времени. Гиперцентрализация государственной политики в области трансграничной миграции в последующие периоды в целом скорее замедлила и осложнила процесс её совершенствования. Учитывая то, что на протяжении изучавшегося периода от половины до двух третей китайских мигрантов въезжали в Россию через дальневосточный участок границы, и от трети до половины одновременно пребывающих в стране китайцев находились на территории РДВ, необходимость выработки особой региональной стратегии регулирования трансграничной миграции из КНР представляется очевидной.



Литература

1. «Мы обречены на удачу» Константин Ромодановский // ФМС РФ [Электронный ресурс]. URL: http://www.fms.gov.ru/press/publications/news_detail.php?ID=45321 (дата обращения: 20.10.2013 г.)

2. Безруков И.С., Горбенкова Е.В. Перспективы использования азиатской рабочей силы в экономике Дальнего Востока России. Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2006. 208 с.

3. Беляков С.А., Борисов В.И., Шумов В.В. Введение в погранометрику. М.: Пограничная академия ФСБ России, 2012. 667 с.

4. Гельбрас В. Китайская миграция и китайские землячества // Мир в зеркале международной миграции/ Гл. ред. В.А. Ионцев. М.: МАКС-Пресс, 2002. Вып. 10. С. 17-39.

5. Градировский С.Н. Доклад «Политика репатриации и трудовой миграции в современном российском государстве». Москва, 2010. [Электронный ресурс]. URL: http://www.archipelag.ru/download/book/text_pdf/doklad_vb_2010/02_trud.pdf (дата обращения: 2.10.2014 г.)

6. Забияко А.П., Кобызов Р.А., Понкратова Л.А. Русские и китайцы: этномиграционные процессы на Дальнем Востоке. Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2009. 412 с.

7. Ионцев В., Ивахнюк И. Аналитический доклад по проекту на тему: Роль международной трудовой миграции для экономического развития России, CARIM-East RR 2012/28, Robert Schuman Centre for Advanced Studies, San Domenico di Fiesole (FI): European University Institute, 2012.

8. Киреев А.А. Дальневосточная граница России: тенденции формирования и функционирования (вторая половина XIX – начало XXI вв.). Владивосток: Изд-во ДВФУ, 2011. 474 с.
9. Ларин А.Г. Китайские мигранты в России. История и современность. М.: Восточная книга, 2009. 512 с.
10. Ларин В.Л. В тени проснувшегося дракона: Российско-китайские отношения на рубеже XX – XXI вв. Владивосток: Дальнаука, 2006. 424 с.
11. Ларин В.Л. Китай и Дальний Восток России в первой половине 90-х гг.: проблемы регионального взаимодействия. Владивосток, 1998. 284 с.
12. Ларин В.Л. КНР глазами дальневосточника // Международные процессы. 2010. Т.8. № 1 // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.intertrends.ru/twenty-second/014.htm> (дата обращения: 2.08.2014 г.)
13. Население России 2005: Тринадцатый ежегодный демографический доклад / Рук.: А.Г. Вишнеvский; отв. ред.: А.Г. Вишнеvский. М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2007. 245 с.
14. Население России 2009: Семнадцатый ежегодный демографический доклад / Отв. ред.: А.Г. Вишнеvский. М.: Изд. дом НИУ ВШЭ, 2011. 334 с.
15. Политика иммиграции и натурализации в России: состояние дел и направления развития / Под ред. С.Н. Градировского. М., 2005.
16. Программа сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири РФ и Северо-Востока КНР (2009 – 2018 гг.) // Иркутская область. Представительство в Китае: [Электронный ресурс]. URL: <http://www.irkutsk.cn/site/uploads/File/Programm.doc> (дата обращения: 5.03.2011 г.)
17. Российский Дальний Восток и Северо-Восточная Азия. Проблемы регионального сотрудничества. М.: Эдиториал УРСС, 1998. 248 с.
18. Российский статистический ежегодник 1993 / Госкомстат. М., 1994.
19. Российский статистический ежегодник 1994 / Госкомстат. М., 1995.
20. Российский статистический ежегодник 1995 / Госкомстат. М., 1996.
21. Российский статистический ежегодник 1996 / Госкомстат. М., 1997.
22. Российский статистический ежегодник 1997 / Госкомстат. М., 1998.
23. Рязанцев С.В., Хунмей Я. Китайская миграция в Россию: тенденции, последствия и подходы к регулированию. М.: Экономическое образование, 2010. 147 с.
24. Труд и занятость в России 2003 / Госкомстат. М., 2003.
25. Труд и занятость в России 2005 / Росстат. М., 2006.
26. Труд и занятость в России 2007 / Росстат. М., 2007.
27. Труд и занятость в России 2009 / Росстат. М., 2009.
28. Труд и занятость в России 2011 / Росстат. М., 2011.
29. Труд и занятость в России 2013 / Росстат. М., 2013.
30. Численность и миграция населения РФ в 2008 г./ Росстат. М., 2009.
31. Численность и миграция населения РФ в 2010 г./ Росстат. М., 2011.
32. Численность и миграция населения РФ в 2012 г./ Росстат. М., 2013.
33. Численность и миграция населения РФ в 2013 г./ Росстат. М., 2014.
34. Zaionchkovskaya Zh., Mkrtchian N., Tyuryukanova E. Russia`s immigration challenges // *Russia and East Asia. Informal and gradual integration*. Ed. by T. Akaha and A. Vassilieva. New York: Taylor & Francis, 2014. Pp. 200-244.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. «My obrecheny na udachu» Konstantin Romodanovskij // FMS RF [Электронный ресурс]. URL: http://www.fms.gov.ru/press/publications/news_detail.php?ID=45321 (дата обращения: 20.10.2013 г.)
2. Bezrukov I.S., Gorbenkova E.V. Perspektivy ispol'zovaniya aziatskoj rabochej sily v ehkonomie Dal'nego Vostoka Rossii. Vladivostok: Izd-vo VGUEHS, 2006. 208 s.

3. Belyakov S.A., Borisov V.I., SHumov V.V. Vvedenie v pogramometriku. M.: Pogramnichnaya akademiya FSB Rossii, 2012. 667 s.

4. Gel'bras V. Kitajskaya migratsiya i kitajskie zemlyachestva // Mir v zerkale mezhdunarodnoj migratsii/ Gl. red. V.A. Iontsev. M.: MAKS-Press, 2002. Vyp. 10. S. 17-39.

5. Gradirovskij S.N. Doklad «Politika repatriatsii i trudovoj migratsii v sovremennom rossijskom gosudarstve». Moskva, 2010. [EHlektronnyj resurs]. URL:http://www.archipelag.ru/download/book/text_pdf/doklad_vb_2010/02_trud.pdf (data obrashheniya: 2.10.2014 g.)

6. Zabiyako A.P., Kobyzov R.A., Ponkratova L.A. Russkie i kitajtsy: ehnomigratsionnye protsessy na Dal'nem Vostoke. Blagoveshhensk: Amurskij gos. un-t, 2009. 412 s.

7. Iontsev V., Ivakhnyuk I. Analiticheskij doklad po projektu na temu: Rol' mezhdunarodnoj trudovoj migratsii dlya ehkonomicheskogo razvitiya Rossii, CARIM-East RR 2012/28, Robert Schuman Centre for Advanced Studies, San Domenico di Fiesole (FI): European University Institute, 2012.

8. Kireev A.A. Dal'nevostochnaya granitsa Rossii: tendentsii formirovaniya i funkcionirovaniya (vtoraya polovina XIX – nachalo XXI vv.). Vladivostok: Izd-vo DVFU, 2011. 474 s.

9. Larin A.G. Kitajskie migranty v Rossii. Istoriya i sovremennost'. M.: Vostochnaya kniga, 2009. 512 s.

10. Larin V.L. V teni prosnuvshegosya drakona: Rossijsko-kitajskie otnosheniya na rubezhe KHKH – XXI vv. Vladivostok: Dal'nauka, 2006. 424 s.

11. Larin V.L. Kitaj i Dal'nij Vostok Rossii v pervoj polovine 90-kh gg.: problemy regional'nogo vzaimodejstviya. Vladivostok, 1998. 284 s.

12. Larin V.L. KNR glazami dal'nevostochnika // Mezhdunarodnye protsessy. 2010. T.8. № 1 // [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://www.intertrends.ru/twenty-second/014.htm> (data obrashheniya: 2.08.2014 g.)

13. Naselenie Rossii 2005: Trinadtsatyj ezhegodnyj demograficheskij doklad / Ruk.: A.G. Vishnevskij; otv. red.: A.G. Vishnevskij. M.: Izd. dom GU-VSHEH, 2007. 245 s.

14. Naselenie Rossii 2009: Semnadsatyj ezhegodnyj demograficheskij doklad / Otv. red.: A.G. Vishnevskij. M.: Izd. dom NIU VSHEH, 2011. 334 s.

15. Politika immigratsii i naturalizatsii v Rossii: sostoyanie del i napravleniya razvitiya / Pod red. S.N. Gradirovskogo. M., 2005.

16. Programma sotrudnichestva mezhdru regionami Dal'nego Vostoka i Vostochnoj Sibiri RF i Severo-Vostoka KNR (2009 – 2018 gg.) // Irkutskaya oblast'. Predstavitel'stvo v Kitae: [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://www.irkutsk.cn/site/uploads/File/Programm.doc> (data obrashheniya: 5.03.2011 g.)

17. Rossijskij Dal'nij Vostok i Severo-Vostochnaya Aziya. Problemy regional'nogo sotrudnichestva. M.: EHditorial URSS, 1998. 248 s.

18. Rossijskij statisticheskij ezhegodnik 1993 / Goskomstat. M., 1994.

19. Rossijskij statisticheskij ezhegodnik 1994 / Goskomstat. M., 1995.

20. Rossijskij statisticheskij ezhegodnik 1995 / Goskomstat. M., 1996.

21. Rossijskij statisticheskij ezhegodnik 1996 / Goskomstat. M., 1997.

22. Rossijskij statisticheskij ezhegodnik 1997 / Goskomstat. M., 1998.

23. Ryazantsev S.V., KHunmej YA. Kitajskaya migratsiya v Rossiyu: tendentsii, posledstviya i podkhody k regulirovaniyu. M.: EHkonomicheskoe obrazovanie, 2010. 147 s.

24. Trud i zanyatost' v Rossii 2003 / Goskomstat. M., 2003.

25. Trud i zanyatost' v Rossii 2005 / Rosstat. M., 2006.

26. Trud i zanyatost' v Rossii 2007 / Rosstat. M., 2007.

27. Trud i zanyatost' v Rossii 2009 / Rosstat. M., 2009.

28. Trud i zanyatost' v Rossii 2011 / Rosstat. M., 2011.

29. Trud i zanyatost' v Rossii 2013 / Rosstat. M., 2013.

30. CHislenost' i migratsiya naseleniya RF v 2008 g./ Rosstat. M., 2009.

31. CHislenost' i migratsiya naseleniya RF v 2010 g./ Rosstat. M., 2011.

32. Численность и миграция населения РФ в 2012 г./ Росстат. М., 2013.
33. Численность и миграция населения РФ в 2013 г./ Росстат. М., 2014.
34. Заичковская З., Мкртчян Н., Тюрюканова Е. Russia's immigration challenges // Russia and East Asia. Informal and gradual integration. Ed. by T. Akaha and A. Vassilieva. New York: Taylor & Francis, 2014. Pp. 200-244.

УДК 314.74

Зыков А.А.
Zykov A.A.

Дальний Восток России на перекрестке трансграничных миграционных потоков Евразии

The Far East Russia at the intersection of migratory streams of Eurasia

В статье рассматриваются процессы трансформации миграционной ситуации на Дальнем Востоке и формирования современной государственной миграционной политики.

Ключевые слова: *Дальний Восток России, Евразия, миграционные потоки, государственная политика*



In article processes of transformation of a migratory situation in the Far East Russia and formation of modern and state migration policy are considered.

Key words: *the Far East Russia, Eurasia, migratory streams, state migration policy*

Привлечение внешней и внутренней миграции в целях активизации хозяйственного освоения обширных территорий является традиционной проблемой для Дальнего Востока России с момента появления первых русских поселенцев в этих краях. В позднесоветский период остро встал вопрос о привлечении внешней трудовой миграции для восполнения трудовых ресурсов в целях обеспечения регионального развития. Незадолго до распада социалистической системы была объявлена политика «открытых границ»¹ для трудовых мигрантов социалистических стран Восточной Азии (Китай, Северной Кореи и Вьетнама).

Трансформация общественно-политического устройства мировой системы конца XX века только повысила актуальность миграционной составляющей для развития Дальнего Востока. В условиях переосмысления назначения государственных границ, повышения их контактности, одним из объективных закономерностей развития глобальных социально-экономических отношений стало увеличение миграционных потоков. Обзор изменений миграционных процессов на Дальнем Востоке и специфики формирования современной государственной миграционной политики России является целью данной статьи.

ЗЫКОВ Александр Александрович, соискатель кафедры государственного и муниципального управления Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. (г. Владивосток). **E-mail:** sunych_84@mail.ru

¹ Наиболее ярким проявлением этого взаимодействия явилась трудовая миграция на российский Дальний Восток граждан КНР, начавшаяся после подписания соглашения между Россией и Китаем о безвизовом пересечении российско-китайской границы (1988 г.) и соглашения о привлечении и использовании китайских граждан на предприятиях СССР (1989 г.).

В целом для России последняя декада XX века характеризуется сокращением населения на фоне беспрецедентного миграционного прироста. К тому же коренным образом изменилась ситуация во внутрисосийской картине территориального движения населения страны, обозначился мощный «западный дрейф». На Дальнем Востоке эта ситуация приняла угрожающие масштабы: за период 1991 – 2010 гг.¹ дальневосточный регион потерял 1780 тыс. чел. или 22,1% населения, в том числе 225,5 тыс. чел. (12,7%) составила естественная убыль и 1554,5 тыс. (87,3%) – миграционный отток в европейские регионы России [8, с. 14].

На фоне интенсивного оттока русского населения с Дальнего Востока в первой половине 1990-х годов на юге региона активизировались потоки трудовой миграции из соседних азиатских стран (в первую очередь из КНР). Резкий поворот к интенсивным международным контактам бывшего ранее закрытым Дальнего Востока России привёл к тому, что население и власть оказались не готовы к прибытию сразу большого количества представителей разных этнических групп. Одномоментное появление в массовом количестве выходцев из иной социокультурной общности вызвало большую настороженность у населения приграничных регионов, а также беспокойство о социально-экономической безопасности региона местных и федеральных властей. Не подготовленные к приёму сотен тысяч иностранцев административные и правоохранительные органы скоро оказались не в состоянии ни контролировать их, ни даже вести их учёт [6, с. 147]. Впоследствии это вызвало сознательное торможение трансграничных интеграционных процессов, ужесточение федерального контроля и ограничение региональных инициатив, введение в 1994 г. визового порядка пересечения границы и установление заградительных таможенных пошлин на китайские товары.

Миграционный прирост в России, в основном, шёл за счёт переселения русскоязычного населения стран постсоветского пространства. На протяжении 1990-х гг. это была «возвратная миграция» русских и представителей народов России, которые возвращались из бывших республик Закавказья и Средней Азии.

До Дальнего Востока этот поток, как правило, не доходил, за исключением немногочисленного возвращения на «малую родину» депортированных в сталинские годы корейцев². Положения Закона РФ «О реабилитации репрессированных народов» и Постановления Верховного Совета РФ «О реабилитации российских корейцев» создали юридическую основу для восстановления прав и предоставления льгот реабилитированным корейцам. Весной 1993 г. администрация Приморского края разработала план мероприятий по выполнению Постановления Верховного Совета РФ, который предполагал оказание помощи по обустройству переселенцев, предоставление льготных кредитов, выделение в аренду земельных участков для строительства и ведения хозяйства, а также возрождение культурных традиций российских корейцев [11, с. 234]. В результате сегодня в Приморском крае проживает примерно 20 000 граждан корейской национальности.

Таким образом, к середине 1990-х годов чётко обозначились три направления миграционных потоков, пересекающих Евразийский континент: «западный дрейф» русского населения с Дальнего Востока; ма-

¹ К началу 2000-х годов интенсивность оттока населения с Дальнего Востока спала, но такие негативные тенденции, как низкая рождаемость и увеличение доли нетрудоспособного населения, остались.

² После принятия в августе 1937 г. постановления Совета народных комиссаров Союза ССР и Центрального Комитета ВКП(б) «О выселении корейского населения из пограничных районов Дальневосточного края» в Казахстан и Узбекскую ССР около 170 тыс. человек были депортированы.

лочисленный поток мигрантов из среднеазиатских республик постсоветского пространства (корейцев); интенсивный поток трудовых мигрантов из стран Северо-Восточной Азии (в основном, китайцев).

Во многом миграция в этот период носила стихийный характер, в условиях социально-экономического кризиса государственные органы принимали, во многом, конъюнктурные меры. По словам Г.А. Селезнева, бывшего председателя Государственной Думы Российской Федерации, «10 лет бушуют в России миграционные шторма, но разумной, гуманной к человеку и выгодной для государства миграционной политики нет. ... Российское миграционное законодательство сегодня (конец XX – начало XXI вв.) настолько бездейственно, что найти ему аналог в мире невозможно. Чтобы управлять миграцией, необходимо в ближайшее время разработать не менее 20 федеральных законов и иметь более 250 подзаконных актов» [5].

Тем не менее, примерно с 1997 по 2006 г. органам власти разных уровней удалось достигнуть стабильной численности иностранного трудового контингента, установить чётко действующую систему контроля за пребыванием иностранцев с участием силовых структур. Для Дальнего Востока это, в первую очередь, касалось китайской миграции. Были достигнуты стабилизация и снижение темпов роста числа посещений китайскими гражданами дальневосточных субъектов РФ с торговыми целями, сокращено число не вернувшихся на родину, также была стабилизирована численность контрактованных китайских рабочих за период 1997-2000 гг. и достигнут её умеренный рост в 2000-2003 гг. в период экономического оживления [3, с. 23].

В середине 2000-х годов для России, при всей непоследовательности её политики, знаменателен поворот в сторону системных мер регулирования, осуществлённый согласно решению Совета безопасности Российской Федерации «О мерах по совершенствованию миграционной политики Российской Федерации» от 17 марта 2005 года. Приняты Программа работы с соотечественниками за рубежом на 2006-2008 гг., Федеральная целевая программа «Русский язык (2006-2010)», Государственная программа по оказанию содействия добровольному переселению в России соотечественников, проживающих за рубежом (2007 – 2012). Складывалась система миграционного права на основе законодательства, решений Конституционного суда РФ и судов общей юрисдикции, юридической практики, норм международного права, решений Европейского суда по правам человека. Приняты новые редакции федеральных законов «О беженцах», «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию», «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом»; федеральные законы «О правовом положении иностранных граждан в российской Федерации», «О миграционном учёте иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации», Правила осуществления миграционного учёта иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации, административные регламенты для ФМС России.

При этом российские законодатели выступали в качестве «локомотива» в Межпарламентской ассамблее СНГ при подготовке модельных законов, которыми пользуются в процессе законотворчества страны СНГ. На международном уровне коллективное нормотворчество и политика способствуют созданию инфраструктуры взаимодействия миграционных ведомств, взаимно учитывающих особенности национальных миграционных моделей (отдающих или принимающих) [1, с. 134]. Даже двусторонние соглашения не всегда эффективны, например, в отношении транзитной и нелегальной миграции. Необходимы коллективные соглашения, имеющие системный характер, регулирующие в комплексе

все виды миграции, основные её каналы и направления, в том числе легальную и «теневую», блокирующие криминальную. В 2004 г. был создан координирующий орган – Совместная комиссия по борьбе с незаконной миграцией государств-участников «Соглашения о сотрудничестве государств-участников СНГ в борьбе с незаконной миграцией», заключённого 6 марта 1998 года. Была одобрена Концепция сотрудничества государств-участников СНГ в противодействии незаконной миграции от 16 сентября 2004 года. В 2007 г. главы государств-участников СНГ подписали Декларацию о согласованной миграционной политике данных государств, намечающую информационное взаимодействие, противодействие нелегальной миграции, взаимопомощь в предупреждении, выявлении и пресечении её каналов, а также стремление к сближению законодательств в сфере миграции, разработке миграционных программ и их реализации [14, с. 286-289].

Для изучения миграционной составляющей на Дальнем Востоке важно учитывать приведённые обстоятельства, потому что в 2006 – 2008 гг. увеличивалась доля иностранных работников из стран Средней Азии в Приморском крае (как, в принципе, и других субъектах). Особенно выросла численность выходцев из Узбекистана (в 6,3 раза). Часть региональных экспертов высказывала мнение, что мигранты-выходцы из стран СНГ представляют социальную угрозу для дальневосточников, так как они в большей степени, чем китайцы, пополняют теневой рынок труда [4, с. 93]. При этом общее прошлое с выходцами из бывших республик СССР не способствовало их интеграции в российский социум. Профессор А.М. Кузнецов объясняет такое настроение тем, что после крушения СССР там начались процессы, которые нас в значительной степени обособили [9, с. 71]. Также одна из проблем заключается в том, что общности, которые составляют основу населения Дальнего Востока, отличаются от вновь прибывших общностей по степени внутренней консолидации. Эти опасения характерны не только для Дальнего Востока, они актуальны для всей России. Так политолог М.Ф. Ремизов уверен, что необходимо упорядочить миграционные процессы, потому что Россия сегодня проходит точку невозврата, при которой массы эмигрантов формируют своё параллельное общество [2].

В потоках трудовой иммиграции на Дальний Восток имеют тенденцию к преобладанию выходцы из Центральной Азии, которые плохо владеют русским языком (даже для объяснения на элементарном уровне). Низок уровень образования мигрантов. В трудовую миграцию в странах Центральной Азии всё более активно вовлекаются сельские жители и социально незащищённые слои населения. В странах происхождения в трудовую миграцию вовлекаются, кроме того, совсем молодые люди, которые получили незаконченное или среднее образование, не имеют опыта жизни в больших городах, элементарных навыков пребывания в городской среде, культуры поведения в обществе. Низкий уровень культуры провоцирует негативное отношение к ним со стороны местных жителей [16, с. 138-139].

Так, в рамках реализации краевой целевой программы «Комплексные меры по профилактике экстремизма и терроризма в Приморском крае» на 2011 – 2013 годы, утверждённой постановлением Администрации Приморского края от 12.04.2011 № 104-па, проведено социологическое исследование (Текущий архив департамента внутренней политики Администрации Приморского края), которое, показало следующее.

Среди возможных угроз российскому Дальнему Востоку приморцы на первое место поставили угрозы экономического характера – снижение уровня жизни населения и рост уровня безработицы. Большинство участников опроса из Владивостока включили в число угроз Дальнему

Востоку мигрантов из других регионов (Кавказ, Средняя Азия). Кроме того, жителей Владивостока беспокоит угроза конфликтов между людьми разных национальностей и вероисповеданий. Жители краевого центра настроены по отношению к трудовым мигрантам более негативно, чем жители остальных территорий края.

Наибольшую настороженность и недоверие у жителей Приморского края вызывают чеченцы (34,8%), узбеки (29,3%) и азербайджанцы (29%). Более высокий уровень толерантности присущ жителям из разных территорий края, в то время как владивостокцы относятся к представителям других национальностей с высокой долей настороженности и недоверия.

Каждый третий житель края не видит положительного влияния на жизнь в своём городе (районе) трудовых мигрантов. А среди жителей Владивостока выше процент недовольных присутствием трудовых мигрантов, количество которых во Владивостоке только увеличивалось в связи с активным строительством в 2012 году различных объектов.

Участников опроса беспокоит тот факт, что трудовые мигранты занимают рабочие места, обостряя проблему безработицы в крае. Во Владивостоке также высока обеспокоенность ухудшением санитарно-эпидемиологической ситуации, многие участники опроса связывают это с присутствием в Приморье трудовых мигрантов. Кроме того, жители краевого центра связывают повышение уровня преступности с наличием в городе мигрантов.

Несмотря на то, что на определённом этапе мигранты из бывших союзных республик рассматривались не только как равноценное замещение необходимых для страны трудовых ресурсов, но и как противовес «тихой экспансии» дальневосточных соседей, ответственные государственные органы признают опасения широкой общественности как проблему, требующую принятия адекватных решений. Так, выступая в мае 2013 г. на телевидении, глава Федеральной миграционной службы России К.О. Ромодановский подчеркнул, что подходы, связанные с привлечением иностранной рабочей силы, нужно существенно реформировать. «Мы понимаем, что миграция должна давать позитив для экономики, и не выступаем против неё как явления. Но когда мы на протяжении 2-х лет видим 37 % прироста въезда иностранных рабочих в Россию, причём половина из них представители Центральной Азии, а половина из этой половины не знает русского языка, возникает вопрос: зачем они приехали в Россию?» [10].

С принятием в 2012 г. Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 г. начался переход на качественно новый уровень регулирования трудовой миграции, дающий возможность формировать потоки трудовой миграции в соответствии с потребностями российского рынка труда, чтобы перейти к селективной миграционной политике. Совершенствование миграционной политики России позволяет встроить дальновидную и последовательную миграционную политику в общую стратегию национального развития, преодолеть межведомственную несогласованность в её реализации, сформировать консенсус общества и государства в вопросе привлечения мигрантов [16, с. 137].

При этом некоторые наблюдатели отмечают, что Россия резко ужесточила миграционное законодательство. Ужесточены меры уголовной и административной ответственности за нарушение иностранными гражданами или лицами без гражданства правил въезда в РФ либо режима пребывания в стране и незаконное осуществление трудовой деятельно-

сти¹. Произошёл ощутимый поворот в сторону запретительных и карательных мер.

Так, бизнес-омбудсмен Б. Титов пишет о том, что запреты и карательные меры не решают проблему, а ещё больше затянут «гордиев узел»: «Задача государства не в том, чтобы затруднить доступ на наш рынок труда иностранцам, а в том, чтобы все они были надлежащим образом легализованы и пополнили российский бюджет налогами» [7].

Профессор С.В. Рязанцев подчеркнул, что главное достижение концепции государственной миграционной политики на период до 2025 г. заключается в её идеологической направленности. Миграция, в частности, названа ресурсом развития страны [10]. Наряду с традиционными направлениями впервые поставлены на уровень государственного понимания совершенно новые проблемы, которые миграционная политика России ранее просто не замечала. Прежде всего, это адаптация и интеграция иммигрантов, миграция инвесторов и предпринимателей, образовательная иммиграция. Концепция-2025 является принципиально новым для России документом по своему масштабу и значимости. Вместе с тем остаются противоречия между декларированием концепции и практикой регулирования миграционных процессов; властям и обществу предстоит ещё много работы в этом направлении [16, с. 139-140]. Инфраструктура интеграции мигрантов на Дальнем Востоке, как и в целом в стране, пока практически не развита. В отличие от других стран мира, Россия не имеет в достаточном количестве курсов русского языка, культурно-адаптационных центров, консультационных пунктов, клубов по месту жительства мигрантов и пр.

Для Дальнего Востока результаты государственной миграционной политики России за последние 20 лет очевидны: преодолена бесконтрольная миграция граждан сопредельных государств; за счёт привлечения выходцев из стран Средней Азии диверсифицированы потоки трудовой миграции².

Задача восполнения славянского населения Дальнего Востока, поредевшего вследствие социально-экономического кризиса 1990-х годов, остаётся в приоритете, но условия её реализации ещё далеки от благоприятных. Во-первых, потому что экономическая динамика и уровень благосостояния (а также ёмкость регионального рынка труда) ниже, чем в других федеральных округах. Да и географическая удалённость сказывается: даже выходцы из сельских районов беднейших республик Средней Азии едут на Дальний Восток только после поиска вариантов трудоустройства в других российских регионах. Во-вторых, в принципе отсутствуют трудоизбыточные российские регионы с позитивной демографической динамикой, в случае же обострения безработицы жителям провинции проще перебраться в Москву или Санкт-Петербург. Только политический кризис в Украине предоставил возможность (или скорее дал надежду) восполнения славянского населения Дальнего Востока. Увеличилась интенсивность посещения Дальнего Востока украинцами: так по состоянию на сентябрь 2014 года во Владивосток прибыло порядка

¹ По новому законодательству за нелегальную миграцию увеличивается срок ограничения для въезда иностранцев с 3 до 5 лет для тех, кто дважды нарушил законодательство Российской Федерации (кроме случаев уголовного преступления). За повторство и организацию незаконной миграции предусмотрено лишение свободы сроком на 10 лет. Теперь нарушивший правила въезда в страну или трудоустройства мигрант не сможет избежать выдворения (ранее судья мог выбирать между штрафом и выдворением). Новизна законодательства заключается и в том, что касается не только мигрантов, но и принимающей стороны – штраф до 500 тыс. р. за непринятие мер по материальному, медицинскому и жилищному обеспечению приглашенного.

² Привлечение северокорейских рабочих в различные сферы деятельности также этому содействовало, хотя и в меньших масштабах.

1200-1300 человек выходцев из Украины. При этом многие прибывшие официально своё присутствие никак не обозначили, по приблизительным оценкам их количество превышает приведённое число в 2-2,5 раза. Другие субъекты Дальневосточного федерального округа также приняли поток украинских мигрантов (Амурская область и Хабаровский край в сопоставимых объёмах).

Сложившаяся ситуация далека от идеальной и требует согласования усилий трудоизбыточных и принимающих стран, координации мер по противодействию нелегальной миграции.

В целом набор проблем известен, также как и предел эффективности карательных и запретительных мер. Сегодня остро стоит вопрос об адекватности мер интеграции мигрантов в социум принимаемого государства, о способности российской культурной среды переплавить новопоселенцев с избыточным мужским населением в гармоничную составляющую социума Дальнего Востока России. Сами этнокультурные отличия не являются причиной возникновения той или иной угрозы, но служат удобным аргументом, обостряющим межэтнические отношения в случае удсцесса. Остаётся надеяться на чуткое внимание ответственных лиц, стимулирующих общее развитие восточных окраин страны, на их способность поддерживать демографический и этнокультурный баланс при привлечении внешних трудовых ресурсов для решения проблем регионального развития.



Литература

1. Акмалова А.А., Капицын В.М. Трансграничная миграционная система Содружества Независимых Государств // Политическая наука, 2010. № 3. С. 128-142.
2. Аналбаева А., Аракелян К., Ермакова Е. Падал прошлогодний снег // Взгляд. 2.01.2013. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vz.ru/politics/2013/1/2/610571.html> (дата обращения: 12.06.2013 г.).
3. Безруков И.С., Е.В. Горбенкова. Перспективы использования азиатской рабочей силы в экономике Дальнего Востока России: монография. Владивосток: ВГУЭС, 2006. 208 с.
4. Ващук А.С. Сотрудничество России с другими государствами-участниками ШОС в миграционной сфере и его значение для Российского Дальнего Востока // Россия и АТР. 2009. № 4. С. 87-100.
5. Ишаев В.И. Концепция развития Дальнего Востока России: научный доклад на заседании Президиума РАН. Хабаровск, 2006. 24 с.
6. Ларин А.Г. Китайские мигранты в России. История и современность / А.Г. Ларин. М.: Восточная книга, 2009. 512 с.
7. Мигрантам – зеленый свет [Электронный ресурс]. URL: http://echo.msk.ru/blog/titov_b/1159006-echo (дата обращения: 10.09.2014 г.).
8. Мотрич Е.Л. Нас становится меньше // Дальневосточный капитал. 2011. № 6. С. 14-15.
9. Мультикультурализм: риторика и практика (интервью с А.М. Кузнецовым) // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2012. № 3. С. 61-74.
10. Рязанцев С.В. Новая концепция регулирования миграции в России [Электронный ресурс] URL: <http://www.inomnienie.ru/debate /13764/> (дата обращения 22.08.14 г.).

11. Троякова Т.Г. Попытки создания компактных поселений (на примере корейских мигрантов Приморского края // Региональное измерение трансграничной миграции в России / науч. ред. С.В. Голунов. М.: Аспект Пресс, 2008. С. 232-240.
12. Тюменцева Г.И. Миграционная политика: проблемы, противоречия, решения // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 14 (343). Политические науки. Востоковедение. Вып. 15. С. 47-54.
13. Тюркин М.Л. Миграционная политика в Российской Федерации: опыт и перспективы развития. М.: Зимогляд, 2009. 368 с.
14. ФМС: китайская миграция России не грозит из-за разницы в климате. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.newsvl.ru/society/2012/12/28/234534561/> (дата обращения 22.08.14 г.).
15. Шувалова И.К. Миграционные процессы на Дальнем Востоке России: опыт, проблемы и перспективы развития // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке, № 3. 2013. С. 136-140.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Akmalova A.A., Kapitsyn V.M. Transgranichnaya migratsionnaya sistema Sodruzhestva Nezavisimykh Gosudarstv // Politicheskaya nauka, 2010. № 3. S. 128-142.
2. Analbaeva A., Arakelyan K., Ermakova E. Padalproshlogodnijsneg // Vzglyad. 2.01.2013. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vz.ru/politics/2013/1/2/610571.html> (data obrashheniya: 12.06.2013 g.).
3. Bezrukov I.S., E.V. Gorbenkova. Perspektivy ispol'zovaniya aziatskoj rabochej sily v ehkonomike Dal'nego Vostoka Rossii: monografiya. Vladivostok: VGUEHS, 2006. 208 s.
4. Vashhuk A.S. Sotrudnichestvo Rossii s drugimi gosudarstvami-uchastnikami SHOS v migratsionnoj sfere i ego znachenie dlya Rossijskogo Dal'nego Vostoka // Rossiya i ATR. 2009. № 4. S. 87-100.
5. Ishaev V.I. Kontseptsiya razvitiya Dal'nego Vostoka Rossii: nauchnyj doklad na zasedanii Prezidiuma RAN. Khabarovsk, 2006. 24 s.
6. Larin A.G. Kitajskie migranty v Rossii. Istoriya i sovremennost' / A.G. Larin. M.: Vostochnaya kniga, 2009. 512 s.
7. Migrantam – zelenyj svet [Электронный ресурс]. URL: : http://echo.msk.ru/blog/titov_b/1159006-echo (data obrashheniya: 10.09.2014 g.).
8. Motrich E.L. Nas stanovitsya men'she // Dal'nevostochnyj kapital. 2011. № 6. S. 14-15.
9. Mul'tikul'turalizm: ritorika i praktika (interv'yu s A.M. Kuznetsovym) // Ojkumena. Regionovedcheskie issledovaniya. 2012. № 3. S. 61-74.
10. Ryazantsev S.V. Novaya kontseptsiya regulirovaniya migratsii v Rossii [Электронный ресурс] URL: <http://www.inomnienie.ru/debate/13764/> (data obrashheniya 22.08.14 g.).
11. Troyakova T.G. Popytki sozdaniya kompaktnykh poselenij (na primere korejskikh migrantov Primorskogo kraja // Regional'noe izmerenie transgranichnoj migratsii v Rossii / nauch. red. S.V. Golunov. M.: Aspekt Press, 2008. S. 232-240.
12. Tyumentseva G.I. Migratsionnaya politika: problemy, protivorechiya, resheniya // Vestnik CHelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2014. № 14 (343). Politicheskie nauki. Vostokovedenie. Vyp. 15. S. 47-54.
13. Tyurkin M.L. Migratsionnaya politika v Rossijskoj Federatsii: opyt i perspektivy razvitiya. M.: Zimoglyad, 2009. 368 s.
14. FMS: kitajskaya migratsiya Rossii ne грозит iz-za raznitsy v klimate. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.newsvl.ru/society/2012/12/28/234534561/> (data obrashheniya 22.08.14 g.).

15. SHuvalova I.K. Migratsionnye protsessy na Dal'nem Vostoke Rossii: opyt, problemy i perspektivy razvitiya // Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoj Sibiri i na Dal'nem Vostoke, № 3. 2013. S. 136-140.

УДК 314.74 + 331.91 (471+510)

*Иванов С.А.
Ivanov S.A.*

Миграция китайского капитала и труда в Приморском крае

Chinese Capital and Labor Migration in Primorsky Territory

В статье на основе данных статистики и полуструктурированных интервью рассмотрена взаимосвязь миграции китайского капитала и труда в Приморском крае РФ. Выявлены её масштабы и причины, а также проанализированы стратегии компаний с китайским капиталом в условиях сокращения квот на китайскую рабочую силу.

Ключевые слова: трудовая миграция, иностранный капитал, Китай, Приморский край России, кадровая политика



The article examines interrelation between migration of Chinese capital and labor in the Primorsky territory of Russia, its scale and causes. The author also analyses the strategies of firms with Chinese capital under diminishing of foreign worker quotas. The empirical basis of research is statistical data and semi-structured interviews.

Key words: labor migration, foreign investment, China, Primorsky territory of Russia, personnel policy

Постановка проблемы

Тезис о необходимости привлечения иностранной рабочей силы на Дальний Восток России в условиях дефицита местных трудовых ресурсов стал догмой. Его нельзя оспорить посредством анализа на макро- и мезо-уровне, когда исходными точками анализа являются регионы (региональное хозяйство) или отрасли (отраслевое хозяйство). Но при взгляде на микро-уровень, где базовым вопросом является, почему предприятие N решило привлечь иностранных работников, вышеуказанный тезис становится не столь очевидным, и проявляются не только демографические причины в объяснении необходимости использования иностранной рабочей силы. Я хочу показать это на примере использования китайской рабочей силы (КРС) в Приморском крае предприятиями с китайским капиталом (ПКК).

Существует два объяснения, почему мы выбрали для анализа КРС в увязке с приморскими ПКК. Во-первых, масштабы привлечения китайских работников такими предприятиями достаточно велики, чтобы

ИВАНОВ Сергей Александрович, младший научный сотрудник отдела международных отношений и проблем безопасности Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (г. Владивосток). **E-mail:** o2isao2@mail.ru

Статья подготовлена при поддержке гранта Российского гуманитарного научного фонда № 14–31–01253 «Государство и китайский капитал на юге Дальнего Востока России (1987–2013 гг.)» и гранта Российского научного фонда (проект № 14–18–00161).

Таблица 1. Количество китайских рабочих, на привлечение которых были выданы разрешения предприятиям (по формам собственности), Приморский край, июнь 2014 г.

Форма собственности	Количество предприятий	Количество китайских рабочих
Предприятие, полностью принадлежащее китайским инвесторам	70	4417
Совместное предприятие с китайским капиталом	20	649
Российское предприятие, аффилированное с китайскими предпринимателями	13	994
Российское предприятие	244	7325
Прочие	7	61

Источник: [8; 10]

не быть случайной и частной особенностью иностранной трудовой миграции в Приморском крае. В 2014 г. из 354 предприятий, получивших разрешение на привлечение КРС, 90 являлись предприятиями с китайскими инвестициями, и ещё 13 – предприятиями, аффилированными с китайским бизнесом¹. Эти 103 фирмы получили право на ввоз в Приморский край 6060 китайских рабочих или 45% всей КРС, на которую была выделена «квота» (см. *Таблицу 1*). В целом, почти четверть всего планируемого на 2014 г. потока иностранной трудовой миграции в Приморье должна была исходить из КНР по линии предприятий с китайскими инвестициями.

Во-вторых, связь китайских инвестиций и рабочей силы в Приморье интересна в силу непосредственной близости КНР. В России существуют представления, что Китай целенаправленно поощряет трудовую миграцию на Дальний Восток РФ для решения проблем безработицы в своих приграничных районах, расширения сфер влияния, получения экономической выгоды за счёт пополнения бюджета от перечислений китайских мигрантов [4, с. 71-72], и ищет любые возможности для экспорта своих людских ресурсов [3, с. 79-80]. В нашем исследовании мы затронем вопрос о роли китайского государства в мотивации ПМК в привлечении китайских рабочих.

В-третьих, анализ на уровне предприятий позволяет дополнить существующий корпус исследований по теме иностранной трудовой миграции. Обычно в научных публикациях о КРС на Дальнем Востоке РФ анализируются и прогнозируются масштабы миграционных потоков на основе данных официальной статистики или изучаются качественные характеристики и особенности социо-культурной адаптации китайской

¹ Аффилированность была установлена нами либо в ходе социологических исследований в Приморском крае, либо на основе формальных факторов. К ним мы относили две ситуации. Первая – когда генеральный директор ПМК одновременно является учредителем российского предприятия, которое подает заявку на привлечение КРС. Вторая – когда юридические адреса ПМК и полностью российской компании совпадают, и последняя занимается видом деятельности, характерным для китайского бизнеса (например, производство обуви, одежды и т.д.).

трудоустройственной миграции на основе анкетирования¹ [1; 7; 5, с. 222-250]. Наиболее близкое отношение к заявленной нами проблеме имеет исследование роли китайских и российских посредников в системе привлечения КРС в одной из коллективных монографий Иркутского МИОНа [9, с. 202-248]. Однако масштаб и качественные характеристики привлечения китайским бизнесом КРС до сих пор не являлись предметом отдельного анализа.

Основу нашего исследования составляют официальные отчёты, данные статистики и серия социологических интервью с российскими муниципальными властями, руководителями китайских и российских предприятий, проведённых летом 2014 г. Интервью собирались в рамках научного проекта о проблемах государственного регулирования китайского бизнеса на юге Дальнего Востока, и неизбежно затрагивали вопросы китайской трудовой миграции.

Фактор китайского государства в экспорте рабочей силы на Дальний Восток РФ

Говоря о ПКК и привлечении ими рабочей силы из КНР, в первую очередь необходимо определить роль китайского государства в этом явлении.

О политике властей Китая в отношении экспорта трудовых ресурсов известно немного, если не принимать во внимание огромный пласт псевдонаучных работ о демографической экспансии и жёлтой угрозе КНР.

Большим заблуждением является тезис о полном контроле китайского государства над процессом вывоза рабочей силы. В начале 2000-х гг. китайское государство отказалось от роли монополиста в сфере экспорта трудовых ресурсов. При этом данная реформа фактически узаконила теневой частный рынок, который постепенно складывался с начала 1980-х гг. [15, с. 54-61]. Определённым порогом для входа в этот бизнес с 2001 г. стал специальный резервный капитал в размере 0,2-1 млн. юаней, который компания, экспортирующая рабочую силу, должна была хранить в банке на случай возникновения сложностей у мигрантов за границей. С августа 2014 г. размер залога стал составлять 3 млн. юаней [17]. В настоящий момент бизнес может быть организован по-разному. Например, в уезде Синь провинции Хэнань экспорт трудовых мигрантов осуществляет одна компания, соответствующий госорган обеспечивает административную поддержку и контроль, и один центр профессиональной подготовки занимается обучением [21, с. 77]. Однако в большинстве случаев на местном уровне количество посреднических организаций или организаций, напрямую использующие КРС для ведения своей хозяйственной деятельности за рубежом, не ограничивается. Более того, несмотря на ужесточение госрегулирования количество нелегальных фирм не снижается, что приводит к утрате какого-либо контроля над отраслью и большими рисками для самих трудовых мигрантов в КНР [15, с. 48]. В приграничном с Россией Яньбянь-Корейском автономном округе были случаи, когда жертвами мошенников становились

¹ Важной особенностью социологических опросов среди китайских граждан в РФ является место их проведения и категории анкетированных. В силу разной доступности респондентов в выборку попадали в основном студенты/преподаватели из университетов или малые предприниматели и обслуживающий персонал с рынков/ресторанов/фирм, являющихся на самом деле незначительной и специфичной прослойкой трудящихся мигрантов (соответственно за исключением студентов). Такие опросы вносят значительный вклад в понимание некоторых особенностей китайской миграции, но ни в коем случае не могут отражать качественные характеристики всей совокупности китайских граждан, работающих в РФ.

несколько десятков тысяч человек, желавших выехать за рубеж на заработки [20, с. 13].

В одном из крупнейших пунктов поставки трудовых мигрантов в Приморье, уезде Дуннин, местные власти обеспечивают информационную и образовательную поддержку в сфере трудовой миграции, но не в состоянии обеспечить её надёжный контроль. По данным дуннинского отделения Народного банка Китая, в последние годы этот уезд отправляет в Россию около 20 тыс. рабочих, из них только тысяча проходит все необходимые легальные процедуры. Основным каналом экспорта рабочей силы являются частные предприятия [22, с. 47]. Роль местных властей заключается в основном в предоставлении бесплатных услуг профессиональной переподготовки граждан, а также распространении русско-китайских разговорников и брошюр, дающих базовые знания о российском праве, экономике, обществе и т.д. Например, в последние годы в уезде действует программа «Янгуан» для повышения уровня агротехнических знаний крестьян, многих из которых затем едут в Россию на заработки [16, с. 52]. В рамках этого проекта мобильные учебные группы проводят краткосрочные курсы (4 дня) для сельских жителей уезда.

Вторым заблуждением о китайской политике по экспорту рабочей силы является её большая значимость для социально-экономической жизни страны. Безусловно, выезд части граждан за рубеж для работы снижал давление на рынке труда КНР, однако на незначительное количество. По китайским данным, число китайских трудовых мигрантов, пребывавших за границей на конец 1984 г., составляло немногим менее 50 тыс. человек, на конец 1994 г. – 220 тыс., на конец 2004 г. – 530 тыс., и на конец 2013 г. – 850 тыс. [24, табл. 11-21]. Эти цифры не столь велики на фоне почти 800 млн. экономически активного населения. Китайские масштабы экспорта рабочей силы меркнут перед филиппинскими (8,2 млн. человек в 2006 г.), индонезийскими (2,7 млн. – в 2007 г.), мьянманскими (1,8 млн. – 2006 г.) [12, с. 14].

Другой причиной активной политики китайского государства по экспорту трудовых ресурсов было получение валюты, которой не хватало в стране до конца 1990-х гг. Однако и здесь китайское государство не достигло значительных успехов: денежные переводы из-за рубежа от китайских рабочих в 1993 г. составляли около 1% от валютной выручки, получаемой при экспорте товаров [11, с. 192]. В 2013 г. переводы зарубежных китайцев (не обязательно трудовых мигрантов) составили 60 млрд. долл. США, уступив лишь индийским показателям [13, с. 5]. На фоне общего размера китайской экономики эти деньги не столь значительны и по соотношению объёма переводов к ВВП и сопоставимы с соответствующими показателями многих стран Европы [14].

В целом, в КНР экспорт трудовых ресурсов за границу – это не более чем один из видов экономической деятельности, поощряемых правительством, но не являющийся для китайского государства жизненно важным.

Особенности и причины привлечения китайских мигрантов предприятиями с китайским капиталом

Фирмы с китайским капиталом очень активно используют КРС. Если исходить из того, что в 2012 г. на территории Приморского края было зарегистрировано всего 207 предприятий с участием китайского капитала [2, с. 8], и к началу заявочной кампании 2013 г. по привлечению иностранной рабочей силы их количество не могло возрасти радикально, то, по примерным оценкам, около 40% ПКК в Приморье получи-

Таблица 2. Десять крупнейших одобренных заявок на привлечение КРС среди компаний с китайским капиталом в Приморском крае, 2014 г.

Название	Сфера деятельности компании	Учредители (конечный собственник)	Количество китайских работников
ООО ТПК "Цзисинь"	Обрабатывающие производства	Компания "Цзисинь", уезд Дуннин	618
ООО "Компания "Армада"	Сельское хозяйство	Рус-Агри Индастрис Инк (компания "Хуасинь", уезд Дуннин)	300
ООО "Владстройгрупп"	Строительство	Граждане РФ (в других компаниях являются генеральными директорами компаний, учрежденных компанией "Хуасинь", уезд Дуннин)	270
ООО Велес	Торговля и услуги	Цуй Гуйфа	265
ООО МТПК "Канцзи"	Обрабатывающие производства	Компани "Цзисинь", уезд Дуннин, и "Канцзи", уезд Дуннин и др.	226
ООО "Хотэй"	Строительство	Цуй Гуйфа, н/д	181
ООО "Юе Цзин Плюс-1"	Обрабатывающие производства	Цзун Сянго, г. Суйфэньхэ	175
ООО ПромЛесЭкспорт	Торговля и услуги	Сюе Гоцяя, н/д	163
ООО Альфа	Сельское хозяйство	Компания "Армада" (компания "Хуасинь", уезд Дуннин) и гражданин РФ	160
ООО "Дальневосточная промышленная зона города Суйфэньхэ"	Строительство	Компания "Юаньдун гуне юаньцой", г. Суйфэньхэ	159

Источник: [8]

ли разрешение на ввоз КРС в 2014 г. При этом, скорее всего, количество ПКК, подавших заявки, было большим.

Ввоз китайской рабочей силы предприятиями с китайским капиталом – это не новелла социально-экономической жизни Приморского края. Ещё в 1995 г. в Амурской области спрос на китайских рабочих почти полностью исходил от ПКК (ГААО. Ф. 2286. Оп. 1. Д. 165. Л. 19-220). Однако есть большое отличие текущей ситуации от ситуации почти двадцатилетней давности. В 1995 г. китайские и совместные предприятия в подавляющем большинстве случаев выполняли подрядные работы в сфере строительства и не вели постоянной хозяйственной деятельности на российской территории. В 2014 г. как минимум наиболее крупные импортёры КРС вели постоянную хозяйственную деятельность в сфере лёгкой промышленности, сельском хозяйстве, строительстве и торговле (См. Таблица 2).

Основные импортёры китайских трудовых ресурсов из числа ПКК в Приморье – компании приграничных с Россией уездов и муниципалитетов КНР, которые начинали свой бизнес в сфере приграничной торговли (Цзисинь, Хуасинь, Хуаюй и т.д.), а затем диверсифицировали его. Соответственно, место происхождения трудящихся-мигрантов связано с происхождением основных китайских инвесторов в Приморье. Соответственно, основным экспортёром трудовых ресурсов в Приморский край является провинция Хэйлунцзян, а уездным лидером – Дуннин. В 2013 г. провинция направила в Россию и Южную Корею¹ около 140 тыс. трудовых мигрантов [18]. По заявлению секретаря парткома уезда Дуннин ещё в 2007 г. уезд направлял в Россию и Корею ежегодно около 13 тыс. трудящихся (при населении уезда в 210 тыс. человек), что обеспечило высокий душевой доход среди местных крестьян [23]. Из трёх китайских работников, с которыми нам удалось провести короткие беседы в Октябрьском районе и Уссурийском городском округе Приморского края во время полевых исследований, все трое были из уезда Дуннин.

Ответ на вопрос, почему ПКК привлекают на работы трудящихся из КНР, не так очевиден, как может показаться. В основном фирмы с китайским капиталом сосредоточены в незанятых местными предпринимателями и не в самых привлекательных с точки зрения работника секторах: сельском хозяйстве, строительстве, производстве обуви, одежды, кирпича. Поэтому замечание одного из управляющих сельскохозяйственных ПКК вполне оправдано: «Я сегодня готов взять русских «миллионами», но их нет, они не идут сюда работать. У меня заявки в центре занятости лежат круглый год. Как я могу не привезти людей?» (интервью, управляющий ПКК № 2, июль 2014 г.). Одно из ПКК в сфере лёгкой промышленности в ходе частого взаимодействия с центром занятости, само отговаривает этот орган «...присылать российских граждан, т.к. они просто не потянут» (интервью, управляющий ПКК № 1, июль 2014 г.).

Однако во всех этих секторах работают (например, в сфере сельского хозяйства и строительства) или ранее работали (например, в сфере производства обуви и одежды) предприятия, не использующие иностранную рабочую силу. В связи с этим, вряд ли неспособность местных жителей к какому-либо труду, на которую часто указывают российские и иностранные предприниматели, является основополагающим фактором привлечения КРС. Среди управляющих ПКК, которые имели опыт работы как с мигрантами, так и с местным населением, можно было встретить готовность использовать российскую рабочую силу:

С русскими-то лучше намного работать, между слов можно вставить «приятное» для связки, чтоб лучше доходило. Со Средней Азии у нас

¹ В Республику Корею выезжали в основном этнические корейцы.

есть работники. Китайцы не трудолюбивее русских. Да и дело в том, что сюда приезжают те китайцы, которые в своей стране не пригодились (*интервью, управляющий ПКК № 3, июль 2014 г.*).

Руководители российских компаний и ПКК, имеющих опыт привлечения иностранной рабочей силы, указывали, что в конечном итоге привлечение КРС по сравнению с использованием труда местного населения не выгоднее с точки зрения выплачиваемой заработной платы, к тому же сам процесс привлечения мигрантов дорогостоящ. Однако привлечение мигрантов-трудящихся даёт возможность минимизировать социальную ответственность перед работниками, предполагающую «лишние» расходы и, что немаловажно, системную кадровую политику предпринимателя. Приглашённый мигрант-трудящийся не будет жаловаться в контрольные органы, готов работать по 12 часов в день без выходных и т.д.

Опыт работы одного из российских предприятий в сельском хозяйстве говорит о том, что российские работники, по крайней мере, в этой сфере могут работать при определённой кадровой политике:

У нас в штате 270 человек, 150 человек – простые рабочие, в основном местные. Проблемы с пьянством, дисциплиной есть, конечно, но мы боремся. В целом с работниками стало лучше. Люди почувствовали, что для личных дел у нас есть оплачиваемые отпуска. Люди поняли, что их не обманывают. Как здесь работает большинство сельхозпредприятий? В страду нанимают работников, а потом выкидывают, без соцпакета, скажем так. У нас всё с соцпакетом, и люди стали держаться (*интервью, замдиректора российской компании № 4, Приморский край, август 2014 г.*).

Одновременно массовое использование КРС позволяет минимизировать вложения в основной капитал. Необходимость этой минимизации обусловлена двумя причинами. Во-первых, инвестор изначально не имеет достаточно ресурсов для вложений в дорогостоящее оборудование. Во-вторых, инвестор не хочет изначально рисковать вложениями в основной капитал, менее мобильным фактором производства по сравнению с трудом.

Первую причину неявно подтверждают и сами управляющие китайских компаний:

Сегодня на десять тысяч голов (свиней – прим. И.С.) можно обойтись и десятью работниками. Но для этого нужно сначала заработать несколько миллионов долларов, которые затем вложатся в оборудование. Только как их заработать, если не дают этого сделать, не дают людей... (*интервью, управляющий ПКК № 2, июль 2014 г.*).

Относительно степени важности второй причины мы можем делать лишь догадки. Она чётко проявляется лишь в одной важной особенности кадровой политики крупных ПКК. В этих компаниях административный аппарат, включая генерального директора, курирующего все текущие вопросы, состоял из граждан РФ. Он, безусловно, в первую очередь выполнял важную функцию связи предприятия с локальными административной, социальной и хозяйственной структурами. Но в российских условиях немаловажной функцией российского менеджмента также является обеспечение постоянной работы предприятия, т.к. представителей китайского руководства компании могли просто не пустить в Россию. Представители китайского руководства двух интервьюируемых нами ПКК либо находились в Китае и не могли въехать в Россию, либо отбывали тюремное наказание в России. На одном из ПКК пресечение

российскими контрольными органами миграции китайского менеджмента является обыденным явлением:

Руководителей с китайской стороны часто не пускают сюда. Только он вошёл в курс дела, с паспортом у него какие-то проблемы, уехал в Китай, а его не запускают больше... Проблем-то много – вода, свет – их решать-то надо, а не с кем (*интервью, управляющий ПКК № 1, Приморский край*).

Того китайца, который со мной трудился здесь 12 лет, к сожалению, спецслужбы «убрали» в Китай... Двенадцать лет он «диверсировал», и никто ничего не видел, а сейчас вдруг увидели что-то. Дурдом (*интервью, управляющий ПКК № 2, Приморский край*).

По мнению управляющих ПКК, такая миграционная политика в отношении китайского менеджмента компаний заставляет осторожней относиться к вложениям в Россию других китайских инвесторов.

Стратегии в условиях нехватки или сокращения квоты

Наше исследование проводилось в период, когда в Приморье на протяжении нескольких лет постепенно снижали квоту на иностранную рабочую силу для сельскохозяйственных предприятий:

Сегодня вице-губернатор дал специальную команду снижать квотирование людей. Мы начинали восемь лет назад с пятиста голов свиней, сейчас у нас их около десяти тысяч. Чтобы кормить этих свиней, мне ж надо выращивать урожай... Я подаю на 100 человек, а они дают мне 40... У меня сегодня дилемма: мне дали свиноводов и птицеводов, но не дали растениеводов и овощеводов (*интервью, управляющий ПКК № 2, Приморский край, июль 2014 г.*).

По мнению вышеуказанного информанта, решение о сокращении во многом связано с личными интересами региональных властей. Однако такая политика не редко применялась в различных субъектах РФ, а в октябре 2014 г. Минтруда предложило ограничить использование иностранной рабочей силы в сельском хозяйстве, строительстве и транспортной отрасли по всей стране [6].

Сокращение квоты на иностранную рабочую силу поставила ПКК перед сложным выбором: поддерживать или менять текущую модель ведения бизнеса, основанную на массовом использовании труда. Второй вариант предполагает модернизацию производства. Факт того, что, по крайней мере, в животноводстве, это возможно без потери конкурентоспособности предприятия подтверждают российские предприниматели:

У них (китайских компаний – прим. И.С.) очень большой процент ручного труда, на который они закрывают глаза. Почему? Да потому что такая технология... Себестоимость у них растёт, но им же надо людей задействовать. А цена конечной продукции не отличается. Я был на ляличевском свинокомплексе (одно из крупнейших свиноводческих комплексов китайских собственников – прим. И.С.), у них 3000 свиной и 40 работающих. У нас одновременного содержания 6500 свиной и 12 работающих (интервью, замдиректора российской компании № 4, Приморский край, август 2014 г.).

Обходные пути увеличения привлекаемой КРС не всегда выгодны, да и вряд ли спасут в случае значительного сокращения квоты. Один из китайских директоров заявил газете «Цзинцзи гуаньча бао», что подал в Приморском крае в 2013 г. заявку на ввоз 142 китайских рабочих, при этом ему надо было больше рабочих. Местные российские власти пореко-

мендовали ему учредить ещё одну компанию и подать дополнительную заявку от её имени, но предприниматель отказался от этой идеи в силу высоких затрат на содержание ещё одного юрлица [19].

Альтернатива замещения китайских трудовых мигрантов другими иностранными или российскими гражданами рассматривается китайскими предприятиями сельского хозяйства как возможная, но требующая больших усилий:

Мы сейчас прорабатываем вопрос привлечения северокаорейских рабочих... С работниками из Средней Азии у нас уже был опыт работы, и я им остался доволен. Российских граждан тоже можно привлекать, но они, во-первых, не склонны к монотонному труду, во-вторых, безответственны (интервью, управляющий ПКК № 2, Приморский край, июль 2014 г.).

Более того, как минимум крупные сельскохозяйственные ПКК готовы работать в условиях сокращения КРС:

У меня сейчас всё нормально. Кто хочет работать, тот работает... У нас 30 российских рабочих. Производство не встанет, если вдруг не дадут квоту. Механизаторы-то наши есть, молодёжь приходит, мы их учим (интервью, управляющий ПКК № 3, июль 2014 г.).

В сельском хозяйстве ПКК давно уже не обходятся только КРС. На краткосрочные сезонные работы они вынуждены приглашать местных жителей. «Заработная плата» в данном случае посуточная и составляет от 500 до 1000 рублей. В сельских районах местные власти и жители указывают, что к таким заработкам склонны маргинальные элементы. Китайские бригады также не довольны качеством работы таких временных трудящихся, но у них нет выбора, т.к. бригаде из десятка китайских рабочих в условиях низкой механизации не осуществить срочные работы на больших площадях (интервью, китайский бригадир на ферме № 5, Приморский край, август 2014 г.). В некотором смысле ПКК вынуждены дублировать практики советского прошлого, когда на уборку урожая или другие срочные работы направлялись студенты, коллективы предприятий и т.д.

Промышленные производства с китайским капиталом сокращение квоты не затронуло. Текущую нехватку трудовых ресурсов одно из интервьюируемых нами предприятий компенсирует за счёт использования труда северных корейцев (интервью, управляющий ПКК № 1, июль 2014 г.), очевидно, через другую компанию, т.к. эта ПКК не получала разрешений на ввоз работников из КНДР в 2014 г.

Заключение

Смогут ли компании с китайскими инвестициями обойтись без рабочей силы из КНР? Наш анализ показывает, что это будет им вполне по силам, однако им придётся менять свою кадровую политику и увеличивать вложения в основной капитал. Очевидно, с этой задачей смогут справиться только наиболее крупные китайские компании. Важным фактором выживания последних будет поддержка китайского государства, которая в настоящее время выражается в льготном кредитовании и субсидировании зарубежных инвестиционных проектов.

Импорт предприятиями с китайским капиталом рабочей силы из КНР напрямую не связан с деятельностью китайского государства. Мотивация ПКК в привлечении КРС обусловлена экономическими факторами – уходом от необходимости проведения системной кадровой политики и минимизацией капитальных вложений.



Литература

1. Амирханян А. Г. Аккультурация трудовых мигрантов из Китая в Приморском крае // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2013. № 161. С. 110-116.
2. Деятельность организаций с участием иностранного капитала в Приморском крае: Сборник с аналитической запиской. Владивосток: Приморскстат, 2013. 37 с.
3. Зайончовская Ж. Перед лицом иммиграции. Соседство Китая поможет решить проблему острого дефицита рабочей силы // Pro et Contra. 2005. № 3 (30). С. 72–87.
4. Каширская А.В. Проблема миграции в приграничном сотрудничестве России и Китая // Управленческое консультирование. 2013. № 4. С. 69-74.
5. Ларин А.Г. Китайские мигранты в России. История и современность. М.: Вост. кн., 2009. 512 с.
6. Панов П. Правительство вводит новые ограничения на работу мигрантов // Известия. 29.10.2014. [Электронный ресурс]. URL: <http://izvestia.ru/news/578502> (дата обращения: 23.11.2014).
7. Рязанцев С.В. Китайская миграция в России: тенденции и подходы к регулированию // Миграционное право. 2009. № 1. С. 31-33.
8. Сведения о государственной регистрации юридических лиц, индивидуальных предпринимателей, крестьянских (фермерских) хозяйств // Федеральная налоговая служба. URL: <http://egrul.nalog.ru/> (дата обращения: 01-12.10.2014).
9. Трансграничные миграции и принимающее общество: механизмы и практики взаимной адаптации: монография / науч. ред. проф. В. И. Дятлов. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2009. 396 с.
10. Уточненные сведения о рабочих местах, на которые предполагается привлечение иностранных работников в 2014 году в Приморском крае // Департамент труда и социального развития Приморского края [Электронный ресурс]. URL: http://zanprim.regiontrud.ru/App_Shared/WebParts/DataViewers/PopUpDocument.aspx?docid=5aa7d97d-78ae-4150-b78e-06ba3e59fe69 (дата обращения: 10.09.2014).
11. Hugo G., Stahl C. Labor Export Strategies in Asia // International Migration: Prospects and Policies in a Global Market / eds. Massey D.S., Taylor J.E. Oxford: Oxford University Press, 2004. P. 174-200.
12. Martin P. Another miracle? Managing labour migration in Asia // United Nations Expert Group Meeting on International Migration and Development in Asia and the Pacific. 2008. 25 p.
13. Migration and Remittances: Recent Developments and Outlook // Migration and Development Brief. № 22. World Bank, 2014. 31 p.
14. Personal remittances, received (% of GDP) // World Bank [Электронный ресурс]. URL: <http://data.worldbank.org/indicator/BX.TRF.PWKR.DT.GD.ZS> (дата обращения: 20.11.2014).
15. Xiang Biao. Predatory Princes and Princely Peddlers: The State and International Labour Migration Intermediaries in China // Pacific Affairs. 2012. Vol. 85. No. 1. P. 47-68.
16. 王娟. 东宁县对俄农业合作开发建设问题研究 = Ван Цзюань. Изучение вопросов формирования и развития сотрудничества уезда Дуннин с Россией в сфере сельского хозяйства // Тунцзин юй цзысюнь. 2014. № 2. С. 51-53.
17. 对外劳务合作风险处置备用金管理办法 = Правила управления резервным фондом для предотвращения рисков в области экспорта трудовых ресурсов // Министерство коммерции КНР [Электронный ресурс]. 18.07.2014. URL: <http://www.mofcom.gov.cn/article/b/bf/201407/20140700671994.shtml> (дата обращения: 05.09.2014).

18. 马晓成. 去年我省17万农民出国务工 = Ма Сяочэн. В прошлом году 170 тысяч хэйлунцзянских крестьян поехали за рубеж работать // Хэйлунцзян Жибао. 16.02.2014. С. 1.
19. 庞丽静. 黑龙江迎纳沿边“红利” = Пан Лицзин. Хэйлунцзян получает приграничный «дивиденд» // Цзинцзи гуаньча бао. 06.04.2013. С. 13
20. 朴娟姬, 李瑛. 东北振兴背景下延边劳务经济面临的机遇与对策 = Пяо Цюаньцзи, Ли Ин. Возможности и политика на рынке труда Яньбяня в условиях реализации стратегии возрождения Северо-Востока // Далянь дасюе сюебао. 2012. № 1. С. 11-15.
21. 孙先玉. 关于新县涉外劳务输出产业的新思考 = Сунь Сяньюй. Анализ индустрии экспорта трудовых ресурсов за рубеж в уезде Синь // Дуйвай цзиньмао. 2013. № 8. С. 77-78.
22. 赵忠臣, 段会涛. 东北沿边口岸地区对俄劳务输出问题探寻 = Чжао Чжунчэнь, Дуань Хуэйтао. Анализ вопросов экспорта трудовых ресурсов в Россию приграничными городами Северо-Востока // Хэйлунцзян цзиньжун. 2012. № 6. С. 46-47
23. 专访东宁县委书记陈殿运 = Интервью с секретарем парткома уезда Дуннин // Хэйлунцзянское отделение Синьхуа. 23.04.2007. [Электронный ресурс]. URL: http://www.hlj.xinhuanet.com/xw/2007-04/23/content_9867565_1.htm (дата обращения: 03.10.2011).
24. 中国统计年鉴-2014 = Статистический ежегодник Китая 2014. – Пекин: Чжунго тунци чубаньшэ. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Amirkhanyan A. G. Akkul'turatsiya trudovykh migrantov iz Kitaya v Primorskoy krae // Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena. 2013. № 161. S. 110-116.
2. Deyatel'nost' organizatsij s uchastiem inostrannogo kapitala v Primorskoy krae: Sbornik s analiticheskoy zapiskoj. Vladivostok: Primorskstat, 2013. 37 s.
3. Zajonchovskaya ZH. Pered litsom immigratsii. Sosedstvo Kitaya pomozhet reshit' problemu ostrogo defitsita rabochej sily // Pro et Contra. 2005. № 3 (30). S. 72–87.
4. Kashirskaya A.V. Problema migratsii v prigranichnom sotrudnichestve Rossii i Kitaya // Upravlencheskoe konsul'tirovanie. 2013. № 4. S. 69-74.
5. Larin A.G. Kitajskie migranty v Rossii. Istoriya i sovremennost'. M.: Vost. kn., 2009. 512 s.
6. Panov P. Pravitel'stvo vvodit novye ogranicheniya na rabotu migrantov // Izvestiya. 29.10.2014. [Электронный ресурс]. URL: <http://izvestia.ru/news/578502> (data obrashheniya: 23.11.2014).
7. Ryazantsev S.V. Kitajskaya migratsiya v Rossii: tendentsii i podkhody k regulirovaniyu // Migratsionnoe pravo. 2009. № 1. S. 31-33.
8. Svedeniya o gosudarstvennoj registratsii yuridicheskikh lits, individual'nykh predprinimatelej, krest'yanskikh (fermerskikh) khozyajstv // Federal'naya nalogovaya sluzhba. URL: <http://egrul.nalog.ru/> (data obrashheniya: 01-12.10.2014).
9. Transgranichnye migratsii i prinimayushhee obshchestvo: mekhanizmy i praktiki vzaimnoj adaptatsii: monografiya / nauch. red. prof. V. I. Dyatlov. – Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2009. 396 s.
10. Utochnennye svadeniya o rabochikh mestakh, na kotorye predpolagaetsya privlechenie inostrannykh rabotnikov v 2014 godu v Primorskoy krae // Departament truda i sotsial'nogo razvitiya Primorskogo kraja [Электронный ресурс]. URL: http://zanprim.regiontrud.ru/App_Shared/WebParts/DataViewers/PopUpDocument.aspx?docid=5aa7d97d-78ae-4150-b78e-06ba3e59fe69 (data obrashheniya: 10.09.2014).

11. Hugo G., Stahl C. Labor Export Strategies in Asia // International Migration: Prospects and Policies in a Global Market / eds. Massey D.S., Taylor J.E. Oxford: Oxford University Press, 2004. P. 174-200.

12. Martin P. Another miracle? Managing labour migration in Asia // United Nations Expert Group Meeting on International Migration and Development in Asia and the Pacific. 2008. 25 p.

13. Migration and Remittances: Recent Developments and Outlook // Migration and Development Brief. № 22. World Bank, 2014. 31 p.

14. Personal remittances, received (% of GDP) // World Bank [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://data.worldbank.org/indicator/BX.TRF.PWKR.DT.GD.ZS> (data obrashheniya: 20.11.2014).

15. Xiang Biao. Predatory Princes and Princely Peddlers: The State and International Labour Migration Intermediaries in China // Pacific Affairs. 2012. Vol. 85. No. 1. P. 47-68.

16. 王娟. 东宁县对俄农业合作开发建设问题研究 = Van TSzyuan'. Izuchenie voprosov formirovaniya i razvitiya sotrudnichestva uezda Dunning s Rossiej v sfere sel'skogo khozyajstva // Tuntszin yuj tszysyun'. 2014. № 2. S. 51-53.

17. 对外劳务合作风险处置备用金管理办法 = Pravila upravleniya rezervnym fondom dlya predotvrashheniya riskov v oblasti ehksporta trudovykh resursov // Ministerstvo kommertsii KNR [EHlektronnyj resurs]. 18.07.2014. URL: <http://www.mofcom.gov.cn/article/b/bf/201407/20140700671994.shtml> (data obrashheniya: 05.09.2014).

18. 马晓成. 去年我省 17 万农民出国务工 = Ma Syaochehn. V proshlom godu 170 tysyach khehjluntszyanskikh krest'yan poekhali za rubezh rabotat' // KHehjluntszyan ZHibao. 16.02.2014. S. 1.

19. 庞丽静. 黑龙江迎纳沿边“红利” = Pan Litszin. KHehjluntszyan poluchaet prigranichnyj «dividend» // TSzintszi guan'cha bao. 06.04.2013. S. 13

20. 朴娟姬, 李瑛. 东北振兴背景下延边劳务经济面临的机遇与对策 = Pyao TSzyuan'tszi, Li In. Vozmozhnosti i politika na rynke truda YAn'byanya v usloviyakh realizatsii strategii vozrozhdeniya Severo-Vostoka // Dalyan' dasyue syuebao. 2012. № 1. S. 11-15.

21. 孙先玉. 关于新县涉外劳务输出产业的新思考 = Sun' Syan'yuj. Analiz industrii ehksporta trudovykh resursov za rubezh v ueзде Sin' // Dujvaj tszin'mao. 2013. № 8. S. 77-78.

22. 赵忠臣, 段会涛. 东北沿边口岸地区对俄劳务输出问题探寻 = CHzhao CHzhunchehn', Duan' KHuehjtao. Analiz voprosov ehksporta trudovykh resursov v Rossiyu prigranichnymi gorodami Severo-Vostoka // KHehjluntszyan tszin'zhun. 2012. № 6. S. 46-47

23. 专访东宁县委书记陈殿运 = Interv'yu s sekretarem partkoma uezda Dunning // KHehjluntszyanskoe otделение Sin'khua. 23.04.2007. [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.hlj.xinhuanet.com/xw/2007-04/23/content_9867565_1.htm (data obrashheniya: 03.10.2011).

24. 中国统计年鉴-2014 = Statisticheskij ezhegodnik Kitaya 2014. – Pekin: CHzhungo tuntszin' chuban'sheh. 1 ehlektron. opt. disk (CD-ROM).

УДК 316.4

Троякова Т.Г., Козинец А.И.
Troyakova T.G., Kozinets A.I.

Некоторые факторы формирования региональной идентичности на примере Сахалинской области

Several factors of Sakhalin Oblast's identification

В данной работе предлагается характеристика сахалинской идентичности на основе этнического, историко-культурного и внешнеэкономического фактора. Приводятся данные, полученные в результате опроса группы молодёжи Сахалинской области. Делаются выводы о том, сахалинская идентичность постепенно укрепляется, но не входит в явное противоречие с общегражданскими ценностями.

Ключевые слова: *формирование сахалинской идентичности, этническая и идентификация, культурные особенности*



This is a brief evaluation of Sakhalin Oblast identification as consequences of varied ethnicity, culture and economic development. There are interpretations of opinion poll on Sakhalin regional identity of small group of youth at that essay. The research results allow considering that Sakhalin identification is merging but has no contradictions to national identity.

Key words: *construction of Sakhalin oblast's identity, ethnic identification, cultural distinctiveness*

Процессы формирования региональной идентичности в постсоветской России отражают происходящее переосмысление различных оснований идентификации с национальным – всероссийским, региональным, этническим сообществом, которые в одних случаях дополняют друг друга, а в других – соперничают друг с другом. Анализ содержательных особенностей региональных культур и региональных идентичностей, которые находятся в процессе внутренней динамики, а также изучение процессов формирования самоопределения, присущих внутреннему состоянию современных региональных идентичностей продолжает оставаться актуальной задачей.

Как пишет Р.Ф. Туровский: «Региональная самоидентификация более характерна для периферийных территорий, которые ощущают себя особой частью России. Самый яркий пример – Сибирь, можно также говорить об уральской, дальневосточной идентификации» [10]. Он также отмечает, что региональная идентичность привязывается преимущественно к административным единицам [10].

ТРОЯКОВА Тамара Гавриловна, к.и.н., заведующая кафедрой международных отношений Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток). **E-mail:** tamaratroyakova@gmail.com

КОЗИНЕЦ Андрей Игоревич, аспирант Школы региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток). **E-mail:** andryas@mail.ru

По мнению Л.Е. Бляхера, каждый из дальневосточных субъектов федерации может быть метафорически описан как «остров» или территориально-социальное единство, окружённое внешней средой, где сохраняется и поддерживается цивилизация и культура «метрополии» [1, с. 104].

По теме региональной идентичности имеется широкий круг литературы и подходов. Авторы данной статьи исходят из трактовки понятия как совокупности представлений, чувств, ценностей и установок, необходимых для постоянного подтверждения со стороны членов группы и сообщества. Данные рассуждения являются попыткой конструирования сахалинской идентичности на основе ряда факторов без претензий на комплексный характер исследования региональной идентичности.

Сахалинская область рассматривается как место общей совместной жизнедеятельности, так как формированию регионального сознания и представлений о территориальной общности способствуют природа, ландшафт и культура. Региональная или субнациональная идентичность является одной из важных форм самоидентификации граждан. При этом такая идентичность является своеобразным конструктом, в основе которого лежит экстраполяция определённой «региональной идеи» на отдельно взятую территориально-административную единицу.

С одной стороны, «региональная идея» Сахалинской области лежит в ракурсе особого географического положения. Для сахалинцев восприятие окружающего внешнего мира происходит через ментальность «островитяня» со всеми вытекающими последствиями. Эта субнациональная идентичность, основанная на специфике географического местоположения, воспринимается значимой самими жителями Сахалинской области.

С другой стороны, активная деятельность транснациональных нефтяных компаний создало особые условия для вовлечения Сахалина в процессы глобализации. Важнейшей перспективной отраслью для Сахалинской области является нефтедобывающая. Необходимо отметить, что в этом контексте регионализм может рассматриваться вместе с явлением глобализации и возможностью участия субнациональных акторов в международных отношениях.

Этнические факторы

Согласно конструктивизму, этничность понимается как некий ментальный конструкт, представляющий собой результат целенаправленно созданных объективированных представлений субъекта о социальном мире.

Отличие этнического состава Сахалинской области от других российских территорий заключается в том, что корейцы занимают второе место по численности населения. По данным переписи населения 2010 года, в области проживало всего 498 тыс. человек или 0,35 % населения Российской Федерации [8]. Русских было 430,8 тыс. человек или 86,5 %; корейцев – 26,4 тыс. человек или 5,3 %; украинцев – 13 тыс. или 2,6 %, и около трёх тысяч представителей коренных народов, в том числе 2290 нивхов, 259 ульта (ороков) [9].

О степени влияния корейцев на процессы формирования региональной идентичности Сахалинской области пока рано говорить. Требуются специальные исследования, но уже можно утверждать, что особенностью межэтнического взаимодействия сахалинских корейцев с представителями других этносов является высокая степень толерантности и экономической интегрированности.

О двойственной природе идентичности корейской диаспоры или «корё сарам» (самоназвание) пишет Г.Н. Ким: « С одной стороны, корё сарам имеют много общего с корейцами, проживающими на Севере и Юге Корейского полуострова. У них общие генетические корни, единый расовый и антропологический тип, многовековая общая история, культура и язык. Но, с другой стороны, коре сарам сильно отличаются от всех других корейцев. За прошедшие полтора столетия с момента переселения на русский Дальний Восток произошли значительные изменения в их менталитете, этнической культуре, языковой компетенции, социальном положении, образовании и даже во внешнем облике» [4, с. 329].

Каждая локальная община корейцев, наряду с осознанием принадлежности к единой этнической общности, формирует и собственную локальную идентичность, которая закрепляется в этнонимах "сахалинские". Н.Г. Ли выделяет три группы: «сахалинские корейцы», «азиатские корейцы» и «российские корейцы» [7]. Первую группу образуют корейцы, привезённые для работы на угольных шахтах в 1910 – 1945 гг., когда Корейский полуостров и южная часть острова Сахалин входили в состав Японской империи.

Вторую группу – «азиатских корейцев» образуют мигранты из Казахстана, Узбекистана, Таджикистана и Кыргызстана. Они владеют корейским и русским языками, сохраняют чувство принадлежности и к корейской и русской культуре. Её представители участвуют в международных программах, направленных на распространение корейского языка и культуры, сотрудничество в сфере малого и среднего бизнеса.

Третью группу «российских корейцев» образуют люди, родившиеся и выросшие в России, для которых этническая идентичность не имела большого значения. Только в последние двадцать лет возрос их интерес к своей исторической родине, культуре, языку.

Модель чередования или переключения этнических поведенческих кодов в зависимости от ситуации позволяет сахалинским корейцам идентифицировать себя с обеими взаимодействующими группами.

Таким образом, идентичность сахалинских корейцев может рассматриваться как своеобразный конструкт, который создаётся в процессе разнообразных коммуникаций. А их самоидентификация по отношению к другим позволяет оказывать влияние на других и соотносить себя с наиболее значимой группой.

Историко-культурные факторы

История Сахалина отражает противоречивый характер формирования региональной идентичности. Например, идея регионального самоопределения получила своё воплощение в 1920 – 1922 годах, когда на территории от Байкала до Тихого океана, включая Приморье, Камчатку и северный Сахалин, существовала формально независимая Дальневосточная республика.

Часть территории Сахалинской области – острова Итуруп, Кунашир, Шикотан и Хабомай – является предметом территориального спора между Российской Федерацией и Японией. А изображение Сахалинской области без этих островов становится поводом для различных недоразумений и политических инициатив. Например, в декабре 2010 года на XIV съезде Российского географического общества (РГО), проходившем в Санкт-Петербурге, участникам раздавали пакеты с сувенирами РГО. На значках и пакетах изображения островов не было. Курилы не попали на карты в нескольких учебниках по географии и брошюрах для подготовки к ЕГЭ, и на Сахалине эти учебные материалы изъяли. В 2011 году депутаты Сахалинской думы внесли в Госдуму законопроект,

предусматривающий внесение поправок в Кодекс об административных правонарушениях. Документ предполагал ответственность за «грубое искажение изображения современной территории России в СМИ или иным публичным способом», а также размещение такого изображения на какой-либо продукции. Искажением депутаты называют изображение карты России без одного из субъектов или территорий, «на которые имеются притязания иностранного государства». Однако эта инициатива не нашла поддержки в Государственной думе в силу опасений ухудшить российско-японские отношения.

Сама по себе территориальная близость к таким странам, как Япония и Республика Корея, вкупе со значительной удалённостью от центра страны, а также отдалённостью от континентальной части Дальнего Востока оказывает смешанное влияние на самосознание сахалинцев. Например, размещение на флаге собственного изображения на синем фоне подчёркивает символику геополитического положения Сахалинской области.

Появление в 1990-е годы на Сахалине значительного числа иностранцев, являвшихся носителями иной культуры, также оказало влияние на формирование идентичности. Работники иностранных корпораций из числа местного населения «втягивались» в формат новой корпоративной культуры, что, в свою очередь, неизбежно оказало влияние и на привычки, и на культуру поведения и потребления местного населения.

В 2012 году совместными усилиями областного правительства и Сахалинского университета (СахГУ) при участии консорциума «Сахалин-1» был открыт Технический нефтегазовый институт. Между Сахалинским государственным университетом и Мемориальным университетом г. Ньюфаундленд (Канада) в 2014 году было подписано Соглашение о сотрудничестве, на основании которого планируется чтение лекций канадскими преподавателями. Этот проект стал новым опытом для системы профессионального образования Сахалинской области. У молодых сахалинцев появилась возможность, не выезжая с острова, получать качественное техническое образование с последующим трудоустройством. В 2014 году на базе СахГУ был открыт современный научно-образовательный центр, специализирующийся на подготовке высококлассных специалистов для нефтегазовой отрасли Сахалина.

Культурная память нуждается в традициях, так как она опирается на знаковые системы, которые поддерживают идентичность и закрепляются в различных институциональных формах. Например, в официальных праздниках, мероприятиях, специальной символике. В Южно-Сахалинске, в отличие от Хабаровска и Владивостока, нельзя найти памятников архитектуры времён Российской империи. Зато к достопримечательностям областной столицы можно отнести здания областного краеведческого и художественного музея, построенные в период принадлежности Южного Сахалина Японской империи. Областной художественный музей расположен в доме, построенном в 1930 году для Колониального банка Японии «Хоккайдо Такусёку» [3]. Здание краеведческого музея было построено в 1937 году в традиционном японском стиле «тэйкан-дзукури» – «императорской коронь» [2].

Таким образом, культурный ландшафт Южно-Сахалинска до сих пор формируют здания, напоминающие о присутствии Японской империи. Стоит отметить, что современная городская архитектура Южно-Сахалинска и городов области мало отличается от других городов российского Дальнего Востока. Например, Генеральное консульство Японии в Южно-Сахалинске располагается в стандартном здании на улице Ленина.

Среди деятелей культуры наибольшей популярностью пользуется писатель А.П. Чехов. С годами сложился даже ассоциативный ряд Чеховский Сахалин – Сахалинский Чехов. Конструирование чеховской традиции выражается не только в топонимике. В 1995 году в Южно-Сахалинске открылся Музей книги А.П. Чехова «Остров Сахалин», на базе которого регулярно проводятся различные мероприятия. В 2013 г. музей переместился в специально построенное здание. В рамках мероприятий предстоящего Года А.П. Чехова на Сахалине в 2015 году планируется целый ряд мероприятий в связи со 125-летием путешествия писателя.

Экономические факторы

В Сахалинской области богатый ресурсно-сырьевой потенциал сочетается с экстремальными условиями его освоения. Островное положение области, отсутствие устойчивой круглогодичной связи с отдалёнными островами Курильской гряды оказывают сильное влияние на региональную идентичность. С.А. Пономарев, действительный член русского Географического общества и видный политик считает, что на Сахалине сложилась своя идентичность, а в её рамках можно говорить о «сахалинской» и «курильской», так как Курильские острова и остров Сахалин – это два субрегиона в рамках одной области [2].

Сахалинская область успешно конкурирует с другими дальневосточными территориями в социально-экономической сфере. Например, на протяжении последних двадцати лет Сахалинская область сохраняет лидерство по объёму иностранных инвестиций среди дальневосточных территорий. Освоение сахалинского шельфа дало уникальный опыт привлечения иностранных инвестиций. Сахалинская область, благодаря закону «О соглашениях о разделе продукции», смогла в достаточно короткий срок вовлечь в экономический оборот углеводородные ресурсы, привести на территорию области новейшие технологии и построить современные производственные комплексы в нефтегазовой отрасли.

На состояние и перспективу развития внешней торговли, формирование хозяйственного комплекса области, ориентированного на внешние рынки, оказывают влияние экономико-географическое положение Сахалинской области, её близость к развитым странам АТР, ёмкость рынков и дефицит природно-сырьевых ресурсов сопредельных стран.

Доля стран АТР во внешнеторговом обороте Сахалинской области в первом полугодии 2013 г. составляла 95,6% [2]. Продукция топливно-энергетического комплекса остаётся основной статьёй экспорта. Нефтепродукты поставлялись в Республику Корея – 57,9% физического объёма, Японию – 22,1%, Китай – 19,2%. Основными импортёрами СПГ являются Япония – 75,9%, Республика Корея – 20%, КНР – 4,1% [2].

Япония на протяжении многих лет является ведущим экономическим партнёром островного региона. В реализацию сахалинских шельфовых проектов существенный вклад внесли компании «Мицуи», «Мицубиси» и «Содеко». Активно развивается межрегиональное сотрудничество Сахалинской области и префектуры Хоккайдо в таких сферах, как рыбопромышленный комплекс, образование, культура и туризм. Сахалинская область и префектура Хоккайдо в 2013 г. отметили пятнадцатилетие заключения Соглашения о дружбе и экономическом сотрудничестве. В рамках юбилейных мероприятий был подписан План развития дружественных и экономических связей на 2013 – 2017 годы между Сахалинской областью и префектурой Хоккайдо.

Сахалинская область входит в состав различных международных институтов. На федеральном уровне она участвует в работе Межрегио-

нальной подкомиссии Российско-Японской Межправительственной комиссии по торгово-экономическим вопросам, Российского национального комитета по Тихоокеанскому экономическому сотрудничеству. На региональном уровне входит в Ассоциацию региональных администраций стран Северо-Восточной Азии, Российско-Американское Тихоокеанское партнёрство; Российско-китайский Координационный Совет по межрегиональному и приграничному торгово-экономическому сотрудничеству; Постоянную смешанную комиссию «Дальний Восток России-Хоккайдо». На уровне деловых кругов Сахалинская область входит в Дальневосточный комитет по экономическому сотрудничеству с Японией и Российско-Японскую Рабочую группу по торгово-экономическому и инвестиционному сотрудничеству на Дальнем Востоке России.

Результаты анкетирования

Для региональной идентичности зачастую характерна неоднородность, так как она определяется множеством социальных субъектов, ценности которых могут не совпадать и носить противоречивый характер.

В рамках изучения проблемы, авторами в период с 1 по 25 октября 2014 года был проведён опрос, в котором приняло участие 70 человек.¹

В силу ограниченных временных и финансовых возможностей, авторами был проведён опрос в электронном виде, что и определило категорию респондентов – это лица в возрасте от 18 до 25 лет, имеющие высшее образование и студенты. Все участники анкетирования на данный момент не проживают на территории Сахалинской области. Респондентам было предложено ответить на несколько вопросов, результаты которых представлены в виде секторных диаграмм. (Рис. 1 – 5)².

Результаты опроса показывают, что жители Сахалина и Курильских островов, имеющие высшее образование, или студенты, пребывают в состоянии неопределённости или не планируют возвратиться на прежнее место жительства (Рис. 1).

Ответы на вопрос о существовании сахалинской идентичности и «особого сахалинского менталитета» оказались в большей степени утвердительными (Рис. 2). Данный факт позволяет утверждать, что понятие региональной идентичности для сахалинской молодёжи является осознанным фактом.

Вопрос о характере отношений по оси «Центр – Регион» был задан с целью подтвердить существование региональной идентичности. Большая часть респондентов считает, что федеральный центр уделяет недостаточно внимания содействию решения проблем области. А меньшинство считает, что взаимоотношения региональных и федеральных властей можно охарактеризовать как равноправное партнёрство и сотрудничество (Рис. 3).

Ответы на два последних вопроса анкеты позволяют выявить наличие достаточно позитивных настроений относительно перспектив социально-экономического развития и расширения международных связей Сахалинской области.

Более половины опрошенных считают, что у Сахалинской области великолепные перспективы для социально-экономического развития в среднесрочной перспективе. Однако вопреки такому оптимизму респондентов, молодёжь не собирается возвращаться на Сахалин (Рис. 1). Около трети респондентов считают, что социально-экономическая ситуация в регионе останется стабильной, и менее одной пятой опрошенных дают

¹ Анкета в Приложении 1.

² Диаграммы в Приложении 2.

негативный прогноз касательно социально-экономической ситуации в области (Рис. 4).

Углубления и расширения контактов с международными партнёрами ожидает более половины опрошенных, другая крупная группа считает, что уровень международного взаимодействия Сахалинской области останется примерно на сегодняшнем уровне, и совсем немного респондентов считает, что международные контакты региона будут со временем «сворачиваться» (Рис. 5).

Таким образом, будучи гибким адаптивным свойством, региональная идентичность в ситуативном действии может принимать как позитивные, так и негативные оттенки. Результаты опроса позволяют предположить, что, несмотря на признание существования сахалинской идентичности, молодёжь как самая мобильная и образованная часть населения предпочитает строить карьеру за пределами Сахалина.

Заключение

Региональная идентичность обладает способностью объединять людей разных этнических групп, возрастов и профессий, снижать барьеры между этими группами. Речь не идёт о противопоставлении региональной и национальной идентичностей. Не следует видеть в региональной идентичности угрозу для единства страны. Очевидно, что региональную идентичность следует культивировать именно для укрепления целостности государства.

Можно предположить, что региональная идентичность Сахалинской области формируется не только под влиянием регионализации, но миграционных процессов. При этом численность населения Сахалина постепенно уменьшается. А сахалинские корейцы – это постепенно растущая по численности этническая группа, члены которой, сохраняя автономный стиль жизни и менталитет, ориентируются на усвоение отличающихся стандартов другой культуры для интеграции в принимающую систему ради самосохранения и освоения жизненных ресурсов.

Региональная идентичность конструируется через осмысление связи между сообществом и пространством в этническом, историко-культурном и экономическом контекстах. Соответственно, критериями выделения типов политики идентичности становятся, с одной стороны, ресурсы в отношении прошлого, настоящего и будущего региона, а с другой стороны, ресурсы в отношении центра и периферии.

Как показали результаты опроса, Сахалинская область представляет собой в содержательном выражении противоречивый набор проявлений региональной идентичности. С одной стороны, респонденты единодушны в оценках существования сахалинской идентичности. С другой стороны, они готовы покинуть Сахалинскую область в поисках работы.

Таким образом, объективно существующие различия по уровню эмоционального реагирования, иерархии ценностных предпочтений респондентов служат основанием региональной идентичности в той мере, в какой они являются объектами отражения и рефлексии.



Литература

1. Бляхер Л.Е. Дальний Восток России: В поисках политической идентификации // Политическая наука. 2005. № 3. С. 102-118.
2. Географическая структура внешнеторгового оборота Сахалинской области. [Электронный ресурс]. URL: http://investinsakhalin.ru/ru/international_trade (дата обращения 10.11.2014 г.)
3. Интервью авторов с С.А. Пономаревым. 19 февраля 2014 г.
4. Историческая справка. Официальный сайт Сахалинского областного художественного музея [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sakhartmuseum.ru/%D0%BE-%D0%BC%D1%83%D0%B7%D0%B5%D0%B5/%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F.%D1%81%D0%BF%D1%80%D0%B0%D0%B2%D0%BA%D0%B0.html> (дата обращения 30.09.2014 г.)
5. История создания музея. Официальный сайт Сахалинского областного краеведческого музея. [Электронный ресурс]. URL: http://sakhalinmuseum.ru/p_history.php (дата обращения 30.09.2014 г.)
6. Ким Г.Н. Избранные труды по корееведению. Тараз-Алматы: ЖИЦ «Сенім», 2013. 776 с.
7. Ли Н.Г. Этническая идентичность корейской общности как фактор социокультурной интеграции // Теория и практика общественного развития. 2013. № 7. [Электронный ресурс]. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/etnicheskaya-identichnost-koreyskoj-obschnosti-kak-faktor-sotsiokulturnoj-integratsii> (дата обращения 10.11.2014 г.)
8. Перепись населения 2010 года. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol4/pub-04-04.pdf (дата обращения 7.11.2014 г.)
9. Перепись населения 2010 года. Национальный состав. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol4/pub-04-19.pdf (дата обращения 7.11.2014 г.)
10. Туровский Р.Ф. Региональная идентичность в современной России. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bastion.ru/files/eb/REGIDENT.DOC> (дата обращения 10.11.2014 г.)

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Blyakher L.E. Dal'nij Vostok Rossii: V poiskakh politicheskoy identifikatsii // Politicheskaya nauka. 2005. № 3. S. 102-118.
2. Geograficheskaya struktura vneshnetorgovogo oborota Sakhalinskoj oblasti. [EHlektronnyj resurs]. URL: http://investinsakhalin.ru/ru/international_trade (data obrashheniya 10.11.2014 g.)
3. Interv'y'u avtorov s S.A. Ponomarevym. 19 fevralya 2014 g.
4. Istoricheskaya spravka. Ofitsial'nyj sayt Sakhalinskogo oblastnogo khudozhestvennogo muzeya [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://www.sakhartmuseum.ru/%D0%BE-%D0%BC%D1%83%D0%B7%D0%B5%D0%B5/%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F.%D1%81%D0%BF%D1%80%D0%B0%D0%B2%D0%BA%D0%B0.html> (data obrashheniya 30.09.2014 g.)
5. Istoriya sozdaniya muzeya. Ofitsial'nyj sayt Sakhalinskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya. [EHlektronnyj resurs]. URL: http://sakhalinmuseum.ru/p_history.php (data obrashheniya 30.09.2014 g.)
6. Kim G.N. Izbrannye trudy po koreevedeniyu. Taraz-Almaty: ZHITS «Senim», 2013. 776 s.
7. Li N.G. EHtnicheskaya identichnost' korejskoj obshhnosti kak faktor sotsiokul'turnoj integratsii // Teoriya i praktika obshhestvennogo razvitiya. 2013. № 7. [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/etnicheskaya->

identichnost-koreyskoy-obschnosti-kak-faktor-sotsiokulturnoy-integratsii (data obrashheniya 10.11.2014 g.)

8. Perepis' naseleniya 2010 goda. [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol4/pub-04-04.pdf (data obrashheniya 7.11.2014 g.)

9. Perepis' naseleniya 2010 goda. Natsional'nyj sostav. [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol4/pub-04-19.pdf (data obrashheniya 7.11.2014 g.)

10. Turovskij R.F. Regional'naya identichnost' v sovremennoj Rossii. [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://www.bastion.ru/files/eb/REGIDENT.DOC> (data obrashheniya 10.11.2014 g.)

Анкета

Как долго Вы жили на территории Сахалинской области?
<i>Ответы</i>
А. От 5 до 10 лет
В. От 10 до 15 лет
С. От 15 до 20 лет
Д. Более 20 лет
По какой причине Вы покинули Сахалинскую область?
<i>Ответы</i>
А. Учеба
В. Трудоустройство
С. Другое
Планируете ли Вы свое возвращение?
<i>Ответы</i>
А. Да
В. Скорее да, чем нет
С. Скорее нет, чем да
Д. Нет
Е. Затрудняюсь ответить
Считаете ли Вы, что жители области обладают своим особым локальным характером, мировоззрением или идентичностью (наподобие «сибирского характера»)?
<i>Ответы</i>
А. Да
В. Нет
С. Затрудняюсь ответить
Как Вы оцениваете взаимоотношения области с федеральным центром?
<i>Ответы</i>
А. Равноправное партнерство и сотрудничество
В. «Центр» навязывает свои решения
С. «Центр» недостаточно уделяет внимание содействию решения проблем региона
Как Вы оцениваете перспективы социально-экономического развития Сахалинской области?
<i>Ответы</i>
А. У области великолепные перспективы для развития в среднесрочной перспективе

В. Социально-экономическая ситуация останется стабильной
С. Ситуация будет ухудшаться
Как Вы оцениваете перспективы развития международных и межрегиональных связей Сахалинской областью (в первую очередь со странами соседями – Японией, Южной Кореей, Китаем)?
<i>Ответы</i>
Количество международных контактов будет увеличиваться и сотрудничество с соседями области будет углубляться
Уровень международных и межрегиональных связей области останется неизменным
Количество и качество международных и межрегиональных связей области будет снижаться

Приложение 2.

Рис. 1. Планируете ли вы свое возвращение?

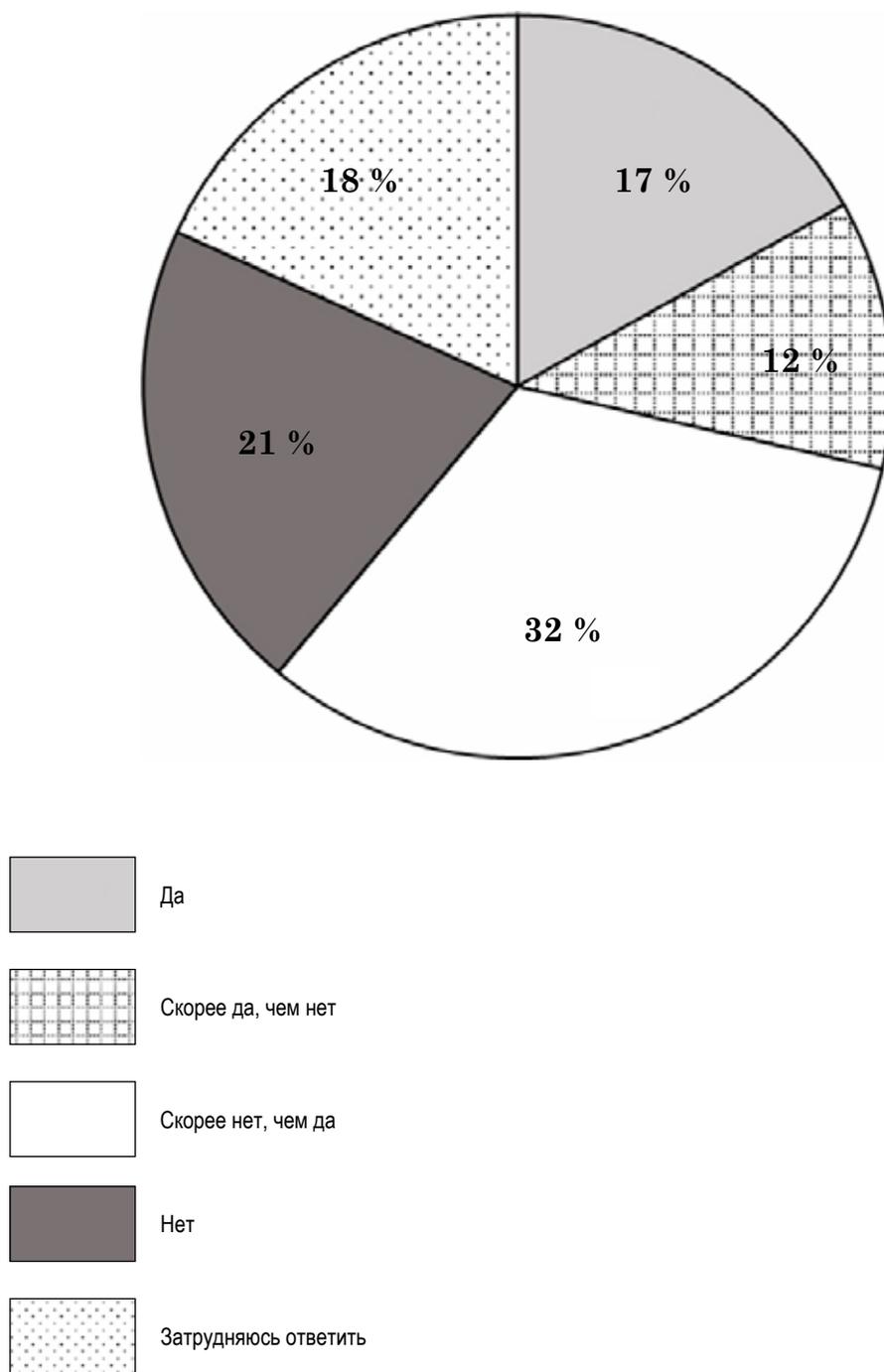


Рис. 2. Считаете ли Вы что жители области обладают особым локальным характером и идентичностью?

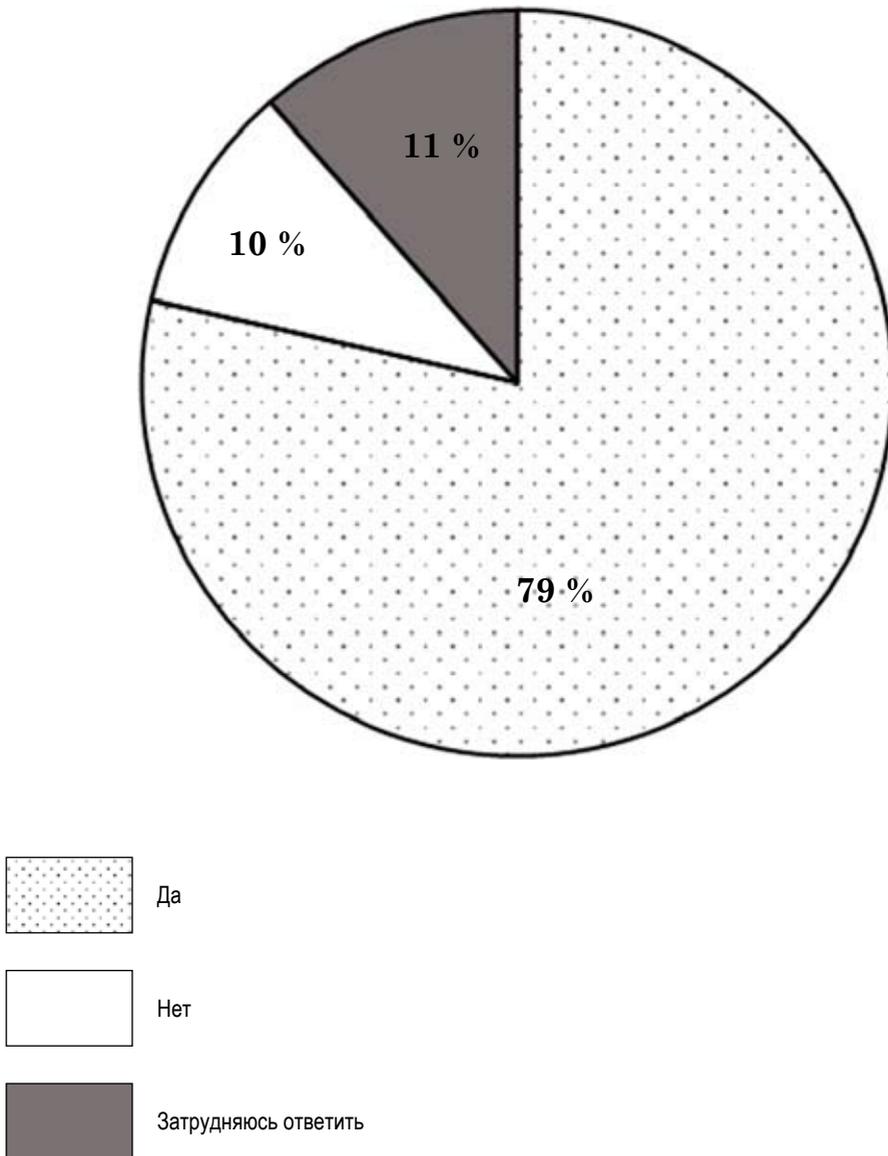


Рис. 3. Как Вы оцениваете взаимоотношения области с федеральным центром?

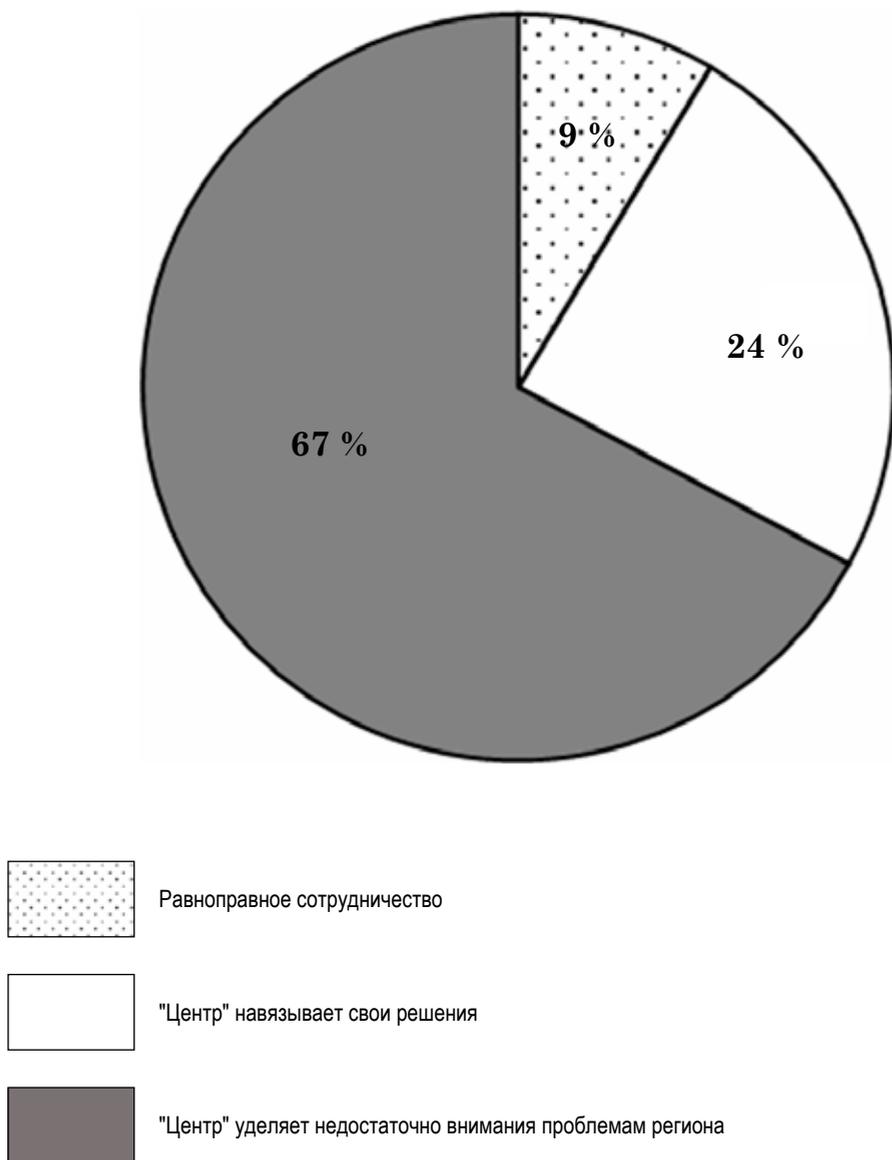
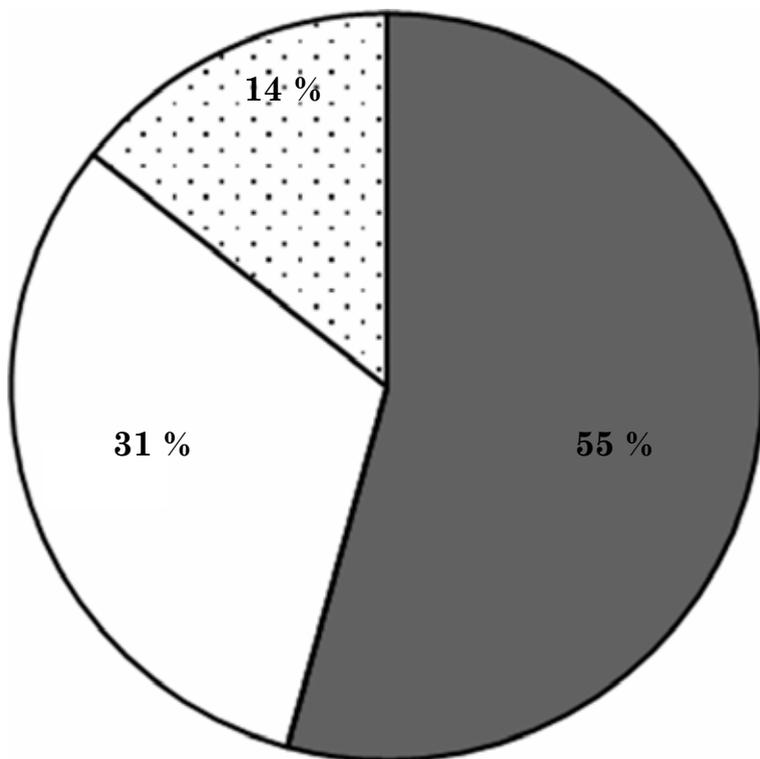


Рис. 4. Как Вы оцениваете перспективы социально-экономического развития Сахалинской области?



У области великолепные перспективы для развития в среднесрочный период

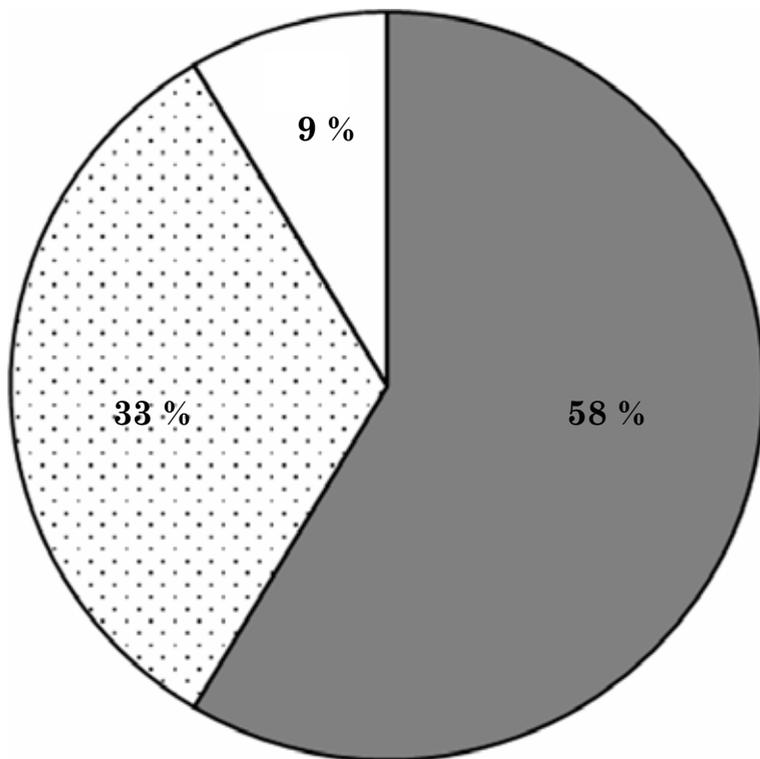


Социально-экономическая ситуация останется стабильной



Ситуация будет ухудшаться

Рис. 5. Как Вы оцениваете перспективы развития международных и межрегиональных связей Сахалинской областью?



Количество международных контактов будет увеличиваться и сотрудничество с соседями области будет углубляться



Уровень международных и межрегиональных связей области останется неизменным



Количество и уровень контактов будет снижаться

УДК 94:327(47+57)

Белоглазов Г.П.
Beloglazov G.P.

**КВЖД – объект российско (советско) -
китайского взаимодействия и российских инвестиций
в 20-е гг. XX в.**

(к 90-летию установления дипломатических отношений между СССР и
Китайской Республикой и подписания
«Соглашения о временном управлении КВЖД 1924 г.»)

**Chinese Eastern Railway as an object of Russian (Soviet) -
Chinese cooperation and Russian investment in 20th of the XX century**

В статье рассматриваются основные принципы советской внешней политики применительно к Китаю, КВЖД и дальневосточному региону в целом и их проявление при заключении Соглашений. Проведён поста-тейный анализ подписанных документов, отмечен российский (советский) опыт инвестирования крупных экономических проектов, таких как КВЖД и Базы тяжёлой промышленности на Северо-Востоке Китая в 1950-х гг., сделан вывод, что в настоящее время развитие российско-китайского со-трудничества в трансграничном регионе едва ли возможно без объективной оценки уроков истории.

Ключевые слова: *Китай, Северо-Восточный Китай, Советская Россия, СССР, КВЖД, Соглашение, внешние связи, дипломатические от-ношения*



The paper describes the basic principles of Soviet foreign policy with regard to China, CER and Far East region as a whole and their display at the conclusion of the agreements. Held that an analysis of the signed documents. Marked by the Russian (Soviet) investment experience major economic projects such as the CER and the heavy industry base in Northeast China in the 1950s. It is concluded that at the present time, the development of Russian-Chinese cooperation in the transboundary region is hardly possible without an objective assessment of the lessons of history.

Key words: *China, Northeast China, Soviet Russia, the USSR, the CER agreement, external relations, diplomatic relations, investments*

Советско-китайское «Соглашение об общих принципах для урегу-лирования вопросов между Союзом Советских Социалистических Республик и Китайской Республикой» было подписано в Пекине в мае 1924 г. Факт подписания данного соглашения означал восстановление официальных дипломатических отношений между СССР и Китайской Республикой. Кроме того, было подписано «Соглашение о временном

БЕЛОГЛАЗОВ Геннадий Петрович, к.и.н., старший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (*г. Владивосток*).
E-mail: Beloglazov1@yandex.ru

управлении Китайско-Восточной Железной Дорогой (31 мая 1924 г.)», в соответствии с которым дорога рассматривалась как чисто коммерческая организация, находящаяся в совместном управлении СССР и Китая. Подписанию этих важных политических и экономических документов предшествовала сложная история. С крушением Российской империи в 1917 г., КВЖД оказалась вне правового поля. В борьбу за контроль над ней вступили США, Япония, Англия, Франция, Китай. В конце 1918 г. правительство США инициировало переговоры об установлении контроля иностранных держав, участвующих в интервенции, над железными дорогами Сибири, Дальнего Востока и КВЖД. Основная борьба во время этих переговоров развернулась между делегациями США и Японии [1]. В январе 1919 г. они провели двусторонние переговоры, по итогам которых приняли соглашение "О надзоре над Сибирской железной дорогой и КВЖД". В марте 1919 г. к нему присоединились представители Великобритании, Франции, Италии, Китая, а также правительство А.В. Колчака. В рамках данного соглашения страны – участницы опубликовали декларацию об установлении международного контроля над КВЖД и железными дорогами Сибири и российского Дальнего Востока в зоне действия войск интервентов. Под эгидой США также был создан Межсоюзный комитет по управлению дорогой (МЖД) и Техническая подкомиссия, которая осуществляла непосредственное управление железными дорогами. Помимо Японии и США, в МЖД вошли и другие участники переговоров.

Однако с подписанием данного соглашения соперничество из-за КВЖД между Японией и США не прекратилось. Проблемы российского присутствия на Дальнем Востоке и собственности КВЖД стали поводом для острых разногласий между ними, а также другими представителями – членами МЖД, куда вошли 9 государств-участников Вашингтонской конференции, которая проходила с 12 ноября 1921 г. по 6 февраля 1922 г. [2]. В работе конференции принимала участие и делегация Северного Китая. Делегации Советской России и ДВР на конференцию не были допущены, в связи с чем Советское правительство 19 июля 1921 г. высказало резкий протест в ноте правительствам Великобритании, Франции, Италии, США, Китая и Японии. В ответ на ноту Советского правительства, американская сторона заявила, что «защита интересов России переходит ко всей конференции», что она примет " во внимание интересы России и без её представительства" [4, с. 224-226.]. Советское правительство сделало ещё несколько протестов конференции по поводу вопросов, которые непосредственно затрагивали интересы Советской России, в частности о КВЖД. Техническая подкомиссия подтвердила право собственности на КВЖД за российским правительством и недопустимость передачи прав на железную дорогу другим государствам, имея ввиду Японию и Китай. По итогам конференции была принята резолюция по КВЖД, в которой подтверждались и полномочия МЖД по управлению дорогой.

Делегация Китайской Республики на конференции изложила свою позицию под заглавием «десять пунктов», главными из которых были требования отменить систему неравноправных договоров со всеми договорными державами и предоставить право Китаю участвовать в эксплуатации КВЖД. Кроме того, китайская делегация заявила, что вопрос о КВЖД – предмет переговоров только Китая и России, поскольку Россия построила дорогу, а Китай владеет территорией, по которой она проходит. Однако требования Китая о восстановлении своих суверенных прав были отвергнуты государствами-участниками конференции, которые объявили Китай «неподготовленным» для того, чтобы иметь равные права с ними.

Итоги Вашингтонской конференции оказались разочаровывающими для Китая, практически все требования китайской стороны: возвращение Китаю Шаньдуня, достижение целостности Китая, тарифная автономия, экстерриториальность и др. – были отвергнуты [5, с. 40]. Решения Конференции развеяли надежды китайских либералов на помощь со стороны мировых держав и вызвали бурные протесты китайской общественности, включая массовые студенческие манифестации против США, Англии и Франции.

25 октября 1922 г., в связи с выводом японских войск из Владивостока, японские воинские формирования были выведены и с КВЖД. В конце октября 1922 г. США, Англия, Япония, Франция и Италия договорились ликвидировать МЖК и Техническую подкомиссию и передать КВЖД под временную опеку Китая, оговорив при этом обязательство с его стороны открыть дорогу для торговли всех стран. Официальная ликвидация МЖК произошла 1 декабря 1922 г. Таким образом, все попытки иностранных держав на протяжении 1919 – 1922 гг. по установлению контроля над КВЖД потерпели крах.

С присоединением Дальневосточной Республики (ДВР) к РСФСР в ноябре 1922 г. и образованием СССР в декабре 1922 г. началась нормализация отношений Советского Союза с рядом стран на Ближнем Востоке – Турцией, Ираном и Афганистаном. Торговые соглашения и договоры были заключены с рядом ведущих западных стран – Англией, Германией, Италией, Швецией, Австрией и др. Однако нормализации отношений с СССР в это время не произошло, хотя со стороны общественного движения в Китае, переживавшего во второй половине 1922 г. революционный подъём, звучали призывы и требования к пекинскому правительству о нормализации отношений с Советской Россией. В конце 1922 г. по инициативе части депутатов республиканского парламента было создано «Общество содействия развитию китайско-русских отношений», которое лоббировало в парламенте обсуждение вопроса о признании Советской России

В августе 1922 г. чрезвычайным полномочным представителем России в Китае был назначен российский дипломат А.А. Иоффе, о чём НКВД РСФСР уведомил представителя китайского правительства в Москве Шэнь Чжунсюня. 12 августа возглавляемая А.А. Иоффе российская делегация прибыла в Пекин, имея широкие полномочия – установить дипломатические отношения с Китаем, заключить торговый договор и соглашение о КВЖД.

Переговоры из-за позиции МИД Китая проходили в сложной обстановке, так как китайская сторона при обсуждении основных вопросов советско-китайских отношений интерпретировала Обращение советского правительства от 25 июля 1919 г., в котором подтверждалась позиция советского правительства об аннулировании всех тайных договоров, заключённых царским и Временным правительствами с Китаем, как отказ Советской России от собственности на КВЖД в пользу Китая. Однако в указанном Обращении речь шла не об отказе Советской России от собственности на железнодорожную магистраль, построенную на российские деньги, а о восстановлении китайской юрисдикции на КВЖД.

25 января 1923 г. руководитель советской делегации А.А. Иоффе был направлен в Японию для переговоров с японским правительством. На пути в Токио он встретился в Шанхае с Сунь Ят-сеном и провёл с ним беседу, в ходе которой они обменялись мнениями по основным вопросам советско-китайских отношений. По итогам встреч с Сунь Ят-сеном 26 января 1923 г., было подписано совместное коммюнике, из которого явствует, что Сунь Ят-сена устраивала политика СССР в отношении Китая. По мнению Сунь Ят-сена, урегулированию вопроса о Китайско-Восточной

железной дороге могла бы помочь специальная русско-китайская конференция, до начала которой управление дорогой следовало реорганизовать временным соглашением Китайского и Российского правительств без нарушения прав и интересов обеих сторон [5, с. 50].

Порядок переговоров и подписания документов, положенных в основу соглашения об общих принципах установления официальных дипломатических отношений между СССР и Китаем, был согласован китайским комитетом по переговорам с СССР и советской делегацией во главе с заместителем наркома иностранных дел Л. Караханом 25 февраля 1924 г. По проблемам КВЖД предполагалось принятие отдельного соглашения или декларации.

Разработка проекта соглашения была завершена к началу марта. Проект предусматривал немедленное восстановление нормальных советско-китайских дипломатических и консульских отношений, аннулирование всех конвенций, договоров, соглашений и т.п., затрагивающих суверенные права и интересы Китайской Республики, взаимное недопущение существования и деятельности на территории Китая и СССР организаций и групп, выступающих против правительств каждой из договаривающихся сторон, отказ Советского Союза от специальных прав и привилегий, касающихся концессий, приобретённых царским правительством, а также от русской части боксёрского возмещения – контрибуции, при условии, что она образует Фонд улучшения просвещения китайского народа. Кроме того был подготовлен проект соглашения о КВЖД, в котором определялся её статус как исключительно коммерческого предприятия, находящегося в управлении СССР и Китайской Республики и являвшегося их совместной собственностью. 13 марта 1924 г. эти документы получили одобрение китайского правительства, а 14 марта были парафированы уполномоченными договаривающихся сторон.

31 мая 1924 г. чрезвычайный и полномочный представитель СССР в Китае Л.М. Карахан и министр иностранных дел Китая Гу Вэйцзюнь подписали «Соглашение об общих принципах для урегулирования вопросов между Союзом Советских Социалистических Республик и Китайской Республикой», что означало немедленное восстановление официальных дипломатических отношений между СССР и Китайской Республикой. Кроме того было подписано «Соглашение о временном управлении Китайско-Восточной Железной Дорогой (31 мая 1924 г.)», которое состояло из 11 статей и 9 деклараций, уточнявших некоторые моменты основного соглашения и регулировавших правовое положение находящихся на территории Китая граждан СССР [6, с. 85-92].

Основным из этих документов было «Советско-китайское соглашение об общих принципах», которое состояло из 15 статей. Многие из положений Соглашения получили развитие в специальных декларациях, а наиболее сложные вопросы советско-китайских отношений предполагалось рассмотреть на специальной конференции, которую намечалось созвать не позднее следующего месяца, однако конференция не состоялась.

Статья III Соглашения содержала согласие обоих правительств аннулировать на предстоящей конференции «все конвенции, договоры, соглашения, протоколы, контракты и т. д., заключённые между правительством Китая и царским правительством». Статьей IV Советский Союз подтверждал прежние заявления: «в соответствии с его политикой и с декларациями 1919 и 1920 гг. объявляет не имеющим силы все договоры, затрагивающие права и интересы Китая, заключённые царским правительством с третьей стороной». Китайское правительство в специальной декларации по этому вопросу аннулировало все договоры и соглашения с царским правительством или с третьей стороной.

В ст. XII Советское правительство подтверждало отказ от прав экстерриториальности и консульской юрисдикции для советских подданных на китайской территории и относило их к прерогативе китайских властей, за исключением вопросов, связанных с управлением КВЖД, а также специальных прав и привилегий, концессий, приобретённых царским правительством в Китае (ст. X). В свою очередь китайская сторона обязалась не передавать этих специальных прав и привилегий третьей державе или какой-либо иной организации.

Советская сторона на переговорах и при подписании соглашений пошла на ряд уступок Китаю: признание суверенитета Китая во Внешней Монголии и вывод советских войск с её территории; отказ от прав экстерриториальности и консульской юрисдикции; отказ от всех договоров и соглашений царского правительства и т. д. Позиция советского руководства объяснялась его желанием быстро и с максимальной пользой для СССР решить вопрос о КВЖД, который являлся ключевым на переговорах.

Что касается договорённостей, непосредственно касающихся правового положения и деятельности КВЖД, то они базировались на признании последней собственностью Советского Союза [3, с. 527]. В ст. IX основного соглашения предусматривалось, что вопрос о КВЖД будет урегулирован на предстоящей советско-китайской конференции, исходя из следующих принципов:

- ♦ КВЖД объявляется чисто коммерческим предприятием; за исключением вопросов, касающихся деловых операций, переданных в непосредственное ведение дороги, все другие вопросы, затрагивающие права национального и местного правительств Китайской республики, будут находиться в ведении китайских властей;

- ♦ правительство СССР согласно на выкуп КВЖД правительством Китая при посредстве национального капитала. Размер и условия выкупа должны быть определены на советско-китайской конференции;

- ♦ будущее КВЖД будет определяться только СССР и Китаем, без участия какой-либо третьей стороны или сторон;

- ♦ впредь до урегулирования на конференции всех вопросов, относящихся к КВЖД, права обоих правительств, вытекающие из контракта 27 августа (8 сентября) 1896 г. (если они не находятся в противоречии с рассматриваемым соглашением), останутся в силе.

Ст. I «Соглашения о временном управлении КВЖД» предусматривала создание на паритетных началах Правления КВЖД из 10 чел. под председательством представителя Китая, ревизионной комиссии и Управления КВЖД, во главе с управляющим дорогой – подданным СССР. В соответствии с Соглашением был временно оставлен в силе прежний устав КВЖД, поскольку он не противоречил подписанным документам и не наносил ущерба суверенитету Китайской Республике.

Ст. XIII Соглашения касалась договорённости сторон о заключении торгового договора, согласования таможенных тарифов, осуществления проверки существующих границ и «впредь до указанной проверки поддерживать существующие границы» (ст. VII), а также урегулирования проблем, связанных с судоходством по пограничным рекам, озёрам и т.п. (ст. VIII).

Советское правительство согласилось на выкуп китайской стороной КВЖД и всего принадлежащего дороге имущества, с тем, чтобы условия выкупа и порядок передачи были обговорены на предстоящей конференции (ст. IX, п. 2.3) [3, с. 333-335].

Заключение Советским Союзом советско-китайского Соглашения встретило противодействие со стороны США и западных стран. С китайской стороны против этого соглашения выступил Чжан Цзолин

– глава администрации Трёх автономных восточных провинций (Трёх Северо-Восточных провинций) – Маньчжурии, на территории которой и располагалась КВЖД. Будучи фактическим правителем Маньчжурии, Чжан Цзолинь не признавал пекинское центральное правительство и в июле 1924 г. отказался признать правомочность советско-китайского Соглашения на том основании, что дорога находится на «автономной» территории, подконтрольной ему, а не правительству в Пекине.

Понимая, что Соглашение о КВЖД на практике могло осуществляться только с согласия администрации Чжан Цзолиня, Советское правительство вынуждено было пойти на переговоры с ним и заключило дополнительное соглашение, которое было подписано 20 сентября 1924 г. в Мукдене (Шэньяне). Мукденское соглашение дублировало многие пункты советско-китайского Соглашения от 31 мая 1924 г. и в основном касалось вопросов КВЖД. Однако в нём были и два существенных дополнения. Первое касалось сокращения срока действия контракта на постройку и эксплуатацию КВЖД от 8 сентября 1896 г. с 80 до 60 лет. Второе было связано с проблемой регулирования судоходства по Сунгари и нижнему течению Амура (ст. II Мукденского соглашения) [5, с. 64, 106].

3 октября 1924 г. в соответствии с пекинским и мукденским соглашениями было сформировано Правление КВЖД, в состав которого вошли по 5 представителей от СССР и Китая. Председателем Правления стал китаец, а Управляющим дорогой был назначен от советской стороны – А.Н. Иванов. Заключение Мукденского соглашения законодательно устранило последнее препятствие на пути добрососедских отношений между СССР и Китаем.

Заключение советско-китайского соглашения и деклараций имело большое значение для обеих сторон, а публикация их 31 мая 1924 г. в печати вызвала большой международный резонанс и способствовала упрочению позиций СССР и Китая на международной арене. Для китайской стороны оно стало одним из первых равноправных договоров с иностранным государством, который основывался на признании китайского законодательства при решении внутренних вопросов. СССР, благодаря этому соглашению, восстановил дипломатические отношения с Китаем и получил основу для урегулирования политических взаимоотношений с ним и развития сотрудничества между нашими странами в будущем. Статьи соглашения по КВЖД также оказывали влияние на экономическое развитие в смежных с Маньчжурией восточных территориях России – Забайкалье, Приамурье и на всём советском Дальнем Востоке. В целом, совместное советско-китайское управление на КВЖД упрочивало позиции Советского Союза в странах АТР и, особенно, усиливало его позиции в переговорах с Японией.

Оккупация Японией Маньчжурии в 1931 г. прервала относительно мирный ход исторических событий в российско (советско)-китайских отношениях. СССР вынужден был продать КВЖД официально марионеточному государству Маньчжоу-го, а реально Японии за ничтожно малую сумму. 23 марта 1935 года в Токио было подписано соглашение об окончательной продаже КВЖД на следующих условиях: Маньчжоу-го выплачивает 140 млн. иен с внесением 1/3 деньгами и погашением остальной части этой суммы поставками товаров японских и маньчжурских фирм по советским заказам в течение 3 лет. 30 млн. иен выделялось дополнительно для выплаты советским служащим, работавшим на КВЖД, выходных пособий, пенсий и т.п. Обусловленная сумма была намного ниже фактической стоимости КВЖД. Ради сохранения мира Советское правительство пошло на эти уступки и согласилось продать КВЖД за столь низкую цену. Россия и её правопреемник – СССР так

и не окупили затрат, вложенных в грандиозный проект строительства и функционирования КВЖД. В 1953 г. Советский Союз передал полностью все права на КВЖД (КЧЖД) КНР, хотя по условиям Договора 1896 г. они должны передаваться в 1983 г.

Таким образом, в период строительства и эксплуатации КВЖД оказала на сибирские и дальневосточные регионы России, а также Северо-Восточный Китай огромное хозяйственное влияние. Вплоть до настоящего времени вся транспортная инфраструктура и промышленное производство северо-восточного региона базируется на российском (советском) экономическом, инвестиционном и интеллектуальном потенциале, вложенном в своё время в КВЖД.

В китайской, отчасти и в отечественной, историографии утвердилось мнение о том, что Россия в период получения концессии, а вернее прав собственности на КВЖД в конце XIX в., и в период её эксплуатации (до 1934 г.) проводила колониальную политику в этом регионе Китая, поработив его местное аборигенное и пришлое китайское население. Такой излишне политизированный и чрезмерно критический взгляд на реальные российско-китайские отношения того периода, особенно в полосе отчуждения КВЖД в период после 1917 г., не является бесспорным.

Если абстрагироваться от политических аспектов и проектов внедрения России в Маньчжурию и остановиться на её социально-экономических действиях и результатах здесь, то можно декларировать следующее: Россия вложила (инвестировала) в железнодорожное строительство и социальную инфраструктуру дороги огромные материальные и финансовые средства, получив право на отчуждение территории, на строительство и эксплуатацию магистралей, право на административное управление в этой зоне, а также право на привлечение трудовых ресурсов, то есть рабочей силы, как с китайской, так и российской стороны.

Инвестировав большие капиталы, Россия вправе была рассчитывать на финансовые дивиденды и другие привилегии. Так, Россия намеревалась получить прямой короткий путь, который связал бы центральные области страны с Владивостоком. С постройкой и эксплуатацией КВЖД Китай получил возможность экспортировать основную продукцию сельскохозяйственной отрасли Маньчжурии – пшеницу и соевые бобы. Это был существенный импульс для широкого экономического развития близлежащих к зоне отчуждения районов Маньчжурии и выхода на мировые рынки.

Если экстраполировать события периода строительства и эксплуатации КВЖД и действия России в отношении Китая того периода на нынешнюю ситуацию, то итогом станет эквивалент, подобный созданию специальных экономических зон (СЭЗ) в 80-90-х гг. XX в. в КНР или строительству технопарков, СЭЗ и, последовавшими за ними, зон привлечения иностранных инвестиций и территорий опережающего развития (ТОР) в России. Россия, вкладывая свои капиталы в строительство КВЖД и имея цель получение прибыли, объективно для Китая стала инициатором и пионером создания на его территории первой специальной экономической зоны (СЭЗ). Однако вплоть до настоящего времени в китайской историографии действия России в Маньчжурии по-прежнему рассматриваются как проявление колониальной политики царского правительства, направленной на захват территории суверенного государства, хотя реально Россия не оккупировала Маньчжурию, как это сделала Япония в сентябре 1931 г., и официально признавала суверенитет Китая на эту его территорию, о чём свидетельствует и Соглашение 1924 г. Примечательно, что современные СЭЗ, в которые привлекается иностранный капитал, не рассматриваются китайскими властями как

колониальная политика иностранных государств и, тем более, как нарушение суверенитета страны.

Россия имеет опыт инвестирования и осуществления масштабных экономических проектов, об этом свидетельствует строительство и эксплуатация КВЖД (1897 – 1934 гг.), создание Базы тяжёлой промышленности (или ныне так называемой «старой промышленной базы») в 50-х гг. прошлого века. Все эти высокотехнологичные, экономические проекты осуществлялись на Северо-Востоке Китая, в регионе, пограничном с российскими восточными территориями. Опыт инвестирования крупных проектов и экономический потенциал современного народно-хозяйственного комплекса северо-восточного региона Китая может и должен быть востребован и задействован, естественно с учётом нынешних условий, в дальневосточных субъектах РФ при создании СЭЗ, ТО-Ров и других инвестиционных проектов.



Литература

1. Аблова Н.Е. История КВЖД и российской эмиграции в Китае (первая половина XX в.). Мн.: БГУ, 1999. 316 с.
2. Вашингтонская конференция по ограничению вооружений и тихоокеанским и дальневосточным вопросам, 1921 – 1922 / Полный перевод актов и документов А.В. Сабанина. М.: Госиздат, 1924. 139 с.
3. Документы внешней политики СССР: В 22 т. М.: Политиздат, 1962. Т. 7. 760 с.
4. Документы внешней политики СССР. Комис. по изданию дипломатических документов: А.А. Громько/пред./ и др. Т. 1-5. М.: Госполитиздат, 1957 – 1961. Т. 4. 19 марта 1921 – 31 дек. 1921. 1960. 836 с.
5. Сладковский М.И. История торгово-экономических отношений СССР с Китаем. 1917 – 1974 гг. М., 1977. 368 с.
6. Советско-китайские отношения. 1917 – 1957: сб. документов. М.: Изд-во Восточной литературы, 1959. 468 с.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Ablova N.E. Istoriya KVZHD i rossijskoj ehmigratsii v Kitae (pervaya polovina KHKH v.). Mn.: BGU, 1999. 316 s.
2. Vashingtonskaya konferentsiya po ogranicheniyu vooruzhenij i tikhookeanskim i dal'nevostochnym voprosam, 1921 – 1922 / Polnyj perevod aktov i dokumentov A.V. Sabanina. M.: Gosizdat, 1924. 139 s.
3. Dokumenty vneshnej politiki SSSR: V 22 t. M.: Politizdat, 1962. T. 7. 760 s.
4. Dokumenty vneshnej politiki SSSR. Komis. po izdaniyu diplomaticeskikh dokumentov: A.A. Gromyko/pred./ i dr. T. 1-5. M.: Gospolitizdat, 1957 – 1961. T. 4. 19 marta 1921 – 31 dek. 1921. 1960. 836 s.
5. Sladkovskij M.I. Istoriya trgovogo-ehkonomicheskikh otnoshenij SSSR s Kitae. 1917 – 1974 gg. M., 1977. 368 s.
6. Sovetsko-kitajskie otnosheniya. 1917 – 1957: sb. dokumentov. M.: Izd-vo Vostochnoj literatury, 1959. 468 s.

УДК 338.48

Долгалева Л.М., Гатауллина С.Ю.
Dolgaleva L.M., Gataullina S.Yu.

Потенциал экологических ресурсов резерватов Забайкалья для развития «зеленого» туризма (на примере национального парка «Алханай»)

Potential of environmental resources of Transbaikalia reserves for
the development of "green" tourism (on example of the national park "Alkhanay")

Забайкальский край, обладая широким спектром природных экологических (климатических, ботанических, ландшафтных, гидрологических) ресурсов, нетронутой природой, практически не используется для развития «зелёного» туризма. Между тем, этнические традиции и потребность населения в отдыхе создаёт все необходимые условия для организации и развития экстремального, образовательного, религиозного и других видов туризма. Авторами рассмотрены политические, социокультурные, экономические, экологические и технологические факторы, влияющие на развитие экологического туризма, оказывающее решающее влияние на устойчивое развитие территории.

Ключевые слова: *экотуризм, устойчивое развитие, особо охраняемые природные территории, национальный парк Алханай, Забайкалье, лесные ресурсы, биологическое разнообразие, неистощительное природопользование, въездной туризм*



Zabaykalsky Krai, having a wide spectrum of natural environment (climate, landscape, botanical and hydrological) resources, unspoiled nature, almost never used for the development of "green" tourism. Meanwhile, ethnic traditions and the need for the population to rest creates all the necessary conditions for the organization and development of extreme, educational, religious and other kinds of tourism. The authors considered the political, socio-cultural, economic, environmental and technological factors that affect the development of ecological tourism, has a decisive influence on the sustainable development of the territory.

Key words: *ecotourism, sustainable development, protected areas, national park Alkhanay, Transbaikalia, forest resources, biodiversity, sustainable management of natural resources, inbound tourism*

Забайкальский край, обладающий обширной территорией, низкой плотностью населения и богатыми природными ресурсами, относится к числу депрессивных районов России. В 2014 году доля населения с доходами ниже прожиточного минимума составила 15%, а заявленная потребность в инвестициях на 2010 – 2014 годы – 251 159,1 млн. руб. [4]. Богатейший в ресурсном отношении край имеет многолетнюю дотаци-

ДОЛГАЛЕВА Лариса Михайловна, к.б.н., проректор по научной, инновационной и международной деятельности Института технологии и бизнеса (г. Находка). **E-mail:** dolgalevalm@mail.ru

ГАТАУЛЛИНА Светлана Юрьевна, старший преподаватель кафедры сервиса и туризма Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток). **E-mail:** obsurga@mail.ru

онную динамику. В то же время в программе социально-экономического развития Забайкальского края на 2010 – 2014 годы планируется увеличение валового регионального продукта в 1,2 раза, а объёма инвестиций в основной капитал в 1,3 раза; из них доля продукции, произведённой малыми предприятиями, должна возрасти до 9,5 %, а численность занятых в экономике до 538,6 тыс. человек; при снижении уровня официально зарегистрированной безработицы до 2,6 %; доля населения, для которого будут приоритетом занятия физической культурой и спортом достигнет 28 %; и при этом наметится снижение выбросов загрязняющих веществ на 15-20 % [4].

Достижение таких задач возможно только при развитии природоориентированного туризма. Забайкалье, обладая рекреационным и природным потенциалом, может стать донорской территорией, переведя в туризм в сферу региональной экономики, где особое место должно быть отведено экологическому или «зелёному» туризму. Экологические технологии занимают важное место в развитии территорий за рубежом [3].

Наиболее эффективно экологический туризм, как показывает практика турбизнеса, развивается на особо охраняемых природных территориях (ООПТ). Этому способствуют уникальные природные комплексы и объекты, наличие элементов инфраструктуры, высокая степень изученности ООПТ, профессиональный уровень сотрудников. На территории Забайкальского края расположено 2 заповедника, 1 национальный парк, 19 заказников, 65 памятников природы, 13 лечебно-оздоровительных местностей и курортов [13]. В Забайкальском крае рекреационный потенциал используется едва на 20%.

Большой потенциал кроется и в сфере сакрального, религиозного туризма, корни которого кроются в буддистской культуре, ориентированной на поклонение природным объектам. Забайкалье, как и Бурятия, – регионы, где культивируется традиция поклонения горам и природным объектам, которые являются «неотъемлемой частью общепурятской культуры» и «...как места религиозного поклонения обладают большим историко-культурным и природно-рекреационным потенциалом» [1].

Важнейшая роль в этом должна отводиться национальным паркам, в целеполагании которых согласно ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях» особое место придаётся туристической деятельности при сохранении природных комплексов [9, 10, 11].

Между тем у ООПТ практически отсутствует опыт получения и использования экономических аргументов для демонстрации ценностей природы при том, что общество уже начало использовать экономические ценности ООПТ. Выделение ландшафтно-экологических природных комплексов на территории национального парка "Алханай" связано с двумя основными природными факторами – геоморфологическим строением территории и растительностью.

Алханайский национальный парк расположен в условиях резко континентального климата, со среднегодовыми температурами воздуха от -1,2° до -1,8°С. Многолетняя мерзлота островная на глубине от 20 до 30 м, с температурой от 0,0° до -0,5°С [19]. Фактическая продолжительность солнечного сияния в Чите – 2353 ч. Максимальная непрерывная продолжительность солнечного сияния составляет 16 часов [6, 8] и наблюдается в мае-июле, что даёт возможность сочетания гелио- и аэротерапии. Перед прохождением тёплого атмосферного фронта формируются метеоусловия, благоприятно влияющие на больных с гипертонической болезнью, бронхиальной астмой, желчно- и почечнокаменной болезнью и др. А перед прохождением холодного атмосферного фронта – условия благоприятно влияющие на больных, страдающих артериальной гипо-

Таблица 1. Сезонная характеристика климата в национальном парке «Алханай»

Сезон	Начало-конец	Кол-во осадков	Ср. температуры	Направления преобладающих ветров	Особенности сезона
Зима	Вторая половина октября – середина апреля	наименьшее количество осадков: максимальная мощность снежного покрова до 10 см.	-22,4° до -22,0 С.		Отрицательный радиационный баланс. Много солнечных дней, без ветра
Весна	Вторая половина апреля – конец мая (до 45 дней)		0°С до 10°С.	Циклоны с С-З, Ю-З фронта связаны с усилением ветра	Преобладает облачная погода и солнечные дни.
Лето	Конец мая – (от 100 до 115 дней)		+18,3 – +18,60С.	Ю-В, Ю-З	Погодный режим определяется азиатской депрессией: в первый период лета -преобладание воздушных масс, во второй половине – северо-западные циклоны, возможность гелио- и азроте-рапии. Условно лечебную дозу в парке в мае можно получить за 7-8 мин., в июле – 5-6 мин., в августе за 8 мин
Осень	Конец августа – середина октября.	Резкая межсезонная изменчивость ср. суточных температур до 8° о дней в октябре.	С Восточной и Средней Сибири, централь-ных районов Якутии приходят циклоны с холодным воздухом, понижен-ямитемпературы	В конце августа формируется сибирский антициклон.	Юго-западные циклоны в первой половине осени приносят обложные дожди

тонией, астеническим состоянием. Сезонная характеристика климата представлена в таблице.

Над территорией Забайкалья циклоны чаще бывают летом, что отражается на посетителях с сердечно-сосудистыми заболеваниями, больные бронхиальной астмой реагируют слабее. Зимой над Забайкальем господствует сибирский антициклон, обуславливающий ясную, морозную погоду почти без ветра. Вероятность областей высокого давления около 46,3" [6].

Национальный парк «Алханай», общей площадью 138234 га, находится в зоне природной горной тайги, это средне-горная страна со средними абсолютными высотами 1000-1200 м, и наивысшими абсолютными отметками – 1200-1660 м (гора Алханай – 1662 м), с относительно слабо развитой гидросетью [7]. Удобное географическое положение, благоприятный климат, а главное, уникальность природных ландшафтов способствовали активному развитию экологического и культурного туризма в Забайкалье [5].

Для целей туризма представляют интерес как отдельные живописные ландшафты, так и горные маршруты со сменами природных поясов – от степи до ледников гольцового пояса. Кедрово-стланниково-лиственничное редколесье предвершинной части г. Алханай представляет интерес для образовательного экологического туризма. По каменистым россыпям встречаются можжевельник сибирский, шикша почти голарктическая. Кедрово-стланниково-лиственничные редины постепенно переходят в сообщества лиственничных лесов. Уникальны на территории парка кедровники из сосны сибирской по склонам на высоте около 1400 м над уровнем моря. Возраст кедровых лесов не более 170 лет, высота 18-20 м. Кедровники не характерны для Даурии Ононской, но имеющаяся здесь плодоносящая популяция бережно охраняется как сотрудниками парка, так и местными жителями. На северо-западном склоне р. Дыбыкса встречаются леса с участием ели сибирской. В подлеске преобладают ольха кустарниковая, рододендрон даурский, встречаются берёза кустарниковая, ивы, рябинник. Обширны ягодники (голубика, брусника). Наибольшее видовое разнообразие отмечается в пойменных лесах горных рек, где из травяных растений преобладают орхидные (башмачки, гнездо цветка клубочковая, бровник), вздутоплодник сибирский, купена душистая, астрагал перепончатый [2, с. 8] и степи с разнотравьем и лекарственными растениями (шлемник байкальский, девясил, тысячелистник азиатский).

Всего на территории национального парка «Алханай» встречаются более 340 видов растений, около 180 видов из них находят применение в официальной и народной, в том числе тибетской медицине: родиола розовая, астрагал перепончатый, шлемник байкальский, ремень компактный, лопух китайский, вздутоплодник сибирский и многие другие [7].

На территории национального парка «Алханай» зарегистрированы более 120 видов позвоночных животных, представителей 4 классов – земноводных (2); пресмыкающихся (4); птиц (95); млекопитающих (30). Также на территории национального парка и прилегающих акваториях (р. Убжогое, Дульдурга, Иля, оз. Бальзино, Алханайские) отмечены 18 видов рыб, относящихся к 9 семействам [5, 12].

Историко-этнографические ресурсы АНП представляют собой огромный этнографический материал, включающий легенды, которые могут стать основой для разработки экологического и историко-этнографического туризма, а также природно-культурные объекты. Список природно-культурных мест насчитывает 14 объектов, привлекательных для паломнического и этнографического туризма [12]. На основе экологических и экономических данных следует учесть ряд факторов,

влияющих на развитие «зелёного туризма» в национальном парке «Алханай».

Политические факторы

В последние несколько лет законодательная база в стране крайне нестабильна, и в сфере туристического или природоохранного законодательства могут вводиться новые законотворческие инициативы, существенно изменяющие существующую структуру туризма. Принятие «Лесного кодекса», отмена лицензирования в туризме, обсуждение новых поправок в природоохранное законодательство дестабилизирует деятельность государственных ООПТ, не имеющих механизмов и структур быстрой адаптации к изменениям.

Асимметрия экономических, в том числе и туристических связей Забайкальского края и Китая неоднократно являлась предметом обсуждения на встречах различного уровня. Так, по данным краевой администрации, за 2008 г. по безвизовому каналу выехало в КНР 409,93 тыс. человек, а въехало 6,11 тыс. туристов. Отток капиталов из края за счёт диспропорции в туристическом бизнесе по самым скромным подсчётам составляет 150 млн. долларов в год [17, 18]. Причина пессимистического прогноза развития внутреннего туризма заключается в отсутствии конкурентоспособных туристических продуктов, способных давать значимый приток иностранной валюты.

В Забайкальском крае наметился интерес населения стран Азиатско-Тихоокеанского региона к рекреационным экоресурсам восточных территорий России. Но сегодня нет широкого ассортимента внутреннего туристического продукта, произведённого краевыми туристическими фирмами [20].

Влияние экономики

В 2014 г. снизились доходы туристических фирм, что привело к переориентации турбизнеса на «короткий» отдых туристам в пределах родного края. В результате формируется устойчивый покупательский спрос на услуги рекреации и туризма в ООПТ у населения. С одной стороны, наступивший кризис ограничивает покупательскую способность граждан, с другой - способствует покупке более экономичных видов отдыха, связанных с минимальным уровнем услуг, но максимальной приближённостью к природе. Это положительно сказывается на спросе услуг национального парка «Алханай». Высокая стоимость зарубежных туров также увеличивает туристические предпочтения в пользу внутреннего туризма.

Социокультурные тенденции

При содействии Министерства международного сотрудничества, внешнеэкономических связей и туризма Забайкальского края проведена оценка территории края по ряду специальных параметров: разнообразие туристических ресурсов, сложившийся и потенциальный спектр видов туристической деятельности, интенсивность посещения территории, развитость сервисной инфраструктуры и пр. По результатам оценки выделено пять туристических зон: Центральная, Северная, Юго-Западная, Южная и Восточная (приграничные районы) [14]. Это позволило использовать кластерный подход при составлении программ развития туризма. Наиболее последовательно подход реализован в Агинском Бурятском округе, где выделены три зоны приоритетного развития туризма

– в Дульдургинском, Агинском и Могойтуйском районах. Исследователи туристско-рекреационного потенциала отмечают, что ведущим видом туров по целям путешествия в каждой из зон и в целом по Забайкалью является экологический туризм [15].

Объектами научного и познавательного природного туризма являются наиболее интересные с точки зрения наблюдения биологические виды или природные объекты неживой природы, (геоморфологические, гидрологические: горы и каньоны, пещеры, озёра и реки, птицы и животные, декоративные и лекарственные растения, рыба и насекомые). Природный туризм может включать спортивный туризм, альпинизм, лыжные, конные, водные и пешие походы и другие виды активного и пассивного отдыха.

Технологические инновации

Взаимовыгодный контакт с научными организациями даёт возможность привлечь к территории внимание российских и зарубежных экологических фондов. Уже сейчас проводятся исследования в области мониторинга экосистем и охраны биоты, а также осуществляется разработка современных основ сохранения редких и исчезающих видов местной флоры и фауны в условиях ООПТ [2]. Всё это создаст благоприятный климат для национального парка «Алханай». Кроме того новые технологии позволят разнообразить услуги и мероприятия, проводимые парком: интерактивные шоу, геокешинг, анимационные туры, выставки, фестивали социальной рекламы.

Заключение

Осознание в обществе, что Алханай – уникальная территория, способствует использованию его как особого экологического ресурса для неистощительных видов природопользования, наиболее эффективным из которых является экологический или «зелёный» туризм. Благоприятные природно-климатические условия и объекты рекреации: тёплый климат с мягкой зимой, чистые минеральные источники, природно-растительный комплекс, включающий виды растений, занесённые в Красную Книгу, гористый природный ландшафт, создающий зрелищные композиции с разных точек наблюдения, – делают территорию привлекательной для оздоровительной рекреации. Близость крупным городам Забайкальского края и близлежащих регионов, центральное положение почти девственных природных мест в России, уникальная природа с разнообразием ландшафтов и растительности позволяет позиционировать Алханай как место бюджетного отдыха для населения со средним и низким доходом.

Повышение уровня этнической, религиозной и экологической культуры населения в регионе за счёт проведения образовательной, ботанической, экологической и природоохранной работы с населением позволяет усилить экономический потенциал территории. Организация и проведение научных конференций, познавательные экскурсии учащихся и студентов, специальные образовательные программы по экологии, экотуризму, спортивному туризму и ландшафтному дизайну, продажа туристического снаряжения, сувенирной продукции, услуги общепита, гостиничного комплекса позволит устойчиво развивать экономику депрессивных регионов. Усиливающиеся тенденции в обществе к сохранению окружающей природной среды могут способствовать росту потока «зелёных» туристов как из России, так и стран АТР.



Литература

1. Батомункуева С.Р. Культ гор в религиозной традиции бурят: автореферат дис. ... кандидата философских наук: 09.00.14 Чита, 2013 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dslib.net/filosofia-religii/kult-gor-v-religioznoj-tradicii-burjat.html> (дата обращения 07.11.2014 г.)
2. Беликович А. В., Галанин А.В., Долгалева Л.М. Анализ динамики структуры соснового мертвопокровного леса в Алханайском национальном парке (Южное Забайкалье), Бюлл. БСИ ДВО РАН: науч. журн. / Ботан. сад-институт ДВО РАН. Владивосток, 2011. Вып. 8. С. 35-55 [Электронный ресурс]. <http://botsad.ru/journal/number8/4-13.pdf> (дата обращения: 2.08.2014 г.)
3. Долгалева Л.М. Зеленеющая Америка или урбанизм для здоровой жизни// Бюлл. БСИ ДВО РАН: науч. журн. / Ботан. сад-институт ДВО РАН. Владивосток, 2011. Вып. 8. С. С. 79-85 [Электронный ресурс]. URL: <http://botsad.ru/journal/number8/4-13.pdf> (дата обращения: 2.08.2014 г.)
4. Закон Забайкальского края «О стратегических направлениях развития Забайкальского края на период до 2025 года и программе социально-экономического развития Забайкальского края на 2010 – 2014 годы». Часть 2. (с изменениями на 26 декабря 2012 года) № 295-ЗЗК [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/922220917> (дата обращения 05.11.2014 г.)
5. Итигилова М.Ц., Синица С. Алханай. Природные и духовные сокровища Новосибирск: Издательство СО РАН, 2000 г., 280 с.
6. Картушин В.М. Агроклиматические ресурсы юга Восточной Сибири. Иркутск, 1969. 99 с.
7. Найдарова Д.Л., Серые лесные почвы Забайкалья // Д.Л. Найдарова, Б.Б. Цыденова, Т.С. Борисова / Биоразнообразие экосистем внутренней Азии. Мат. Всеросс. конф. с международным участием. Улан-Удэ. (Россия), 5-10 сентября 2006 г. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2006. С. 205.
8. Найдарова Д.Л. Плодородие серые лесных почв Восточного Забайкалья / Д.Л. Найдарова, Г.Д. Чимитдоржиева // Плодородие. 2007. № 6 (39). С. 8-9.
9. Об особо охраняемых природных территориях: федеральный закон РФ от 14.03.1995 г. N 33-ФЗ «» (ред. от 27.12 2009) // Собрание законодательства Российской Федерации от 20 марта 1995 г. N 12 ст. 1024
10. Об охране окружающей среды: федеральный закон РФ от 10 января 2002 года N 7-ФЗ. (в ред. ФЗ от 26.06.2007 N 118-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 1995. № 12. Ст.1024
11. Об утверждении положения «О национальных природных парках»: постановление Правительства РФ от 10.08.1993 г. № 769 // Собрание актов Президента и Правительства РФ, 1993. № 34.
12. Об утверждении положения «О государственном учреждении «национальный парк «Алханай» (в ред. приказа Министерства природных ресурсов и экологии РФ от 17.03.2005 № 66): распоряжение Правительства Российской Федерации от 23 мая 2001 г. № 725-р
13. Природные (региональные) парки России // Заповедники и национальные парки, бюлл. ЦОДП, N 29, 2009 г., с. 20-23
14. Соболев Н.А. Критерии и методы формирования экологической сети природных территорий. Вып. 1. 2-е изд. М.: Центр охраны дикой природы СоЭС, 2009. 48 с.
15. Степаницкий В.Б. Эколого-просветительская деятельность в государственных заповедниках и национальных парках России / В.Б. Степаницкий. М., 2006. 48 с.
16. Турчинов А.М. Профессионализация и кадровая политика: проблемы развития теории и практики. М., 2003. 457 с.
17. Цифры и факты. Сравнительная таблица основных показателей туристской деятельности в Хабаровском крае за 2007 – 2008 годы [Электронный ресурс] // Территориальный орган Федеральной службы государственной

статистики по Забайкальскому краю. [Электронный ресурс]. URL: <http://stat.chita.ru> (дата обращения 6.11.2014 г.)

18. Читинская область в цифрах 2010: статистический ежегодник. 2010: Стат. сб. / Забайкалкрайстат. Чита, 2011. 295 с.

19. Шполянская Н.А. Вечная мерзлота Забайкалья. М., Наука, 1978. 130 с.

20. Яницкая Т.О., Аксенов Д.А., Дубинин М.Ю. и др. Оценка репрезентативности, состояния и потенциальных угроз системе особо охраняемых природных территорий России // ООПТ России: информационно-справочная система [Электронный ресурс]. URL: <http://oort.info> (дата обращения 6.11.2014 г.).

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Batomunkueva S.R. Kul't gor v religioznoj traditsii buryat: avtoreferat dis. ... kandidata filosofskikh nauk: 09.00.14 CHita, 2013 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dslib.net/filosofia-religii/kult-gor-v-religioznoj-tradicii-burjat.html> (дата обращения 07.11.2014 г.)

2. Belikovich A. V., Galanin A.V., Dolgaleva L.M. Analiz dinamiki struktury osnovnogo mertvopokrovnogo lesa v Alkhanajskom natsional'nom parke (YUzhnoe Zabajkal'e), Byull. BSI DVO RAN: nauch. zhurn. / Botan. sad-institut DVO RAN. Vladivostok, 2011. Vyp. 8. S. 35-55 [Электронный ресурс]. <http://botsad.ru/journal/number8/4-13.pdf> (дата обращения: 2.08.2014 г.)

3. Dolgaleva L.M. Zeleneyushhaya Amerika ili urbanizm dlya zdorovoj zhizni // Byull. BSI DVO RAN: nauch. zhurn. / Botan. sad-institut DVO RAN. Vladivostok, 2011. Vyp. 8. S. 79-85 [Электронный ресурс]. URL: <http://botsad.ru/journal/number8/4-13.pdf> (дата обращения: 2.08.2014 г.)

4. Zakon Zabajkal'skogo kraja «O strategicheskikh napravleniyakh razvitiya Zabajkal'skogo kraja na period do 2025 goda i programme sotsial'no-ehkonomicheskogo razvitiya Zabajkal'skogo kraja na 2010 – 2014 gody». CHast' 2. (s izmeneniyami na 26 dekabrya 2012 goda) № 295-ZZK [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/922220917> (дата обращения 05.11.2014 г.)

5. Itigilova M.TS., Sinitsa S. Alkhanaj. Prirodnye i dukhovnye sokrovi-shha Novosibirsk: Izdatel'stvo SO RAN, 2000 г., 280 с.

6. Kartushin V.M. Agroklimaticheskie resursy yuga Vostochnoj Sibiri. Irkutsk, 1969. 99 с.

7. Najdarova D.L., Serye lesnye pochvy Zabajkal'ya // D.L. Najdarova, B.B. TSydenova, T.S. Borisova / Bioraznoobrazie ehkositsem vnutrennej Azii. Mat. Vseross. konf. s mezhdunarodnym uchastiem. Ulan-Udeh. (Rossiya), 5-10 sentyabrya 2006 г. Ulan-Udeh: Izd-vo BNTS SO RAN, 2006. S. 205.

8. Najdarova D.L. Plodorodie ser'ge lesnykh pochv Vostochnogo Zabajkal'ya / D.L. Najdarova, G.D. CHimitdorzhieva // Plodorodie. 2007. № 6 (39). S. 8-9.

9. Ob osobo okhranyaemykh prirodnykh territoriyakh: federal'nyj zakon RF ot 14.03.1995 г. N 33-FZ «» (red. ot 27.12 2009) // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federatsii ot 20 marta 1995 г. N 12 st. 1024

10. Ob okhrane okruzhayushhej sredy: federal'nyj zakon RF ot 10 yanvarya 2002 goda N 7-FZ. (v red. FZ ot 26.06.2007 N 118-FZ) // Sobranie zakonodatel'stva RF. 1995. № 12. St.1024

11. Ob utverzhdenii polozheniya «O natsional'nykh prirodnykh parkakh»: postanovlenie Pravitel'stva RF ot 10.08.1993 г. № 769 // Sobranie aktov Prezidenta i Pravitel'stva RF, 1993. № 34.

12. Ob utverzhdenii polozheniya «O gosudarstvennom uchrezhdenii «natsional'nyj park «Alkhanaj» (v red. prikaza Ministerstva prirodnykh resursov i ehkologii RF ot 17.03.2005 № 66): rasporyazhenie Pravitel'stva Rossijskoj Federatsii ot 23 maya 2001 г. № 725-r

13. Prirodnye (regional'nye) parki Rossii // Zapovedniki i natsional'-nye parki, byull. TSODP, N 29, 2009 г., s. 20-23

14. Sobolev N.A. Kriterii i metody formirovaniya ehkologicheskoy seti prirodnykh territorij. Vyp. 1. 2-e izd. M.: TSentr okhrany dikoj prirody SoEHS, 2009. 48 s.
15. Stepanitskij V.B. EHkologo-prosvetitel'skaya deyatel'nost' v gosudarstvennykh zapovednikakh inatsional'nykh parkakh Rossii/V.B. Stepanitskij. M., 2006. 48 s.
16. Turchinov A.M. Professionalizatsiya i kadrovaya politika: problemy razvitiya teorii i praktiki. M., 2003. 457 s.
17. TSifry i fakty. Sravnitel'naya tablitsa osnovnykh pokazatelej turistskoj deyatel'nosti v Khabarovskom krae za 2007 – 2008 gody [EHlektronnyj resurs] // Territorial'nyj organ Federal'noj sluzhby gosudarstvennoj statistiki po Zabajkal'skomu krayu. [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://stat.chita.ru> (data obrashheniya 6.11.2014 g.)
18. CHitinskaya oblast' v tsifrakh 2010: statisticheskij ezhegodnik. 2010: Stat. sb. / Zabajkalkrajstat. CHita, 2011. 295 s.
19. SHpolyanskaya N.A. Vechnaya merzlota Zabajkal'ya. M., Nauka, 1978. 130 s.
20. YAnitskaya T.O., Aksenov D.A., Dubinin M.YU. i dr. Otsenka reprezentativnosti, sostoyaniya i potentsial'nykh ugroz sisteme osobo okhranyaemykh prirodnykh territorij Rossii // OOPT Rossii: informatsionno-spravochnaya sistema [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://oopt.info> (data obrashheniya 6.11.2014 g.).

УДК 304.2, 7.01, 7.03

*Масловская О.В.
Maslovskaya O.V.*

Центральная площадь г. Владивостока как пространственный феномен и место социальной коммуникации

Vladivostok central square as a spatial phenomenon
and the place for the social communication

В статье рассматривается центральная площадь г. Владивостока как пространственный феномен и место социальной коммуникации: прослеживается историческая трансформация значимых форм места, анализируются особенности объёмно-планировочного и архитектурно-художественного строения, выявляются ценностно-символические значения социально-культурного пространства площади в целом и её отдельных элементов.

Ключевые слова: *городская среда, центральная площадь, пространственный феномен, социально-культурное пространство, ценностно-символические аспекты*



Article describes Vladivostok central square as a spatial phenomenon and the place for the social communication. The historical transformation of the significant forms of place is outlined, the special features of urban planning, architectural and artistic structure are analyzed, the meaningful and symbolic values of the socio-cultural space of square as a whole and its separate elements are revealed.

Key words: *urban environment, central square, spatial phenomenon, socio-cultural place, the meaningful (symbolic) aspects*

Социальная актуальность развития системы городских публичных пространств, ключевым элементом которой является центральная площадь, вызвана возрастающей общественной активностью населения, порождающей необходимость создания новых и переосмысления существующих пространственных форм. Научная актуальность проблемы объясняется необходимостью систематического осмысления процессов глобализации, информатизации, виртуализации городской среды, а также обновления архитектурно-дизайнерской теории с точки зрения её гуманизации, более внимательного отношения к проблемам человека и общества.

Цель данного исследования состоит в выявлении ценностно-символических значений центральной площади г. Владивостока и их

МАСЛОВСКАЯ Оксана Владимировна, канд. арх., профессор кафедры дизайна и искусств Владивостокского государственного университета экономики и сервиса (г. Владивосток). **E-mail:** oxum69@gmail.com

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ. «Особенности дизайнерского преобразования среды городских площадей как пространственного архетипа и места социальной коммуникации», проект № 14-04-00343

исторической трансформации. Методология исследования основана на традициях аналитической феноменологии архитектуры, позволяющей проследить историческую трансформацию значимых форм места, выявлять особенности его объёмно-планировочного и архитектурно-художественного строения, обнаруживая при этом ценностно-символические значения рассматриваемого социально-культурного пространства в целом и его элементов.

Историческая трансформация значимых форм местности. Историю центральной городской площади нельзя полностью отождествлять с историей места, на котором она расположена, поскольку в течение почти столетия концепция главного пространства Владивостока связывалась совсем с другими территориями. Так, при создании генплана архитектором Н.К. Старожиловым в 1906 году центральная городская площадь «проектировалась в отрыве от главной улицы на незастроенном пологом участке между улицами Суйфунской и Нагорной (ныне здесь сквер Суханова)» [1, с. 45].

В 1935 – 1938 годах архитектурно-планировочной мастерской Владивостокского горсовета под руководством Е.А. Васильева был разработан «Генеральный проект планировки города Владивостока» [3]. В соответствии с ним административно-политический центр города представлял собой анфиладу парадных пространств: правительственного амфитеатра, площадей, скверов, выразительных подъездов и широких лестниц, ведущих от акватории бухты до вершины Орлиной сопки, на которой планировалось установить маяк-памятник Ленину. Основное общегородское пространство – полуциркулярная площадь Дворца советов с двумя башнями, стоящими по оси улиц 1-го Мая и Лаза – располагалась по этому генплану по северной стороне ул. Суханова.

Какие же объекты и символы существовали на территории главной площади Владивостока до того, как она получила своё современное значение?

Из схематичного плана поста Владивосток 1866 года [1, с. 11] можно увидеть, что на рассматриваемой территории располагался лишь ледник, несколько южнее нынешней площади размещались постройки морского ведомства, к северу – цейхгауз (военный склад амуниции и оружия). Несколько восточнее, приблизительно на месте современного здания № 38/40 по ул. Светланской, располагался флигель начальника поста – одно из важных строений того времени. Тем не менее, наиболее значимое сооружение – церковь как «символ присутствия Царства Небесного и дворца Царя Небесного на осваиваемой земле» [7] – возвышалась значительно дальше: у подножия Церковной сопки.

В последующие годы вдоль Светланской улицы в северо-западной части современной центральной площади зарождается городской рынок – военный пост и порт Владивосток постепенно приобретает черты города, вмещающего в себе различные значения, в том числе функции торговли. Центральным местом общественной жизни города, подобно тому, как это было в средневековой Европе, Владивостокский рынок того времени не стал. Его занимали, в основном, корейцы и манзы – китайское население города, и в связи с этим он считался рассадником холеры. Тем не менее, символично то, что спустя десятилетия на этом месте всё-таки сформировался общегражданский центр и до сих пор проводятся торговые ярмарки.

Прилегающая к территории рынка болотистая равнина в 1886-1887 годы была засыпана, также как и часть побережья Золотого Рога, где в эти годы появляется набережная и каменная городская пристань. Расширение территории позволило передвинуть рынок ближе к аквато-

рии, а вдоль ул. Светланской разбить сквер, позднее превращённый в городской сад [1, с. 37].

В 1901 – 1903 годах в ходе работ по озеленению центральной части города, организованных городской управой, территория городского сада была расширена [1, с. 42]. Центральный городской сад, в советское время переименованный в Шахтёрский сквер [10, с. 42], был одним из ключевых общественных пространств города. Здесь назначали встречи и свидания, прогуливались и отдыхали горожане, по выходным играл оркестр.

Следует отметить, что скверы и газоны являются типичными решениями городских площадей, начиная со второй половины XVIII века. Данный приём сформировался в русле развития стиля классицизм в ландшафтном искусстве Англии, Франции, Германии, России, США и т.д. Интересно, что слово «сквер», обозначающее в русском языке общественный городской сад, происходит из английского слова «square». Английское «square», в свою очередь, является эквивалентом русской «площади» при обозначении свободных от застройки городских пространств, а также квадратуры плоской или искривлённой фигуры, но не обозначает публичное озеленённое пространство – в английском языке оно звучит как «public garden».

Городская застройка, окружающая общественный сад, долгое время состояла в основном из деревянных домов. Но с появлением и развитием новых значимых для города функций, включающих торговые, культурные, развлекательные, образовательные объекты, облик городской среды изменяется, постепенно приближаясь к современному состоянию.

Старожилом анализируемого места можно назвать здание по ул. Светланской 38/40, построенное в 1903 году по проекту архитектора Г.Р. Юнгхенделя для торгового дома «Кунст и Альберс». Здесь размещались представительские апартаменты, общежития приказчиков, клуб служащих, включающий биллиардную и библиотеку. Практически в то же время, в 1905 году по ул. Светланской, 29 возводится Дом Иогана Лангелитье. Сейчас в этом здании, реконструированном и надстроенном на 2 этаже в 2005 году (архитекторы А.И. Мельник, В.И. Смотриковский), находится универсам «Центральный».

Несколько позднее, в 1909 году по адресу ул. Светланская, 23 сооружается магазин «Зелёные кирпичики», принадлежавший состоятельной китайке Тау Цзелинь, создавшей капитал на торговле пушниной. Название «Зелёные кирпичики» здание получило благодаря тёмно-зелёным облицовочным кирпичикам, привезённым из Гамбурга. Первоначально в здании находился магазин Тау Цзелинь, где продавалась женская одежда, аксессуары и галантерея, затем – магазин элитного китайского чая Син-Шан, магазин вин Бабунидзе, корсетная мастерская Мари и салон маскарадных костюмов, гравёрная мастерская Новакова, ресторан «Москва», хлебопекарня Букреева, международный коммерческий клуб. В годы советской власти здесь открылся магазин Центрального рабочего кооператива [6].

В конце дореволюционного периода застройка рассматриваемой части города обогащается небольшим по высоте, но до сих пор очень значимым для культурной жизни Владивостока общественным зданием: в 1916-17 годах по ул. Светланской, 31 возводится Немецкий театр. В советское время он был переоборудован в кинотеатр «Усури», в постсоветский период здание было модернизировано и реконструировано (архитектор А.С. Котляров).

Более масштабные трансформации пространство сегодняшней центральной площади претерпевает в 1936 году с постройкой шестиэтажного объёма Дома рыбной промышленности по ул. Светланская, 27.

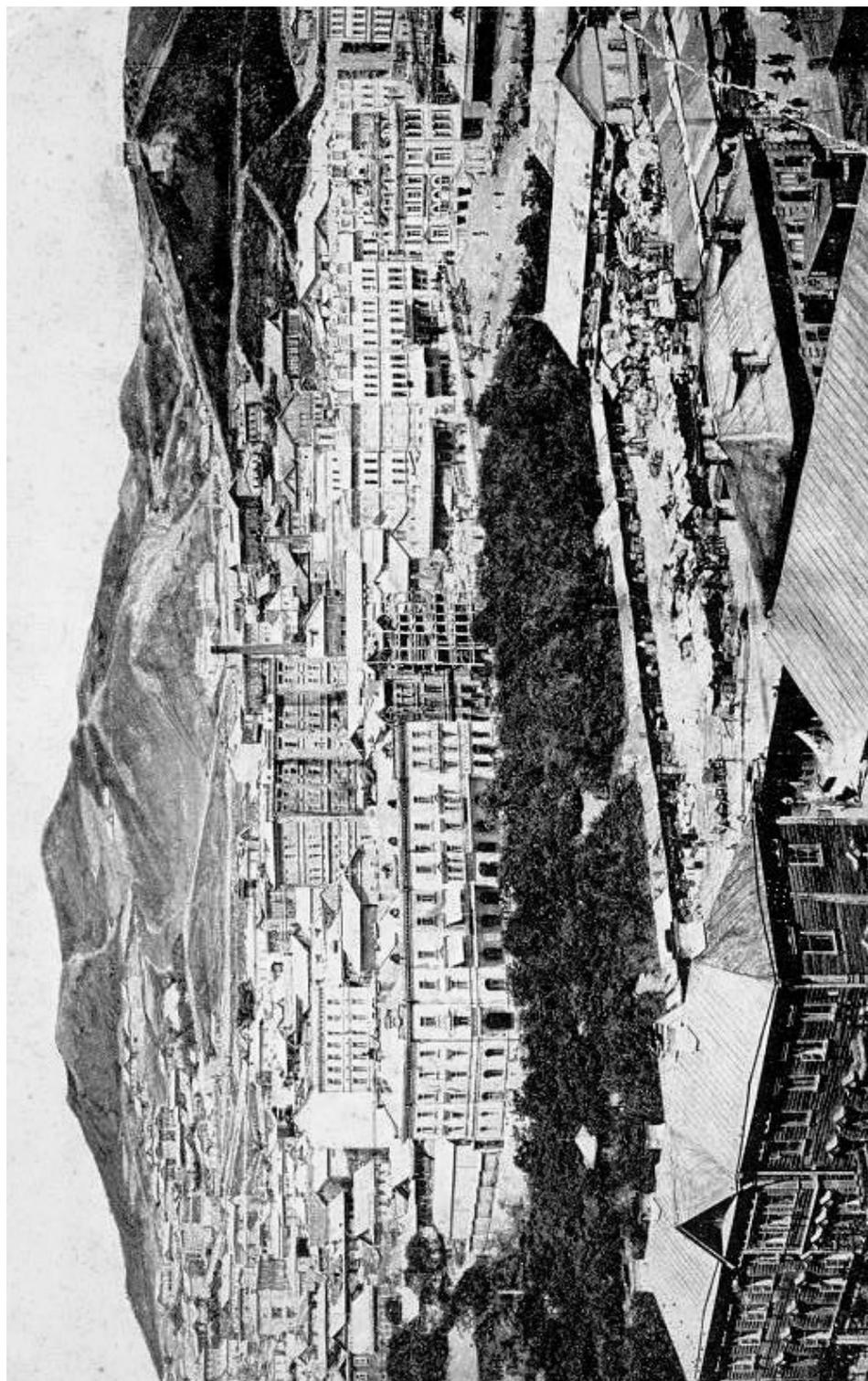


Фото 1. Панорама центральной части Владивостока в начале XX века

Это здание в стиле советского монументального классицизма – одно из немногих, возведённых в городе в соответствии с «Генеральным проектом планировки города Владивостока», который был разработан архитектурно-планировочной мастерской Владивостокского горсовета под руководством Е.А. Васильева [3]. Оно должно было стать частью грандиозного ансамбля площади морского вокзала, но остальные части комплекса не были осуществлены. Сейчас в этом здании находится один из корпусов Дальрыбвтуза.

Анализируемый участок городской среды на месте бывшего городского сада приобрёл роль центральной площади только во второй половине XX века. В это время проводятся такие определяющие её современный облик мероприятия, как повышение уровня поверхности земли до уровня Ленинской (Светланской) улицы, монументальное оформление пространства, появление новой застройки.

Так, в 1961 г. по проекту скульптора А.И. Тенёта и архитекторов А.А. Усачева и Т.Л. Шульгиной был установлен памятник Борцам за власть Советов на Дальнем Востоке. В течение полувека монумент, стоящий по оси Океанского проспекта, логически завершал направление парадного въезда в город и акцентировал открывающуюся перспективу площади и морскую панораму. В 2010-е годы в результате изменения транспортная схема автомобильного движения в центре города и введения одностороннего движения по Океанскому проспекту – от моря, а не к нему, – потерялась ключевая идея парадного въезда и восприятия монумента Борцам за власть Советов по оси спускающегося к морю проспекта.

Монументальное оформление площади несколько отличается от традиционного для советского времени решения, когда главной символической доминантой центрального общегородского пространства, как правило, был памятник В.И. Ленину: на главной площади Владивостока стержневым элементом служит многофигурная композиция, в центре которой возвышается скульптура красноармейца-трубача.

С 1964 г. общегородское пространство Владивостока приобретает название площади Борцов революции [10, с. 42]. Интересно, что общественное мнение связывает символическое значение площади Борцов революции и памятника Борцам за власть Советов не только с событиями 1917-1922 годов, но отождествляет с идеей борьбы вообще, в том числе с непопулярными в народе решениями властных структур. На площади собираются демонстранты, проводятся митинги – таким образом, названия площади и монумента подчёркивают тематику гражданской активности, традиционно присущую городской площади.

Это относит нас к одному из древних значений площади как места собраний и выборов, начиная с древнегреческой агоры. Уже само слово агора (др.-греч. ἀγορά), обозначающее одновременно собрание граждан и место, на котором оно совершалось, происходит от глагола со значением «собираться, созывать». Центром общественной жизни и повседневного общения людей служил древнеримский форум, за пределами города Рима на Марсовом поле также проходили народные собрания – центуриатные и трибутные комиции.

В начале 1980-х годов с возведением крупного административного 18-этажного здания Дома Советов (архитектор Е.Г. Розанов) ансамбль площади получил новую градостроительную доминанту [5] в стиле советского модернизма.

В 1990-е годы в северо-западном углу площади был построен небольшой, но примечательный объект – торговый пассаж (арх. А.Б. Юрченко). Здание занимает чрезвычайно узкий участок, отчего его объём даже свисает над пространством железной дороги на несколько дециме-

тров. Пассажем как торговым комплексом в классическом смысле этого слова здание не является, так как, несмотря на то, что оно соединяет проходом две параллельные улицы, в нём нет верхнего света и галерей. Узость внутреннего коммуникационного коридора, теснота торгового ряда усиливаются тем, что продавщицы цветов выставляют свой товар прямо в проходе. По этой причине здание пассажа во Владивостоке более напоминает средневековые мосты Веккио во Флоренции и Риальто в Венеции, а также мост Палтни в городе Бат в Англии, чем на просторные торжественные пространства миланской галереи Виктора Эммануила II или московского ГУМа.

В 2012 году ансамбль центральной площади был дополнен стелой «Владивосток – город воинской славы» (авторская группа под руководством скульптора Салавата Щербакова). Звание «Город воинской славы» было присвоено Владивостоку в 2010 году – за мужество, стойкость и массовый героизм, проявленные защитниками города в борьбе за свободу и независимость Отечества. Новый памятник занимает периферийное положение, несколько теряется на фоне более масштабного монумента Борцам за власть Советов, почти камерному масштабу барельефов и невеликому пространству его стилобата явно мешает такое соседство. Положение возможно скорректировать средствами ландшафтного дизайна и озеленения: посадкой невысоких деревьев и стриженных кустарников по периметру квадратного участка вполне вероятно добиться большей торжественности и одновременно подчеркнуть уникальность этого места. Разные тематические участки площади способны создать анфиладу пространств, дополняющих и развивающих, но не поглощающих друг друга.

Проанализировав историческую трансформацию значимых форм исторической застройки, обрамляющей площадь, приходим к выводу, что архитектура исследуемого пространства характеризуется присутствием различных временных периодов и стилей: здесь соседствуют классицизм и романтический модерн, эклектика и сталинский классицизм, советский модернизм и постмодернизм. В целом архитектура окружающих площадь зданий образует скорее коллаж разнотильных элементов, чем скоординированный ансамбль. Возможно, в этом состоит её очарование и даже соответствие современной архитектурной парадигме, не признающей тоталитарного порядка и приветствующей множественность и полифонию значений.

Особенности современной архитектурно-градостроительной структуры центральной площади Владивостока. В настоящее время очертание площади в плане представляет собой неправильной формы четырёхугольник приблизительно 300 м длиной и 150 м шириной. Фасады зданий, ограничивающие площадь с северной и восточной стороны имеют небольшую высоту в два-три, максимум пять-шесть этажей, фронт застройки характеризуется прерывистостью, позволяя пространству «вытекать» за его пределы. Пространство площади «держится» в основном за счёт возвышающегося на 30-метровую высоту памятника Борцам за власть Советов. Западную границу площади маркирует также 18-этажное здание краевой администрации, но с восточной стороны его массивный объём до настоящего времени не получил «отклика» и пространство площади осталось не уравновешенным.

Площадь размещена в напряжённом транспортном узле города: изначально этот район был выбран для высадки на берег основателей военного поста, позднее здесь трассировали железную дорогу, в непосредственной близости расположился морской порт. Такое драматичное соседство придаёт площади своеобразие: с юга и с севера из-под неё «выныривают» железнодорожные составы, а южный фронт площади флан-



Фото 2. Панорама центральной части Владивостока в наши дни

кируется не зданиями, а мачтами кораблей. Когда к причалу морского порта швартуется современный круизный лайнер, площадь приобретает более мелкий, камерный масштаб. Провинциальным его назвать нельзя, как нельзя назвать провинциальной Венецию, по каналу которой проходят крупные туристические суда, – здесь дело в нестыковке масштаба, а не в качестве самого города.

Следует отметить, что пространственная открытость морю, проходящая под поверхностью земли железная дорога не являются сознательно привнесёнными элементами площади, также как и достаточно небольшие размеры её участка. Эта необычность вызвана всё тем же фактором, что со времени основания Владивостока и вплоть до второй половины XX века это место не рассматривалось в качестве центрального.

Перспективы развития ценностно-символических значений центральной площади Владивостока. В скором времени в центре города будет построен Спасо-Преображенский кафедральный собор (арх. А.С. Котляров, В.В. Чиртик), торжественная закладка камня в основание которого состоялась в 2012 году. Образно-символическое значение площади коренным образом трансформируется: она станет центром не только общественно-политической, но и духовной жизни города. С архитектурно-художественной точки зрения ансамбль площади приобретёт более отчётливые зрительные границы, а её пространство станет более уравновешенным. Для Владивостока и его главной площади – фактически морского причала – доминирующий образ Храма как «небесного корабля», спасающего в бурных водах житейского моря» [7], весьма актуален и органичен.

Несмотря на то, что парадности площадям придают крупные правительственные и другие общественные здания, они не способствуют повышению популярности пространства у горожан и гостей города в силу своей закрытости и строгой официальности. В противоположность им такие общедоступные объекты, как торговые и развлекательные заведения, рестораны и кафе создают необходимый приток посетителей, «оживляя» при этом пространство площади.

С утилитарно-функциональной точки зрения застройка, окружающая центральную площадь г. Владивостока, включает широкий спектр значений: здесь представлены предприятия торговли и сервиса, бары и кафе, кинотеатр, административное здание, образовательное заведение, медицинский центр, в скором времени появится кафедральный собор. Таким образом, можно сделать вывод, что именно естественно сложившееся смешение стилей и функций делает площадь притягательной для всех групп населения, активно посещаемой, иначе говоря «живой» в любое время года и суток.



Литература

1. Анিকেев В.В. Генеральные планы Владивостока. История, проблемы, решения: / В.В. Анিকেев, В.А. Обертас; Рос. акад. архитектуры и строит. наук Дальневост. регион. отд. – Владивосток: Дальнаука, 2007. 259 с.
2. Анিকেев В.В. Владивосток вступил в XXI век. Градостроительные аспекты развития города: / В.В. Анিকেев; Рос. акад. архитектуры и строит. наук Дальневост. регион. отд., Дальневост. федерал. ун-т, Приморгражданпроект. Владивосток: Дальнаука, 2011. 200 с.

3. Васильев Е.А. Большой Владивосток (по материалам генерального проекта планировки). Владивосток: Приморский областной отдел коммунального хозяйства, 1938.

4. Гейл Я. Жизнь среди зданий. М.: Альпина Паблишер, 2012. 200 с.

5. Ерышева Е.А., Моор В.К. Формирование архитектурного ансамбля улицы Светланской во Владивостоке // Вестник Инженерной школы Дальневосточного федерального университета. 2012. № 2 (11). С. 54-63.

6. Зелёные кирпичики – в пыль // Интернет-версия газеты «Владивосток», 07.07.2006. [Электронный ресурс]. URL: http://old.vladnews.ru/magazin.php?id=6&idnews=82589¤t_magazin=1977 (дата обращения 10.10.2014 г.).

7. МДС 31-9.2003 Православные храмы. Том 2. Православные храмы и комплексы. Пособие по проектированию и строительству к СП 31-103-99 // Помощь по ГОСТам. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gosthelp.ru/text/MDS3192003Pravoslavnyexra.html> (дата обращения 10.10.2014 г.).

8. Мялк А.В. Владивосток. Памятники Архитектуры. Владивосток: Дальпресс, 2005. 179 с.

9. Обертас В.А., Моор, В.К., Ерышева, Е.А. Памятники истории и культуры города Владивостока: материалы к своду. Владивосток: Изд. Светлана Кунгурова, 2012. 250 с.

10. Рублева О.Л. Владивосток в названиях от «А» до «Я»: топонимический лингвострановедческий словарь / О.Л. Рублева. Владивосток: Изд-во Дальневост. гос. ун-та, 2005. 212 с.

11. Рябов Н.С., Обертас В.А. К истории застройки Владивостока / Н.С.Рябов, В.А.Обертас; Дальневост. науч.-исслед. ин-т по строительству Госстроя РСФСР; Дальневост. политехн. ин-т им. В.В.Куйбышева; Владивосток: Примор. кн. изд-во 1961. 48 с.

12. Хисамутдинов А. А. Владивосток: этюды к истории старого города / А.А. Хисамутдинов. Владивосток: Изд-во Дальневост. гос. ун-та, 1992. 327 с.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Anikeev V.V. General'nye plany Vladivostoka. Istoriya, problemy, resheniya: / V.V. Anikeev, V.A. Obertas; Ros. akad. arkhitektury i stroit. nauk Dal'nevost. region. otd. – Vladivostok: Dal'nauka, 2007. 259 s.

2. Anikeev V.V. Vladivostok vstupil v XXI vek. Gradostroitel'nye aspekty razvitiya goroda: / V.V. Anikeev; Ros. akad. arkhitektury i stroit. nauk Dal'nevost. region. otd., Dal'nevost. federal. un-t, Primorgrazhdanproekt. Vladivostok: Dal'nauka, 2011. 200 s.

3. Vasil'ev E.A. Bol'shoj Vladivostok (po materialam general'nogo proekta planirovki). Vladivostok: Primorskij oblastnoj otdel kommunal'nogo khozyajstva, 1938.

4. Gejl YA. Zhizn' sredi zdaniy. M.: Al'pina Pablisher, 2012. 200 s.

5. Erysheva E.A., Moor V.K. Formirovanie arkhitekturnogo ansamblya ulitsy Svetlanskoj vo Vladivostoke // Vestnik Inzhenernoj shkoly Dal'nevostochnogo federal'nogo universiteta. 2012. № 2 (11). S. 54-63.

6. Zelyonye kirpichiki – v pyl' // Internet-versiya gazety «Vladivostok», 07.07.2006. [EHlektronnyj resurs]. URL: http://old.vladnews.ru/magazin.php?id=6&idnews=82589¤t_magazin=1977 (data obrashheniya 10.10.2014 g.).

7. MDS 31-9.2003 Pravoslavnye khramy. Tom 2. Pravoslavnye khramy i komplekсы. Posobie po proektirovaniyu i stroitel'stvu k SP 31-103-99 // Pomoshh' po GOSTam. [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://www.gosthelp.ru/text/MDS3192003Pravoslavnyexra.html> (data obrashheniya 10.10.2014 g.).

8. Myalk A.V. Vladivostok. Pamyatniki Arkhitektury. Vladivostok: Dal'press, 2005. 179 s.

9. Obertas V.A., Moor, V.K., Erysheva, E.A. Pamyatniki istorii i kul'tury goroda Vladivostoka: materialy k svodu. Vladivostok: Izd. Svetlana Kungurova, 2012. 250 с.

10. Rubleva O.L. Vladivostok v nazvaniyakh ot «A» do «YA»: toponimicheskij lingvostranovedcheskij slovar' / O.L. Rubleva. Vladivostok: Izd-vo Dal'nevost. gos. un-ta, 2005. 212 s.

11. Ryabov N.S., Obertas V.A. K istorii zastrojki Vladivostoka / N.S.Ryabov, V.A.Obertas; Dal'nevost. nauch.-issled. in-t po stroitel'stvu Gosstroya RSFSR; Dal'nevost. politekhn. in-t im. V.V.Kujbysheva; Vladivostok: Primor. kn. izd-vo 1961. 48 s.

12. KHisamutdinov A. A. Vladivostok: ehtyudy k istorii starogo goroda / A.A. KHisamutdinov. Vladivostok: Izd-vo Dal'nevost. gos. un-ta, 1992. 327 s.

УДК 69.003.13

*Журбей Е.В., Давыборец Е.Н., Еленева Е.В.
Zhurbey E.V., Davyborets E.N., Eleneva E.V.*

Редевелопмент как перспективный механизм развития муниципальных территорий: зарубежный и отечественный опыт

**Redevelopment as advanced mechanism of municipal areas development:
foreign and domestic experience**

Целью исследования является актуализация использования успешных мировых практик в управлении и развитии муниципальных территорий, в частности, через создание агентств по развитию территорий, через систему редевелопмента. Предметом исследования выступает деятельность агентств по развитию территорий, направленная на повышение финансовой самостоятельности территорий и формирование их экономической независимости, т.е. редевелопмент.

Ключевые слова: *редевелопмент, девелопмент, браунфилд, гринфилд, муниципальное управление, муниципальное хозяйство, муниципальная собственность, городское развитие, урбанизация*



The key aim of the given study is to update the best practices of municipal areas management and development, particularly through establishing the agencies engaged in territorial development, as well as through the framework of redevelopment. The subject of the research is the activity of the agencies engaged in territorial development aimed to increase the financial and economic self-sufficiency of the territories (areas), i.e. redevelopment .

Key words: *redevelopment, development, Brownfield, Greenfield, municipal administration, municipal services, municipal property, urban development, urbanization*

В середине XX – начале XXI вв. георбанистические проблемы, связанные с ограниченностью территории роста, а так же отсутствием ресурсов для динамичного развития городов, определили новое направление в деятельности власти, бизнеса, общества. Оставшаяся промышленность в черте города, занимающая большие территории, не дающая достаточной экономической компенсации, рост городского населения, также стали проблемой для многих американских и европейских городов. Эти экономически важные задачи эффективного управления муниципальной собственностью и социально-экономическим развитием играют важную роль для дальнейшего развития города.

ЖУРБЕЙ Евгений Викторович, к.и.н., доцент филиала Дальневосточного федерального университета в г. Находке (*г. Находка*). **E-mail:** cpr2001@ Rambler.ru

ДАВЫБОРЕЦ Елена Николаевна, к.полит.н., доцент филиала Дальневосточного федерального университета в г. Находке (*г. Находка*). **E-mail:** westlake@yandex.ru

ЕЛЕНЕВА Елена Владимировна, старший преподаватель филиала Дальневосточного федерального университета в г. Находке (*г. Находка*). **E-mail:** ele-eleneva@yandex.ru

Отечественные учёные в период до 2015 г. предсказывают дальнейший рост крупных городов. Динамика данного прогноза имеет различные показатели. Но можно с уверенностью сказать, что внутренние миграционные процессы, вызванные неконкурентоспособностью развития аграрного производства из-за целого ряда причин, определяют дальнейшее пополнение городского населения России выходцами из деревень. Эти тенденции создадут дополнительные проблемы для властей города, вызванные ещё большим разделением социальных слоёв общества как по показателям дохода на душу населения, так и в территориальном размещении людей. Ещё дальше будут определяться кварталы трущоб, со всеми вытекающими отсюда социальными явлениями, такими как проституция, наркомания, алкоголизация и увеличение преступности. Зародившись, данные кварталы будут бросать тень на прилегающие окрестности, отпугивая горожан с достатком и частный капитал, способный инвестировать в организацию малого и среднего бизнеса.

С данной проблемой уже сейчас сталкиваются власти Москвы, Санкт-Петербурга и даже Владивостока. Не приходится ожидать в скором времени выравнивания доходов между бедными и богатыми. Поэтому городским властям потребуется приложить определённые усилия для изменения ситуации, ввести новую практику управления собственности, при которой муниципальные управленцы смогут на практике контролировать восстановление заброшенных городских кварталов и работать на благо местного сообщества в целом, а не только заинтересованных финансовых групп.

Если в России только намечается актуальность исследования данной тематики и имеются первые практические пилотные проекты, то американские и европейские города имеют полувековую практику внедрения новых форм развития муниципальных территорий. Деятельность американских властей штата, округа, города представляет богатый опыт для изучения и практического внедрения в условиях России не только в качестве программ ипотечного кредитования, но и улучшения показателей общей инвестиционной привлекательности территории для строительства жилья и организации малого бизнеса в черте города.

Актуальность данного исследования дополняется ещё тем, что социально-экономическое развитие приморских городов с очевидностью демонстрирует неэффективность муниципального управления, в том числе в области управления собственностью. Эффективное использование государственной и муниципальной собственности позволило бы городским властям найти стабильный и постоянный источник пополнения бюджета и столь недостающий городам Приморья источник поступательного развития городского хозяйства в целом. Узкая специализация многих приморских городов, доставшаяся от советского периода, в условиях перехода к рыночным отношениям поставила на грань выживания не только градообразующие предприятия, но и города, соответственно. Города Приморского края не только недополучают земельные и другие налоги с территорий, на которых находятся нежизнеспособные предприятия, но и сталкиваются с серьёзными препятствиями в развитии инфраструктуры и деловой активности. Отсутствие у большинства российских муниципалитетов свободных средств для развития новых территорий должно толкнуть муниципальные власти к политике более эффективного использования имеющейся в наличии собственности, в том числе и промышленных зон, которые, как правило, располагаются и развиваются на ценных в градостроительном отношении территориях.

Целью исследования является актуализация использования кардинально новых подходов в управлении и развитии муниципальных территорий, в частности через создание агентств по развитию террито-

рий, т.е. через систему редевелопмента. Редевелопмент – это деятельность частных агентств по развитию территорий, направленная на повышение финансовой самостоятельности территорий и формирование их экономической независимости.

Круг задач агентств заключается в оказании помощи муниципальным властям в ликвидации условий, порождающих упадок данной территории, а также в активизации процесса развития территорий города в целях повышения их стоимости, стимулировании инвестиционной деятельности, привлечении внебюджетных средств в развитие объектов недвижимости, расположенных на территории, создание новых рабочих мест и др., т.е. в итоге их деятельность должна привести к улучшению среды обитания и условий жизни горожан.

Значительные трудности возникают при историографическом анализе как отечественных, в силу практически полного отсутствия таких, так и зарубежных исследований, посвящённых редевелопменту. Так как страны Западной Европы и Соединённые Штаты уже давно столкнулись с проблемами развития городов и эффективного использования городской собственности, по этой причине именно они выработали новые формы и подходы к управлению муниципальными образованиями и муниципальной собственностью, в частности. Новой формой и выражением подобной деятельности стал редевелопмент. Пользуясь более богатой историей развития института частной собственности, американские управленцы первыми разработали, узаконили и внедрили данную систему взаимоотношений власти, бизнеса, общественности города.

С принятием в 1945 г. в США (штат Калифорния) закона о редевелопменте и последующего за этим активным внедрением системы редевелопмента в жизнь, в научном сообществе США развернулась дискуссия о целесообразности, проблемах и дальнейших перспективах редевелопмента. В конечном счёте, именно данные дискуссии положили начало процессу институционализации теории девелопмента и редевелопмента. Ещё раз отметим, что на наш взгляд данная теория ещё не сформировалась, вместе с тем формирующуюся теорию редевелопмента нам поможет проиллюстрировать уже сформировавшаяся теория урбанизма (городского развития).

В качестве теоретической основы редевелопмента мы в настоящее время можем использовать ряд исследовательских работ по девелопменту и редевелопменту, при этом исключительно американских авторов. В России данные работы ещё не опубликованы и в этой связи представляют особый как научный, так и практический интерес. Наибольший интерес представляют работы Д. Битти «Редевелопмент в Калифорнии» и М. Дардия «Финансирование редевелопмента»; а также аналитические доклады комитетов Калифорнийского парламента и Калифорнийской ассоциации редевелопмента [11; 14]. Подавляющая часть вышеназванных работ включает в себя ответы на следующие вопросы: во-первых, что такое редевелопмент; во-вторых, зачем он необходим; в-третьих, как он финансируется и др.

В 1962 г. американский президент Джон Ф. Кеннеди сказал: «Мы на свою беду пренебрегаем нашими городами – ведь, забывая о них, мы забываем о стране». Однако эти слова стали актуальными уже в середине 40-х гг. XX в., когда американские города стали испытывать первые последствия начавшейся «пригородной экспансии». Проблема «пригородной экспансии» в Америке состоит в том, что в поисках хорошей жизни, под которой американцы понимают собственный дом и клочок земли вокруг него, всё больше и больше людей начинает уезжать всё дальше и дальше от городских центров в зоны пригородной застройки. А поскольку осуществить эту часть американской мечты могли и могут

до сих пор позволить себе миллионы американцев, возникает целый ряд новых проблем: сельскохозяйственные земли продаются под жильё, лесные массивы превращаются в торговые центры и рестораны быстрого обслуживания, экологические ресурсы в целом используются менее эффективно. Из-за того, что людям стало дальше каждый день ездить на работу в своих автомобилях, портятся дороги, возникают пробки, а воздух становится грязнее и самое главное начинают приходить в упадок американские города. Данный упадок со всей отчётливостью начал проявляться именно в 40-е гг. XX в. В частности эту проблему исследует Брюс Оутмен в своей работе «Городская культура: крупные города Америки»: «Поскольку многие жители американских городов переехали в пригороды, чтобы жить в более укромных уголках, дышать более чистым воздухом и быть подальше от социальных конфликтов, появился стиль городской жизни, который находится в явном противоречии с образом жизни в городах других промышленно развитых стран. Повсюду в мире благодаря преимуществам, которые может предложить городская жизнь, городские центры — или внутренние города — рассматриваются как места, где жить лучше всего, и там селятся наиболее влиятельные слои населения. В Соединённых Штатах очень многие представители состоятельных кругов и среднего класса переместились к периферии. В результате города теряют налоговые средства, которые эти социальные группы ранее платили за предоставление им необходимых услуг. Уменьшение потребности в услугах ещё больше стимулирует тех, кто может себе это позволить, выезжать за пределы города, и центр города рассматривается сейчас как район, наименее желательный для повседневной жизни» [6].

Необходимо отметить, что вокруг идей о том, как лучше всего заставить города функционировать на общее благо, специалисты по городскому планированию и урбанисты исследуют достаточно давно веками и редевелопмент, как один из способов решения данной проблемы, не является панацеей от всех бед. Даже в наступившем столетии эта дискуссия, похоже, разгорается ещё сильнее, поскольку городские конгломераты (мегаполисы) с населением 10 миллионов человек и больше становятся распространённым явлением, и связанные с ними проблемы увеличиваются по нарастающей. Эксперты признают необходимость в той мере, в какой это осуществимо, защитить естественную округу от бесконтрольного роста, переосмыслить стремление людей замыкаться в пригородных жилых районах и предложить практические решения, приемлемые как для богатых, так и для бедных.

Большинство специалистов ещё в прошлом веке сходились на том, что нужно создать мощную городскую культуру, стимулирующую человеческую взаимосвязь, хозяйственную инициативу и ощущение личного благополучия. Просвещённые решения в области городского (муниципального) девелопмента и редевелопмента — вот лишь некоторые инструменты и стратегии, которые будут определять судьбу обитателей городов в предстоящие сто лет.

Каковы же истоки редевелопмента? «Редевелопмент зародился в попытках городского обновления и изначально основывался на строительстве низкокачественного жилья; через два десятилетия, редевелопмент вобрал в себя обновление деловой части города. Напряжение между целями реконструкции жилья и делового центра продолжается и по сей день, как свидетельствует многочисленное обсуждение законов последних нескольких лет. Проходили дебаты и о том, является ли всеобщее экономическое строительство законной целью для агентств по развитию территорий, и законодательная власть так же разрешила использовать

эти агентства на территориях, повреждённых землетрясениями или после закрытия военных баз» [14, с. 5].

О незавершённости процесса становления теории редевелоппмента говорит затянувшаяся дискуссия специалистов по поводу системы критериев, по которым можно судить о результативности деятельности агентств по развитию территорий. «Следует ли судить их по тому, насколько они улучшают проектную территорию или весь город? Лучше ли измерять их достижения улучшением жилищных условий местных жильцов или по местному рынку собственности? К тому же, у строительства могут быть цели, являющиеся не количественными, даже если универсально принято определение «качество жизни» и не совсем подходят для экономического анализа. В конце концов, достижения, исходящие из средств, инвестируемых в строительные проекты, могут превзойти важность того, насколько агентства по развитию территорий (АРТ) субсидируются. Хотя, в нашу эру ограниченных финансовых ресурсов для местных властей, важно знать, насколько один правительственный уровень субсидирует другой. Любые средства могут быть потрачены на иные программы, которые могут оказаться значимыми с точки зрения общественной выгоды. Если же размер субсидий известен, гораздо легче решить, куда разместить эти средства» [14, с. 7].

Редевелоппмент подвергался и подвергается критике большую часть своего существования. Критики редевелоппмента распадаются на несколько лагерей. Некоторые критики категорически возражают против использования «силы» правительства, как, например, права отчуждения частной собственности, в которой они видят принудительные трансферты частной собственности от одного владельца в пользу другого. Некоторые из этого же лагеря рассматривают земельные законы, когда АРТ продают земли застройщикам ниже суммы, уплаченной агентством за её приобретение, как «дар из фондов общества». Эти «дары» являются противоречащими конституции, и этот запрет лежит в основе недостаточного снижения налогов на собственность для некоторых фирм Калифорнии (эта практика широко используется другими штатами).

Другие критики, состоящие главным образом из налоговиков, рассматривают использование заработной прибыли с налогов АРТ как отклонение от уплаты налогов на собственность. В их рассмотрении, АРТ используют прибыль от налогов как окольный путь при политических препятствиях в условиях растущих налогов. Наконец, некоторые наблюдатели поддерживают концепцию о редевелоппменте, но против злоупотреблений недавних лет, таких как название незанятых земель «кризисными»; привлечение розничных фирм, которые приносят налоговый доход от продаж, например, торговля машинами на проектной территории; нежелание многих агентств обеспечивать доступным жильём. В результате последних исследований было выявлено, что некоторые АРТ утратили свои прямые обязанности – по выводу из кризиса территории, в пользу получения максимально возможной прибыли в местном масштабе, и тем самым ставится под угрозу редевелоппмент.

Несмотря на критические замечания по поводу функционирования ряда элементов системы редевелоппмента, всё же необходимо отметить, что подавляющая часть специалистов, в том числе и политических деятелей, в целом положительно оценивают практику редевелоппмента. Уже сегодня результативная деятельность АРТ, как субъектов системы редевелоппмента, позволила улучшить социально-экономические показатели развития многих городов США, создав так называем «зоны комфорта», которые по мнению бывшего вице-президента США Эла Гора «будут всё в большей мере становиться сильными сообществами: местами, куда высокое качество жизни привлекает наиболее образованных и подготов-

ленных работников и предпринимателей; местами, где хорошие школы и крепкие семьи поощряют творчество и продуктивность; местами, где лучшие умы и лучшие компании обмениваются идеями и вместе строят общее будущее» [2].

Накопленный американцами опыт развития территорий представляет теоретическую базу современного редевелопмента. Можно выделить следующих авторов, исследующих проблематику редевелопмента в США: Т. Дэвис и К. Марголис, М. Дардиа, Р. Саймонс [11; 12; 18]. Так же исследователи Х. Рафсон, Р. Рафсон, К. Готэм и М. Гринберг заострили внимание на различных подходах к изучению взаимодействия редевелопмента с общественными и финансовыми институтами при работе с последствиями загрязнения окружающей среды и стихийных бедствий [19; 16]

Сегодняшние проблемы города – результат экономико-хозяйственной деятельности человека. Данный процесс взаимосвязан так же с повышением жизненного уровня граждан и свободой выбора. Из-за непрерывного процесса повышения стоимости квадратного метра земли в центре города, финансовые группы предпочитают инвестировать свои средства в бизнес и производство за пределы города, устанавливая монополю на низкие цены на свои товары и услуги за счёт масштабной своей деятельности и низкой цены на землю. В Америке существует несколько подобных корпораций, ведущих свой бизнес в масштабах страны. Соответственно, активность населения в центральной части города падает, так называемые «яппи» предпочитают оставлять городские кварталы и размещают жильё в спальных районах, где и происходит взаимодействие с недавно появившимися деловыми районами.

Центр города остаётся не у дел. Старая, неправильно расположенная недвижимость простаивает, привлекая туда лишь бездомных людей. Подобным образом образуются кварталы гетто. Данные районы лишены всякой инвестиционной привлекательности для частного бизнеса, а так же не приносят в бюджет города отчислений от использования собственности. Для борьбы с подобными явлениями и была создана система редевелопмента.

Что же такое редевелопмент? Прежде всего, это «планирование, разработка, перепланирование, перепроектирование, реконструкция, очистка, реабилитация проектной территории или любые комбинации из приведённых выше значений на всей или на части проектной территории, и формирование жилой, коммерческой, промышленной, общественной недвижимости в данном пространстве в необходимых соотношениях для получения наибольшей выгоды от их деятельности в финансовом году» [12].

Данное определение является базовым, приведённым в американском законодательстве, но не исключает иных трактовок термина редевелопмент (выдвигаемых американскими теоретиками), как и попыток оценить редевелопмент отечественными исследованиями.

Редевелопмент: процесс способный помочь местной власти устранить экономический и социальный упадок на территории, отданной для перестройки и для достижения результатов желаемых разработок, реконструкции и реабилитаций, без ограничения включающих: коммерческую, промышленную, общественную и жилищную инфраструктуру; деятельность, направленная на оказание помощи и самоуправления в ликвидации условий, порождающихся на определённой территории, проведение необходимых работ по застройке, реконструкции и восстановлению, включая жильё, коммерцию, промышленность и торговлю и др.; один из наиболее эффективных способов оживления пришедших в упадок районов в результате социально-экономических условий и усло-

вий окружающей среды, которые препятствуют эффективным и полноценным инвестициям.

Редевелопмент осуществляется частными компаниями ввиду отсутствия средств у муниципалитета на деятельность по восстановлению и поддержанию в надлежащем состоянии городской инфраструктуры.

Редевелопмент включает в себя, во-первых, перемещение, уточнение, модернизацию, реконструкцию или реабилитацию, или любую комбинацию данных пунктов существующих структур в проектной области; во-вторых, подготовку инфраструктуры уличного ландшафта улиц и иных общественных земель, окружающих здания, модернизация и улучшение инфраструктуры зон отдыха частной и общественной собственности на территории; в-третьих, перепланировку, создание нового дизайна, девелопмент в любом участке очищенной территории с предварительной подготовкой строительства [12].

Обычно редевелопмент реализуется на земельных участках двух типов. Либо это участки заброшенных промышленных, коммерческих объектов, либо городские трущобы [12]. К причинам кризиса территории относятся, во-первых, та называемые «физические» причины и, во-вторых, экономические причины. Физические причины: здания, которые находятся в опасном состоянии для жизни или работы людей. Данные условия могут возникнуть по причине нарушения при строительстве, не согласованной перепланировкой внутренних конструкций здания, либо физическим износом строения или иных подобных факторов; факторы ухудшения, вызванные неправильной планировкой при городском строительстве. Так же условия рынка могут повлиять на использование зданий, это могут быть стандарты, которым не соответствует данная недвижимость; неправильная застройка городских районов. Соседство несовместимых зон, например жилой недвижимости и промышленности. Недвижимость, не соответствующая своими размерами (малоэтажностью) эффективности её использования на плотно застроенной территории.

Экономические причины: уход из территории частного капитала, отсутствие вложений в бизнес и девелопмент, недостаток необходимых коммерческих предприятий, которые обычно расположены в соседних окрестностях, включая магазины, бакалеи, аптеки, и банки и другие финансовые учреждения, непомерно высокие расценки арендного договора, оставленные здания или чрезмерное количество свободных зданий в пределах области, разработанной для городского использования, высокая плотность проживающих, большое количество баров и винных магазинов, необоснованно высокие цены на товары, ведущие к социальной напряжённости в районе, высокий уровень преступности, который составляет серьёзную угрозу общественной безопасности и благосостояния [12].

Таким образом, приходящие в упадок районы:

- ◆ не имеют возможности самостоятельно финансировать свои нужды;
- ◆ становятся участниками нищеты, высокой преступности и болезней (при этом большинство жителей таких районов не имеют возможности самостоятельно переехать из них);
- ◆ представляют собой опасность «перемещения» неблагополучия на другие территории; тормозят развитие рядом расположенных территорий;
- ◆ порождают паразитизм в отношении других территорий [12].

Для определения кризисных участков на промышленных территориях обычно используют термин «Brownfield» – промышленная или ком-

мерческая недвижимость, которая оставлена из-за загрязнения окружающей среды, окрестностей, на которых находятся объекты.

В соответствии с этим используется понятие «Greenfield», которое характеризует не освоенную ранее территорию без какой-либо застройки [22, с. 5].

Целью редевелопмента определяют следующее: привлечение инвестиций для преодоления тенденций упадка, создание рабочих мест, оживление бизнеса, восстановление и развитие жилищно-коммунального и производственного секторов, развитие эффективной системы социального обеспечения населения и сервисных услуг. При этом предусматривается привлечение ресурсов самого населения территории, подверженной градостроительному и социально-экономическому преобразованию. Иногда, девелоперы, включённые в проект, перечисляют средства в фонд АРТ для заключения сделки и ускорения начала собственной деятельности на территории. Финансовые обязательства погашаются после увеличения налоговой прибыли от стоимости аренды недвижимости, которая перечисляется в фонды АРТ [14, с. 57].

В процессе определения границ участка определяют «область проекта редевелопмента» – территория редевелопмента является чётко определённой частью города или округа, с ярко выраженным экономическим кризисом и неспособностью частных сил, действующих в одиночку, контролировать его. Территория редевелопмента устанавливается указом муниципалитета после расширенного совещательного процесса, который включает исследование проблемы территории, экономический анализ, оценку окружающей среды и степени заселённости территории, а также окончательное принятие плана [9].

В соответствии с проектной областью, основываясь на её ресурсах, далее создаётся «План редевелопмента» – официально принятый документ, который определяет границы редевелопмента, территорию, на которой будут приведены программы проектов, чтобы устранить причины регрессии и ввести в действие достойное жильё. Так же учитываются временные рамки действия проекта редевелопмента, проектная территория и специфические силы, привлечённые агентством [18, с. 9].

После определения района редевелопмента, на основе девелоперской компании при взаимодействии с властью, появляется управляющая компания для ведения редевелопмента на кризисной территории – «Агентство Развития Территории», под которым понимается – агентство по редевелопменту. Оно выполняет следующие полномочия: право приобретать и избавляться от собственности, чтобы облегчить проекты и достичь поставленных целей, включая использование эксклюзивного права приобретать частную собственность в определённых обстоятельствах, делать займы или субсидии, чтобы осуществить перестройку, право создавать инфраструктуру, право выпускать долгосрочные долговые обязательства, и право собирать налоговое приращение, чтобы обслуживать долг [12].

Агентство является управляющей компанией с самостоятельным финансово-хозяйственным механизмом. Орган местного самоуправления осуществляет контроль над её работой. Например, может быть учреждено агентство по редевелопменту, работающее под надзором Наблюдательного совета или их групп. При этом агентство наделяется специфическими правами: улучшение и перестройка пришедшей в упадок инфраструктуры; использование финансовых средств путём прироста и коррекции налоговых поступлений, в т.ч. изъятие их части на цели редевелопмента; выкуп необходимых для реализации процесса преобразования территорий участков земель, исполняющих роль препятствий для программы (полномочия по отчуждению недвижимости); комплекс

прав по перемещению/переселению предприятий и семей; комплекс прав в определении политики цен на недвижимость проектируемой территории; приобретение и продажа земель (в области границ редевелопмента) [14, с. 32].

Наряду с властью и бизнес-структурами, в процедуре редевелопмента участвуют общественные объединения – «Комитет Проектной Территории» – комитет, состоящий из выборных гражданских должностей, строителей, бизнесменов и представителей организаций, участвующих в проекте [14, с. 35].

Финансирование программы редевелопмента идёт за счёт установленного Законом о Редевелопменте «налогового приращения (Tax Increment)» – увеличение налога на собственность внутри проекта редевелопмента, которое следует за повышением «определённой стоимости» собственности по сравнению с базовым годом. «Определённая стоимость» – конечная сумма стоимости недвижимости, определённая окружным налоговым чиновником в целях налогообложения. Определённая цена является рыночной стоимостью собственности, в данном случае недвижимости. Определённая цена, умноженная на налоговый коэффициент, устанавливает налог на собственность. Данный уровень налога замораживается для последующих выплат. Это называется «Замороженный Базовый Год». Замороженные базовые налоги распределяются каждый год в налоговые агентства в виде налога в той же пропорции, как и в предперестроечные годы. Тем не менее, все налоги, производные от годового увеличения, если такие есть, при итоговой оценке поступают в фонд агентства. Эти фонды называются Налоговым приращением. По закону, агентство отчисляет 20% конечного налогового приращения в фонд проекта строительства доступного жилья. Налоговое приращение не создаёт новых налогов, оно просто перераспределяет рост в годовой налоговой базе [14, с. 35].

Обычно поток налоговых приращений не достаточен, так как агентство само полностью финансирует деятельность по перестройке и созданию проектов. Следовательно, агентства выпускают обязательства, чтобы превратить в капитал налоговые приращения. Эти обязательства не являются долгом города или округа. Они оплачиваются исключительно из поступлений налогового приращения.

Налоговые агентства теряют часть поступлений – разницу нового налога на недвижимость, сформированную в Агентстве по редевелопменту, но они продолжают получать свою долю базовых налоговых поступлений. Тем не менее, на территории не увеличится количество недвижимости без деятельности редевелопмента.

Таким образом, редевелопмент – это процесс комплексного развития территории, её «возрождения» или преобразования. Под данным термином также понимается вторичное развитие территории.

Примерно к 1918 году половина населения Соединённых Штатов жила в крупных городах и прилегающих к ним территориях. К 1980 году в таких районах проживало уже 80 процентов всего населения [6]. В период с 1860 по 1960 годы рост американских городов рассматривался в Соединённых Штатах со смешанным чувством гордости и ужаса. «Город – продукт машинного века, это дитя индустриализации, благодаря которой страна достигла богатства и могущества. Многие из того лучшего и нового, что достигнуто в сфере образования, культуры, политической и общественной мысли является результатом того насыщенного интеллектуального обмена, который возможен только в городе» [6]. С другой стороны, бедность, скученность, социальные конфликты и преступное насилие – явления гораздо более типичные для городов, чем для сельской местности.

Со временем требования социальных услуг, которые города не в силах обеспечить, создали проблемы, делающие жизнь в городах менее привлекательной. Жители многих американских городов отреагировали на это тем, что переместились из центра города к его окраинам, в менее населённые районы. В этих районах, известных под названием «пригородов», сочетаются элементы городской и сельской жизни, и благодаря им фактически стирается граница между городом и деревней. В эти пригороды переехали многие компании, занимающиеся бизнесом и производством; их привлекают более низкие налоги, более низкие цены на землю, а также растущий рынок рабочей силы и розничной торговли. Вместе с тем, параллельно шёл упадок центральных районов городов США и превращение их в подобие «гетто», заселённых малоимущим, преимущественно афро-американским и латиноамериканским населением.

Начиная со времён экономической депрессии 30-х годов, федеральное правительство глубоко и серьёзно занимается проблемой городов. До этого роль Вашингтона выражалась в простой координации усилий на местах. В течение последних лет федеральное правительство помогло администрации городов справиться с ростом цен на услуги, потерей доходов от налогов, бедностью многих городских жителей. В целом скачки экономики в стране оказывают серьёзное влияние на жизнь в городах, и города нуждаются в помощи, чтобы как-то смягчить воздействие этих скачков. В 1965 году для разработки программ развития городского хозяйства и жилищного строительства в федеральном правительстве был создан специальный отдел городского и жилищного строительства.

В последние годы администрация городов приложила множество усилий, чтобы организовать предоставление услуг. Мэры городов получили более широкие полномочия на то, чтобы решать встающие перед ними проблемы. Одной из таких проблем является попытка создать единое управление метрополитенскими территориями. Массовое производство и распределение необходимых товаров лучше всего осуществляется, когда большая масса людей живёт вместе, единым сообществом. В этом смысле город – продукт индустриализации и торговли, основа современной американской экономики. Хотя города составляют существенную часть весьма сложного общества, которое представляют собой Соединённые Штаты в целом, многим американцам довольно трудно принимать ограничения личной свободы, являющиеся неотъемлемой частью жизни в городе. В этом кроется объяснение того факта, что отношение американцев к городам непростое. Американцы живут в городах из-за экономической необходимости и потому, что хотят пользоваться социальными и культурными преимуществами, доступными в городах. В то же время они мечтают иметь свой собственный кусок земли, быть ближе к природе и быть свободными от ограничений, налагаемых необходимостью жить в тесном соседстве с другими людьми. Эти непростые отношения человека с городом усугубляются невероятно быстрым процессом превращения Америки из сельской страны в городскую и многонациональным характером американского общества, в котором члены самых различных этнических групп в крупных городах страны живут бок о бок и стараются проявлять друг к другу терпимость и принимать чужой образ жизни.

Чтобы эффективно разрешать возникающие проблемы городского развития, необходима была более сложная система городского управления. Сейчас проверяется целый ряд различных форм городского управления, различающихся тем, что иногда это управление возглавляет избранная для этого личность (мэр), иногда — специально назначенный управляющий или совет выборных чиновников; идут попытки определить, какая форма городского управления является наиболее эффек-

тивной и может наилучшим способом удовлетворить потребности современного города и его пригородов. Наряду с необходимостью структурных (институциональных) преобразований, возникла необходимость в совершенствовании форм, методов и подходов в управлении муниципалитетами в целом и собственностью в частности. Наибольшего прогресса в этом направлении предал штат Калифорния и его неформальная столица – Лос-Анджелес.

Лос-Анджелес имеет славу беспланового города развалившейся урбанизации, изрезанной шоссевыми магистралями, бесконечными спальными районами и трущобами. Он был назван «Столицей третьего мира». Учёные-урбанисты выделяют его, как яркий пример города в стиле «пост модерна», и называют «объектом потерянной рационализации», что не вписывается в традиционные процессы урбанизации.

В начале XX в. Лос-Анджелес был самой большой аграрной территорией, и ему пророчили будущее одного из самых главных городов. Во время этого периода Лос-Анджелес представлял классическую «машину роста» теории городской политики и девелопмента – городские властные и финансовые группы стремились увеличить земельные владения через рост населения и создание земельных подразделений. Но, так как рост населения к середине века стал уменьшаться – общая согласованность стратегии роста стала недееспособной. Политические и гражданские лидеры начали больше беспокоиться о текущем состоянии развития города.

Политические и общественные организации обратили внимание внутрь города и нашли, что на территории существуют пренебрегаемые территории, требующие их внимания. Зонинговые инновации и рынок вторичного жилья вели к изоляции представителей цветных рас и установке чётких классовых линий, образованию районов гетто и на этом фоне общего ухудшения настроений в городе. Городские элиты, которые представляли различные интересы в пределах города, начинали формировать и вырабатывать общую точку зрения о путях развития города и способах достижения поставленных результатов. Общественность машинально поддерживала интерес к увеличению площади города и передаче её деловым лидерам. Но эти тенденции были прерваны общественными организациями и городскими жителями, которые должны были заниматься разработкой данной земли. Важным вопросом для урегулирования политического конфликта, вызвавшего напряжённые споры во второй половине XX в., было реформирование трущоб и ухудшенного жилья.

В течение 30-40 гг. XX в. американское федеральное законодательство узаконило практику «сноса трущоб», чтобы каким-то образом выровнять социальную дифференцированность в городе. В 1945 г. был принят закон, регламентирующий деятельность Агентств по Развитию Территории. Отчёт от 1947 г. определил, что 20% территории Лос-Анджелеса «было повреждено», что привело к высоким издержкам на содержание и более низкому налоговому доходу в бюджет города, следовательно, оправдывалась необходимость редевелопмента этих областей для более эффективного использования [18, с. 8]. В 1948 г. Агентства редевелопмента создаются в Лос-Анджелесе, с целью закрепления за ними кризисных территорий и стимулирования притока инвестиций через управление географически определёнными территориями.

Данная деятельность «переразвития территорий» города «в силу проявления специфического американского федерализма сначала была апробирована на уровне штата Калифорнии и регламентировалась Калифорнийским Общественным Законом о Редевелопменте» [12]. Общая цель этих норм состоит в разделении различных режимов работы ад-

министративных чиновников и агентов редевелопмента в управлении налоговыми имущественными обязательствами и налогами на недвижимость редевелопмента. Закон закреплял базовые определения редевелопмента, деятельность всех участников, взаимоотношения в данном направлении, принципы определения территории, и последующей работы в её границах; физические, экономические причины кризисного состояния территории, определены общие стратегии города, округа, штата.

Закон был принят после Второй мировой войны в 1945 г. В соответствии с ним любой город или округ обязан образовать Агентства Развития Территории для борьбы с городскими кризисными участками.

Законодательство регламентирует деятельность Агентств Развития Территории по финансированию строительства жилья для граждан с низкими доходами или для некоммерческих организаций. Вместе с тем, вынесены так же и общие нормативные требования к участникам процесса редевелопмента – это властные институты, Агентство Развития Территории, частные компании и общественные группы [12].

Для поощрения строительства и более справедливого деления стоимости новостроек был создан «прирост налогового финансирования» в 1952 г., применяемый к каждому новостроечному проекту.

В 1976 г., государственное законодательством штата было внесено уточнение, которое требовало, чтобы агентство редевелопмента использовало 20% налогового приращения для финансирования строительства жилья для семей с низким или умеренным доходом, и это положение способствовало разработке и введению тысяч единиц жилья в городе. С 1986 по 1997 годы, для примера, агентства редевелопмента Лос-Анджелеса профинансировали проекты 5875 единиц жилья и 6741 отреставрировали [18, с. 13].

В 1978 г. так же была принята поправка к Закону о Редевелопменте, которая изменила поток реальных денег между бюджетами всех уровней. Муниципалитеты стали искать иные формы получения дохода с территории. «Финансовый стимул из-за прироста налогового финансирования может повлиять на склонность провозгласить кризис на территории, которая занята под обычные строительные проекты. Грубо говоря, в половине городов Калифорнии от 11 до 30% территорий занимают строительные объекты. Кажется нереальным, что такие огромные пропорции стольких городов являются кризисными. В округах считают, что многие города рассматривают свои строительные объекты как чек на предъявителя, чтобы перетянуть доход с округов в свои собственные АРТ» [14, с. 27].

Закон штата претерпел очередные изменения, выразившиеся в поправке АВ 1290 в 1993 г. Среди основных пунктов одним из главных является то, что законодательство сузило определение «кризис» до некоторой степени и изменило распределение дохода от налога на прибыль, определило систему штрафов для АРТ, а так же ввело жёсткую регламентацию по времени исполнения всего проекта редевелопмента. Был получен политический компромисс с требованием того, что любой новый проект АРТ будет делиться примерно 1/3 дохода с налоговой прибылью с городским бюджетом. До этого закона, любые платежи обсуждались по каждому проекту от случая к случаю. Эти платежи в среднем достигли 14% в финансовом 1993 – 1994 г., и округа получили почти 2/3 от суммы проектов [14, с. 29]. Соответственно, бюджетирование приняло более жёсткую подконтрольную форму при взаимодействии с властями округа.

В связи с данными изменениями и общей нестабильной обстановкой внутренней и внешней экономической картины, каждый участник

процесса развития недвижимости имеет ясные и скрытые предположения на будущее относительно того, с какими трудностями он столкнётся и как будет их преодолевать. В целях общей безопасности каждого проекта агентство может уменьшить неопределённость, обезопасить себя, застраховавав различные риски, которые так же определены в законе штата Калифорнии.

Страховые компании взаимодействуют с агентствами редевелопмента в целях уменьшения рисков деятельности, что является очередным необходимым пунктом при взаимодействии с инвесторами. «Страхование окружающей среды (EI) может быть использовано как средство, чтобы помочь продвинуть редевелопмент загрязнённых городских мест «brownfields», что является частью общественной инициативы экономического развития. Страхование Окружающей среды – страхование, призванное ограничивать ответственность, связанную с открытием проектов и очисткой промышленных экологически загрязнённых территорий. В настоящее время существует много доступных видов подобного страхования» [17, с. 15].

На протяжении всего периода развития большое число городов и других местных территориальных единиц в США испытывают финансовые трудности из-за недостаточно эффективного использования имеющейся у них недвижимости, в частности земельных участков. Между тем «многие участки, которые в настоящее время пустуют или недоиспользуются, могут стать источником значительных доходов для местных бюджетов» [21, с. 11].

Любой проект по развитию недвижимости создаёт новых потребителей для государственных и негосударственных инфраструктурных предприятий, т.е. новых потребителей коммунальных, образовательных, медицинских услуг и т.д. Это даёт прямое увеличение доходов местных бюджетов. Развитие недвижимости также косвенным путём влияет на увеличение доходов местных бюджетов: увеличивается объём розничной торговли (если на участке строится магазин), коммерческая стоимость участка, что приносит дополнительные налоговые поступления. Новое промышленное предприятие, построенное на участке, получает прибыли, с которых в местные бюджеты отчисляются налоги. Эти дополнительные средства местные администрации могут использовать для расширения услуг жителям, проживающим вблизи нового промышленного предприятия.

Для контроля и осуществления процесса эффективного управления недвижимостью власти могут подготавливать или ускорять процесс передачи убыточной собственности в ведение управляющих кампаний. При этом нет необходимости создавать дополнительные отделы в структуре местной власти. Вся работа строится на фокусировке имеющихся специалистов на вновь созданном проекте администрации и бизнеса. В зависимости от масштаба проекта, группы экспертов могут быть различными.

Комиссия по оценке участков должна состоять из квалифицированных экспертов, которые могут дать свои заключения по рыночной стоимости и спросу на землю, земельному планированию, архитектуре, финансированию, управлению и т.д. При сборе информации особое внимание должно уделяться данным о размере участков, их доступности, месторасположении, соседних землях и их использовании, текущей эксплуатации участков, арендных ставках, специфических характеристиках участков, расположенных на них коммунальных предприятиях и другим моментам [21, с. 16].

Наиболее успешным процесс оценки развития недвижимости, как показывает практика, бывает в том случае, когда проект разрабатывает-

ся с учётом маркетинговых и инвестиционных критериев, а затем приобретается участок земли, наиболее подходящий для этого проекта.

При этом первостепенной задачей эффективности проекта стоит расчёт притока доходов, который зависит от правильности маркетинговой деятельности, направленной на поиск потребителя. Маркетинговая деятельность затрагивает три основные группы потребителей: индивидуальных покупателей или арендаторов, коллективных потребителей и будущих потребителей, которые могут прийти на смену первоначальному потребителю в будущем и чьи запросы будут отличаться от запросов, на удовлетворение которых был рассчитан проект. Сильной маркетинговой стратегией считается стратегия, основанная на тщательном изучении потребностей и финансовых возможностей будущих потребителей. Ни в одной другой отрасли американской промышленности не тратится столько средств на исследование потенциального потребителя и разработку продукта, как в сфере недвижимости.

Необходимо так же учитывать, что многие здания и сооружения «живут» значительно дольше, чем потребности и стиль жизни, которые вызвали их строительство. При осуществлении проектов перестройки важно заранее предусмотреть возможность функционального перепрофилирования здания в будущем с учётом изменений потребностей населения [21, с. 16].

В процессе осуществления стратегий развития города уже на федеральном уровне планируются и приводятся в действие программы поддержки данных предприятий.

Одним из наиболее гибких инструментов содействия строительному бизнесу является программа грантов на местное строительство (Community Development Block Grant program), которая обеспечивает инвестиции редевелоперским компаниям. Программой предусматривается гибкое использование самых различных инструментов для стимулирования строительства на местах, в частности грантов, ссуд, гарантий. Программа имеет три основные задачи: обеспечить прибыль лицам с низким и средним уровнем доходов; сокращение числа трущоб и территорий, находящихся в упадке; удовлетворение наиболее насущных общественных потребностей.

Программа предусматривает содействие строительной деятельности по следующим направлениям: приобретение недвижимости; приобретение, строительство, реконструкция, восстановление коммунальных предприятий; приобретение, строительство и восстановление коммерческих и промышленных предприятий; предоставление вновь создаваемым или действующим мелким или бесприбыльным предприятиям грантов, ссуд, гарантий по ссудам, субсидий на оплату процентов по ссудам; техническое содействие бизнесу в небольших населённых пунктах и строящихся жилых районах и т.д.

Средства программы могут использоваться и для некоторых других целей, связанных с финансовым обеспечением строительных работ на местном уровне.

В настоящее время на федеральном уровне определена стратегия подготовки территории промышленных городов к проектам редевелопмента. Был увеличен специальный федеральный фонд «очистки» территории с \$25 до \$50 млн. ежегодного инвестирования [13]. Так же были выпущены ценные бумаги, «Лучшие Облигации Америки», привлекающие дополнительные финансовые средства. В 1999 г. был подписан «Community Revitalization and Brownfields Clean-up Act», способствующий ускорению и повышению эффективности работы властей штата и муниципалитетов. Две программы, дополняющие законодательство, – «Brownfields redevelopment», направленная на перестройку промыш-

ленных городов, и «Lands Legacy Initiative», подразумевающая защиту экологического и исторического наследия.

Кроме федеральных программ поддержки агентства получают некоторые городские общины фонды и федеральные гранты Строительного Сообщества для планирования и начала работы по специальным проектам. Большая часть строительной деятельности финансируется пущенными в обращение долгами, которые взимаются при расчёте годового дохода с налога на недвижимость, который увеличивается в будущем в пользу агентства. Чтобы способствовать этому финансированию, АРТ имеют право получать особый годовой доход с налогов на собственность. По закону, эти платежи идут в АРТ настолько долго, пока не погашается задолженность по проекту, и иногда даже в течение 30 лет.

Для более эффективного развития управления городским имуществом на федеральном уровне предложены стратегии, зарекомендовавшие себя в период среднесрочного планирования. Решения были определены Администрацией Б. Клинтона и поддержаны Конгрессом США, в помощь региональным лидерам найти решения в развитии местной территории.

Одна из стратегий заключается в создании общественных/частных партнёрств. Смесь потребностей общества, его интересов с готовностью частного капитала инвестировать средства в неисследованные рынки может быть эффективным средством для оздоровления экономики. Предлагается использовать частную собственность, некоммерческие фонды, а так же сотрудничество гражданских институтов общества для привлечения большего количества средств в развитие проектов редевелопмента.

Следующий пункт предложения по эффективному управлению – использование комплексного подхода для решения проблем. Раньше на решении городских проблем фокусировались усилия властей различного уровня либо сообществ, организаций. Сейчас же более эффективно и действенно использование всестороннего и интегрированного способа воздействия. Учитывая это, многие властные и общественные институты переориентированы на совместную деятельность при решении городских проблем.

Президент выделил приоритеты финансирования в «Локальных и восходящих стратегиях». Сегодня наиболее эффективны местные, локальные стратегии при развитии территорий, на что и следует опираться, поэтому Федеральные программы, как главенствующие, остались в прошлом. Локальные стратегии более «персональны», приближены непосредственно к местным проблемам развития. В XXI веке федеральные программы будут выполнять функцию дополнения местных концепций развития.

В целях равномерного развития города американским обществом применяется новый подход по управлению городскими территориями. Как на местном, так и на федеральном уровне создаются программы и концепции в целях более эффективного использования муниципальных территорий. В новой форме взаимодействуют органы власти, общественные группы, а так же частные и государственные финансовые средства. Данная деятельность ведётся в США более полувека и призвана улучшить состояние кризисных городских территорий, придать им новый импульс социально-экономического развития [13]. Исполнителями, несущими ответственность за развитие территорий, являются управляющие компании.

Американские города, находясь в благоприятном положении, недоступные для глобальных мировых конфликтов первой половины XX в., первые явили собой примеры интенсивности развития городских территорий. При осуществлении подобной политики правящие круги власти и

бизнеса мало внимания уделяли уже освоенным территориям, следствием чего явилось увеличение процентного соотношения трущоб в черте города, где размещались наиболее бедные слои населения, приезжие эмигранты. В основном это были афроамериканцы и латиносы, существование которых отрицалось белыми людьми Америки, – всё было в порядке вещей, диктуемом политикой расовой неполноценности цветных этносов.

В пятидесятые годы XX в. общественность, власть и бизнес, ввиду усложнившихся условий управляемости территории мегаполисов, начали вторично осваивать ранее застроенные территории города. По схожести проблем таким воздействиям подвергался центр города и прилегающие окрестности.

Власть, узаконившая деятельность бизнеса, получала необходимые дивиденды с данных проектов, пополняя бюджеты. В 1945 г. в Калифорнии был принят закон о редевелопменте. На практике начал осуществляться новый принцип вторичного развития территории. Администрация, вскормленная принципами управления хозяйством В. Вильсона, переложила часть ответственности и полномочий по развитию города и строительству жилья на плечи бизнеса.

В деятельность включились всевозможные спонсоры, желающие умножить собственные доходы, обезопасить своё дело от возможных рисков. Общественность, привлекаемая к вопросам развития, так же удостоилась участия в планах разработки, внося свои пожелания в общую стратегию всей кампании.

Подобная форма ведения хозяйства экономически положительно отражается на ранее кризисном городском районе. Включается эффект мультипликаторства, привлекаются новые средства, начинают работать новые механизмы привлечения средств, качественно меняется промышленное производство и застройка – и всё это в географических рамках нескольких тысяч акров городской собственности.

При отборе потенциальных участков на вторичное использование в работу включаются маркетинговые исследования для расчёта потенциальной выгоды проекта для бизнеса. Власти города/округа создают согласительные комиссии из представителей, состоящих в штате администрации, по большей части специализирующихся в данной области.

Для ускорения подобной деятельности администрации города, штата, а потом и на федеральном уровне разработали систему грантов, фондов, ссуд и программ, обеспечивающих финансовую самостоятельность действующих агентств по развитию территории. С каждым годом количество подобных организаций увеличивается, соответственно, федеральное правительство, избавляясь от сокращающихся промышленных объектов, увеличивает отчисления на программы подготовки территории к инвестиционным проектам.

Большой объём закрытых неработающих промышленных предприятий, оставшийся после окончания холодной войны, мешает эффективно использовать созданные коммуникации. Отчёты предпоследней американской правящей элиты указывают на стратегию развития городов страны с использованием механизмов комплексного развития территорий для придания нового социально-экономического импульса.

Редевелопмент зародился в попытках городского обновления и изначально основывался на строительстве низкокачественного жилья; через два десятилетия редевелопмент вобрал в себя обновление деловой части города. Процессу деградации центральной части городов предшествовала деятельность крупных национальных корпораций, таких как Wal-Mart, что заманивают покупателей в пригороды своими низкими ценами, обескровливая общественную жизнь и мелкий бизнес городских

центров. Деятельность по размещению капитала в центральной части города значительно регрессирует, оставляя заброшенными дорогую недвижимость, которая незамедлительно превращается в кварталы гетто.

Напряжение споров между целями реконструкции жилья и деловых центров продолжается и по сей день, как свидетельствуют многочисленные обсуждения законов последних нескольких лет. Проходили дебаты и о том, является ли вообще экономическое строительство законной целью для АРТ. Законодательная власть так же разрешила использовать эти агентства на территориях, повреждённых землетрясениями или после закрытия военных баз.

«Кризисные районы» определяются в соответствии с государственным законом, как комбинация физических и экономических условий – пустые или ветхие здания, снижающаяся стоимость собственности, бедность и высокий уровень преступности – которые мешают частным предприятиям развивать эту территорию. На территориях, страдающих от подобных условий, общественное вмешательство считается более необходимым ещё до того, как произойдёт любое строительство [14, с. 26].

Для обоснования деятельности редевелопмента АРТ должно сформировать проектную область в определённых географических границах, которую агентство при взаимодействии с властными структурами идентифицирует как «кризисную» и на которой необходимо вести действия редевелопмента. Обычно агентства имеют один или два проекта, но большие агентства могут осуществлять помимо своей основной деятельности ещё несколько проектов в установленные сроки.

АРТ необходимо соблюдать определённую последовательность при формировании плана на проектной территории. Муниципальный совет должен подписать разрешение для обозначения области территории, а так же изучить варианты использования проектной территории и возможные специфические эффекты развития. Агентство должно информировать власти о статусе проектной недвижимости, будь то бизнес-центр или жилой дом, но выбор девелоперов и учёт других нюансов остаётся правом компании. Заявленные проекты могут содержать объекты коммерческой, жилой, а так же общественной недвижимости, которые включаются в генеральный план застройки города. Редевелопмент центральных районов города – одна из самых общепринятых целей АРТ, но деятельность агентств приняла широкую форму. Последние проекты АРТ включают перестройку гостиниц центра города, парковочных площадок, строительство кинотеатров и магазинов, восстановление комфортного жилья, а так же создание разветвлённых дорожных сетей для обслуживания бизнес-центров.

Перед началом непосредственной деятельности агентством должна быть представлена к защите проектно-сметная документация, а так же концепция воздействия на данную территорию, включая и экологические последствия. Предварительный отчёт устанавливает границы области редевелопмента с доказательствами условий кризиса, описывает действия агентства по устранению дальнейшего эффекта разрушения, а так же финансирование проекта. Так же планируются временные сроки осуществления проекта, в которые должны уложиться АРТ. Обычно проект определяется сроком на 30 лет, но возможны изменения сроков.

Предварительный отчёт далее следует на согласование в городские комитеты, в контролирующие финансовые органы, а так же публикуется в СМИ для общественности. Если на данной территории проживают необеспеченные резиденты, которые АРТ должно переселить, то агентство должно сформировать «Комитет проектной территории» (Project Aria Committee (PAC)), представляющий интересы жителей на данной территории (на практике PAC формируются на всех проектных

территориях, даже если его деятельность не нужна). РАС, как предполагается, даёт возможность жителям участвовать в новой застройке старого района. После таких введений городские власти официально закрепляют за территорией статус проектной, в некоторых случаях проводится референдум. Процесс планирования и перехода территории к АРТ может идти как месяцы, так и несколько лет, но обычно это занимает 1-2 года.

Как только сформировалась проектная область, АРТ заключает договоры с одной или несколькими девелоперскими компаниями в помощь осуществления новой застройки. Хотя этот процесс носит открытый характер, всё-таки селекция девелоперов более привлекательна в условиях отбора по квалификации и предложению. Содействие девелоперам от АРТ иногда выражается в форме частичного списания земельных участков в фонд застройщика (земля как правило приобретена ниже рыночной её стоимости). Далее ведётся непосредственная деятельность по проекту.

В процессе своей деятельности агентства сталкиваются с экономическими проблемами, которые возникают на первой стадии развития территорий, а именно подготовка необходимого пакета документов для создания предложения инвесторам. В этой ситуации необходимо первоначальное субсидирование проектов из бюджета города, либо из иных финансовых источников. В данных условиях для повышения мотивации государство наделяет агентства дополнительными полномочиями, которые являются спорными. «Агентства могут собирать собственность на продажу частным лицам, так же могут использовать суверенное право государства отчуждать частную собственность за компенсацию, если необходимо приобрести частную собственность для последующей продажи, часто со скидкой, частному застройщику» [14, с. 21].

Существует множество негативных точек зрения на создание проектов развития территории. Есть примеры, когда редевелопменту, как процессу взаимодействия власти и капитала, приписывают черты коммунизма. Сама по себе перестройка как социальное явление экономически не надёжна и несправедлива к людям. Что случается с редевелопментом, если он контролируется влиятельными госструктурами, – он используется как передача частной собственности из одних рук в другие. Эта модель является антитезисом американской модели. Но, судя по последним событиям развития мировой демократии, американского и российского федерализма, подобные подходы управления территорией ярко подтверждают принципы административно-командного управления сферы бизнеса властными структурами в рамках существующего правового поля.

Присутствуют так же и споры экономическо-политического характера между властями города, округа, штата девелоперскими компаниями «...вокруг возрастания налогов. Так как АРТ формирует территорию под проект, любое увеличение налогов на собственность на этой территории (около 2-х % ежегодной инфляции) идёт в фонд АРТ. Объяснение этому – то, что улучшения, которые АРТ сделало на этой территории, отвечают за увеличения налоговогообложения на недвижимость» [14, с. 1]. Однако, возможно, что другие силы вносят вклад в общий рост цен по всему округу, а не только это заслуга деятельности АРТ.

Формирование достаточно внушительных денежных потоков породило споры вокруг того, куда именно будут отчисляться данные средства. В распри вступили власти муниципалитетов, непосредственные собственники муниципальной территории и, соответственно, недвижимости. Так же претендуют на дополнительные источники финансирования бюджетные образования школ и штата, на котором ведётся деятельность редевелопмента.

В настоящее время редевелопмент представляет собой стратегию развития кризисных территорий, «которую используют $\frac{3}{4}$ городов и множество округов в настоящее время. Более 97% всей финансовой деятельности АРТ происходит в городских агентствах, делая редевелопмент главным образом городским явлением» [14, с. 4].

Определившись со стратегией, возникли вопросы относительно деятельности АРТ, вызванные, прежде всего, движением финансовых средств, получаемых от развития недвижимости на подведомственной территории. Появились заинтересованные группы, лоббирующие интересы общественности, бизнеса и различных уровней администрации, желающих за счёт налоговых отчислений пополнить бюджеты.

Муниципалитеты стали охотно определять ещё недостроенные девелоперские проекты в кризисные территории, тем самым привлекая к деятельности организованные агентства развития территорий. По стране быстро начала распространяться практика редевелопмента, выделяющая крупнейшие компании, имеющие несколько проектов на тысячах акрах земли. Но в большинстве своём агентства ведут свою деятельность в средних городах.

В процессе организации проектов соблюдается определённая последовательность формирования, начиная от написания общей концепции, закрепления её в местной администрации и заканчивая реинвестированием полученных доходов от использования земли. Концепции публикуются в печатных изданиях, создаются общественные группы, делегированные в целях защиты интересов общественности, проживающей на территории или в её окрестностях. При непосредственной работе определяются формы финансовых взаимоотношений с привлечёнными инвестициями и компаниями.

За почти полувековую деятельность АРТ изменилась структура и объём доходов от использования собственности. Снизилось процентное соотношение займов, субсидий государства. Самую большую статью доходов занимает налоговое приращение. Большая часть расходов была направлена на погашение долговых обязательств, а так же технические затраты, направленные на подготовку территории к финансовым влияниям.

Некоторые агентства столкнулись с трудностями при обслуживании долга и выкупе подведомственной земли. При организации частичного выкупа, активы дорожали с каждым годом, поэтому агентства стремились либо сразу же выкупить всю землю, либо минимизировать расходы для скорейшего перевода используемой земли в свои фонды.

Существуют противники редевелопмента, не приемлющие подобную форму ведения хозяйства, когда главенствующими являются власть и финансовые группы, когда власть решает такие вопросы: Кому? Когда? И за сколько? Но, так как власть имеет эксклюзивное право на уточнение конституции, на деятельность в неопределённом правовом поле, упущенном при принятии конституции, а так же на использование всей собственности, то чьи-то недовольства данной формой ведения хозяйства могут быть только приняты к сведению и сделаны соответствующие выводы.

В настоящее время, оценивая одни только статистические данные, накопленные за годы деятельности новой формы развития муниципальной собственности, можно говорить о выгодности и целесообразности дальнейшей разработки и использования редевелопмента, практики организации агентств по развитию территории. Не исключено, что произойдёт слияние или поглощение агентств более сильными финансовыми группами в целях монополизации данной деятельности и получения наибольшей прибыли.

Социально-экономическое развитие российских городов в конце XX – начале XXI в. с очевидностью демонстрирует неэффективность муниципального управления, в том числе в области управления собственностью. По мнению многих экспертов, эффективное использование государственной и муниципальной собственности позволило бы городским властям найти стабильный и постоянный источник пополнения бюджета, а также найти столь недостающий российским городам источник поступательного развития городского хозяйства в целом.

Излишняя индустриализация многих российских городов, доставшаяся от советского периода, в условиях перехода к рыночным отношениям поставила на грань выживания не только градообразующие предприятия, но и городские образования. Сегодня российские города, в том числе и города Приморского края, не только недополучают земельные и другие налоги с территорий, на которых находятся нежизнеспособные предприятия, но и сталкиваются с серьёзными препятствиями в развитии инфраструктуры и деловой активности. Отсутствие у большинства российских муниципалитетов свободных средств для развития новых территорий толкает муниципальные власти к политике более эффективного использования имеющейся в наличии недвижимости, в том числе и промышленных зон, которые, как правило, располагались и развивались на ценных в градостроительном отношении территориях.

Ситуация, когда недвижимость предприятий ветшает, занимая инвестиционно привлекательные участки земли, требует комплекса мер – от законодотворческих и административных до экономических. В этом плане наибольший интерес для России представляет зарубежный опыт использования системы редевелопмента, которая хорошо себя зарекомендовала не только в Соединённых Штатах, но и в странах Западной Европы (Великобритания, Франция, ФРГ и др.).

Зарубежный опыт редевелопмента вобрал в себя различные подходы (создание специализированных агентств, привлечение управляющих компаний и крупных инвесторов, прямые бюджетные инвестиции и др.) к проблеме девелопмента городских территорий, которые в подавляющем большинстве давали городам новый импульс поступательного развития.

В Российской Федерации практика создания агентств по развитию территорий (АРТ) получила распространение первоначально в Санкт-Петербурге. Наиболее известным является проект АРТ «Бекар» по созданию «Делового Сити» на Выборгской стороне Санкт-Петербурга. Однако развитие территорий может осуществляться и помимо АРТ, частными управляющими и девелоперскими компаниями.

В Москве зачастую проблемы развития территорий решаются за счёт скупки девелоперскими компаниями акций предприятий, расположенных на привлекательных участках, с целью строительства на их месте деловых и торговых центров. Ещё в середине 2000-х годов московское правительство утвердило целевую программу развития промышленных зон в столице. «Всего в городе 56 промзон, в которых расположено 419 предприятий. Промзоны занимают около 20% всей территории Москвы (22 тыс. га из 110 тыс. га территории города). Генеральный план развития Москвы до 2020 года предусматривает сокращение территорий производственного использования до 15,6 тыс. га (в том числе с полной ликвидацией производственных функций – на 5300 га). Также намечается ликвидация 16 и частичное сокращение 20 производственных зон в пределах МКАД. Сегодня в городе около 1200 крупных и средних производств. Из них действительно функционируют только 35%» [8].

Столичная программа предполагает вывести промышленное производство за пределы города, а освободившиеся земли отдать под редеве-

лопмент (реконструкцию) или под строительство. К наиболее рентабельным проектам по редевелопмента можно отнести вывод промышленных предприятий из центра города. С какими сложностями сталкиваются участники проектов по редевелопменту? Ольга Кисарина, руководитель отдела исследований и аналитики компании Praedium, отмечает, что «наиболее затратной частью проекта является приобретение и обустройство новой площадки для выводимого предприятия. Величина затрат зависит от типа предприятия, формы его управления и прав собственности на него (наиболее предпочтительно, чтобы предприятие находилось в госсобственности, наименее — было акционерным, потому что это влечёт необходимость урегулирования вопросов между собственниками). К тому же, как правило, необходимы дополнительные траты на перевоз оборудования, и новая площадка для производства должна быть легко доступной в транспортном отношении» [4]. Вместе с тем отметим, что преимущественно редевелопмент затрагивает промышленные зоны, где производство было уже остановлено, что минимизирует затраты на перебазирование предприятия.

Ещё одной сложностью на пути редевелопмента являются значительные финансовые и временные затраты на изменение функционального назначения перестраиваемой территории. В этой связи редевелоперам «интересны в первую очередь промзоны, где уже проведена работа по подготовке участка к строительству — принято решение о выводе предприятия, оформлены земельные отношения, определены условия компенсации за земельный участок собственникам. Сама по себе реконструкция заводов с точки зрения затрат на согласование выгоднее, чем при строительстве нового здания. В случае с реконструкцией завода согласование занимает значительно меньшие сроки, и некоторым девелоперам это очень помогло в получении прибыли от проектов» [4].

Дополняет список трудностей перспективы и потребности усовершенствования имеющихся коммуникаций и обременения, накладываемые на инвесторов муниципалитетом. Андрей Жамкин, старший консультант департамента коммерческой недвижимости Blackwood отмечает, что, девелопера, решившего реконструировать имеющиеся промышленные здания, ожидают «риски появления незапланированных работ, вызванных необходимостью устранять возможные скрытые дефекты зданий, а также финансовые и юридические риски, связанные с правами бывших собственников объекта, миноритарными акционерами, восстановлением документов, устанавливающих права на недвижимость, и т. п.» [4].

Затраты на реконструкцию инженерной инфраструктуры могут быть весьма существенным препятствием для редевелоперов и в этом вопросе они нуждаются в активном содействии городских властей, которые могут освободить «от оплаты долевого участия на развитие городских инженерных сетей и сооружений при выдаче технических условий на присоединение и от отчислений на развитие социальной и инженерной инфраструктуры города» [4].

Зарубежный опыт в этом вопросе показателен. «В Нью-Джерси местные органы самоуправления при поддержке ЕРА (Агентство по защите окружающей среды) предложили девелоперам покрытие 75% стоимости расчистки промышленных территорий в счёт бюджета. В штате Огайо инвесторам позволяют выплачивать налоги из расчёта стоимости старого здания и сооружений в течение 15 лет после редевелопмента. Миссури предлагает до 100% кредитного финансирования на очистку земельного участка и подготовку к новому строительству» [8]. Американские местные власти способны оказывать подобную помощь редевелоперам благодаря программам «приращения налоговых поступлений»

(tax increment financing), которые предполагают, что «выплата налогов откладывается и впоследствии затраты на расчистку девелопером территории погашаются невыплаченными налогами» [20]. В итоге «ТИФ» превратился в инструмент муниципальных (государственных) инвестиций в области редевелопмента.

«В российских условиях вопросы развития территорий требуют синтеза мирового и российского опыта. Это предполагает партнёрство между администрациями городов и частными управляющими и девелоперскими компаниями. В регионах, где инвестиционный климат хуже, чем в Москве, необходимо и вложение бюджетных инвестиций в инфраструктурную подготовку территорий, субсидий для вывода предприятий из центра в новые промзоны за черты города, предоставление правовых гарантий инвесторам. Кроме того, необходимо градостроительное регулирование развития территорий, закрепление их нового функционального назначения» [1].

Почему же редевелопмент не развивается быстрыми темпами на территории России? Во-первых, важнейшим препятствием на пути повсеместного использования системы редевелопмента в Российской Федерации является отсутствие полноценной законодательной базы для целостного развития территорий. К сожалению, отечественное законодательство по данному вопросу до настоящего времени не имеет целостности, не систематизировано и не отражает опыт компаний, уже на протяжении нескольких лет занимающихся комплексным развитием отдельных муниципальных образований субъектов РФ. Одновременно отсутствует и доступный научно-методический материал, адаптированный к условиям нашей страны, равно как и банк данных о компаниях, пробующих себя в качестве редевелоперов в регионах.

Во-вторых, проблема применения редевелопмента – проблема взаимодействия власти, бизнеса, девелоперов, инвесторов, населения, их совместной заинтересованности. Выпадение хотя бы одного звена приводит к неэффективности всей системы редевелопмента. Необходимо и участие в нём финансистов, страховщиков, строителей, архитекторов; взаимодействие не одного отдела администрации или специального предприятия, а всех отвечающих за судьбу региона, которые должны переориентироваться на потребности клиентов и целевые группы, а также на создание лучших по сравнению с другими территориями конкурентных преимуществ для пользы клиентов. В этой связи необходим комплексный подход. А его пока не наблюдается в том объёме, который бы обеспечивал планомерное и бесперебойное переразвитие территории [9].

Российские агентства преимущественно занимаются экстенсивным и интенсивным строительством, что не всегда приводит к улучшению территории. Нет понимания того, что комплексно застроенный квартал через несколько лет будет приносить доход – как девелоперу, так и городу. Комфортная среда внутри квартала, кстати, стоит тех колоссальных денег, которых не хватает для ипотечных кредитов и их удешевления. Пока же эта среда методично «убивается», территории «разделяются» на кусочки – лакомые и не очень. Многие крупные строительные компании растут взрывообразно, им нельзя останавливаться. Поэтому их философия – построить дом и сбежать на другую площадку. Установка же редевелопера – получение квартала, его застройка и дальнейшее управление им [10].

Насколько эффективна система редевелопмента в России, покажет время. Несмотря на то, что «первое пришествие» агентств развития территорий в начале 90-х годов результатов не дало, так как особых прав тогдашние агентства не имели, однако полученный опыт даёт возмож-

ность проведения тщательного анализа с целью дальнейших перспектив отечественного редевелопмента.

Как было отмечено выше, только эффективное использование государственной и муниципальной собственности позволило бы городским властям, в нашем случае Приморского края, найти стабильный и постоянный источник пополнения бюджета, а также найти столь недостающий источник поступательного развития городского хозяйства в целом.

Однако данная непреложная истина не является таковой для большинства глав муниципальных властей нашего края. Ярчайшим примером может служить г. Находка, где традиционно главным источником пополнения местного бюджета являлись градообразующие предприятия рыбоперерабатывающей и транспортной отраслей экономики. Переход подавляющего числа данных предприятий под контроль столичных финансово-промышленных групп, повлекло за собой значительное сокращение поступления в местную казну, что дополняется новой налоговой, бюджетной политикой краевых властей. Краевая администрация, беспокоясь о доходной составляющей краевого бюджета, сделала всё от неё зависящее для того, чтобы все наиболее крупные предприятия краевой экономики пополняли налоговыми выплатами краевой бюджет, минуя бюджеты муниципальных. Данное обстоятельство привело многие городские образования, и г. Находка является тому примером, к состоянию банкротства в 90-е гг. XX в. Снижение налоговых поступлений повлекло за собой рост задолженности городской администрации перед многочисленными поставщиками услуг, что в итоге привело к многочисленным судебным искам и арестам муниципальной собственности. Последнее обстоятельство открывает новые возможности для развития рынка муниципальной недвижимости Приморского края, так как возможный переход значительной части собственности приморских муниципалитетов в частные руки может повысить эффективности её использования и в итоге приведёт к большим налоговым отчислениям в городские бюджеты. Вместе с тем предельная изношенность большей части муниципальной собственности требует привлечения значительных инвестиций в сферу рынка недвижимости, что невозможно без повышения инвестиционного климата в Приморском крае в целом. Готовы ли власти Приморского края использовать шанс инвестиционного обновления вплоть до создания принципиально новой экономики, своего рода «реиндустриализации»?

Проблема эффективности использования государственной и муниципальной собственности в Приморском крае является актуальной для специалистов девелоперов и риэлторов, краевых и муниципальных чиновников, у которых, однако, полностью отсутствует понимание того, как выйти из сложившейся ситуации. Для отечественной бюрократии свойственно постоянное знакомство с передовым отечественным и зарубежным опытом. Глава краевой администрации, его заместители, руководители муниципалитетов ежегодно совершают многочисленные вояжи в ближнее и дальнее зарубежье в надежде набраться опыта. К сожалению, никто из них не обратил внимание на опыт Санкт-Петербурга, который использует систему редевелопмента. Это стало возможным благодаря стратегическому восприятию социально-экономической проблематики развития города, а также повышению уровня эффективности работы собственной бюрократической системы, что в итоге вывело город на первые места в рейтинге инвестиционной привлекательности по стране [5]. Ни в одном из имеющихся программных документов как краевых, так и муниципальных властей не идёт речь о редевелопменте, что даёт повод для утверждения о невозможности использования данной системы сегодня, но не даёт повод утверждать о бесперспективности подобной системы в

Приморье в принципе. В этой связи мы можем говорить исключительно о перспективах системы редевелопмента в Приморском крае.

Надёжное и выгодное вложение денег и получение стабильных налоговых поступлений в бюджеты разных уровней остаётся до сих пор в нашей стране серьёзной проблемой. Опыт общения с различными финансовыми «пирамидами» произвёл на трудоспособное население настолько сильный эффект, что ценным бумагам не доверяют до сих пор. Самым популярным, «народным» средством накопления остаётся американский доллар и инвестиции в недвижимость. Это неудивительно: особенностью рынка жилого и нежилой недвижимости является умеренная стабильность в регионах России, например в Приморском крае, и высокий уровень стабильности в Москве и Санкт-Петербурге. Рынок недвижимости Приморья, как и любой другой, постоянно развивается. Но из-за своей узкой направленности, пока ещё не может конкурировать ни с оборотом, ни с разнообразием предлагаемых услуг Центральной России.

В Приморском крае более 300 риэлторских оценочных компаний, но большинство из них замкнулось на своём внутреннем мире, и основное развитие видят в доходах от купли-продажи квартир. Изредка они переходят от жилой недвижимости к нежилой. И многие вопросы, которые существуют на рынке, ими не охвачены. В Приморье отсутствуют полноценные редевелоперы. При этом во Владивостоке существуют неликвидные промышленные объекты, которые не приносят прибыли для городской казны и зачастую занимают непрямыми видами деятельности, передают свои свободные помещения под организацию торговых складов.

Ввиду ограничения свободной для дальнейшего развития города территории, администрации города следует пересмотреть деятельность данных предприятий на территории города, которые, кстати, портят общий вид и экологию, рассмотреть варианты выноса промышленных предприятий за территорию города и работать над созданием привлекательного инвестиционного климата для развития территории крупными риэлторскими и девелоперскими компаниями.

Необходимо переориентировать политику роста г. Владивостока из интенсивной в экстенсивную и использовать уже имеющиеся участки с развитыми коммуникациями внутри города, стоимость которых гораздо выше, нежели стоимость территорий в пригороде. Подобные действия не только помогут сохранить экосистему природы, но и дать новый толчок старым заброшенным территориям внутри города. В ближайшее время при стабилизации политики предложения по инвестициям должны расширяться, что при профессиональном подходе может и должно дать мощный толчок развитию недвижимости. Тем более что недвижимость Приморья требует серьёзного обновления.

В наиболее перспективных условиях в вопросах редевелопмента находится г. Владивосток. Отсутствию значительных площадей в городской черте не позволяют производить массовые застройки, т.е. осуществлять интенсивный девелопмент. Москва уже достигла пороговой черты в этой области, отмечается переход к интенсивному редевелопменту, который вполне бы подошёл и для г. Владивостока. Особенно массово во Владивостоке строилось жильё при Хрущёве. Естественно, «хрущёвки» себя изжили, их нужно менять. Необходимо предпринимать активные действия, как это делают в Москве или Санкт-Петербурге, и на их месте строить новые дома или производить редевелопмент. При этом обязательно проводить политику на застройку районов только высотными или малоэтажными домами. Всё должно рассматриваться в зависимости от места строительства, желания инвесторов и пр. [7]. Значительным

плюсом в использовании системы девелопмента и редевелопмента во Владивостоке является сохранение высоких цен на недвижимость. Стоимость квадратного метра ненамного уступает стоимости квадратного метра Санкт-Петербурга.

Во Владивостоке к настоящему времени завершён самый заметный проект редевелопмента промзоны, который принадлежит ОАО «Дальневосточный центр судостроения и судоремонта» (ДЦСС) (дочернее предприятие государственного холдинга «Объединённая судостроительная корпорация») [3]. Первая часть глобального плана по перепрофилированию всего северного берега б. Золотой Рог, с выносом всех промышленных предприятий и преобразованием этой территории в общественно-деловую и развлекательную зоны, завершена.[3]. Набережная Цесаревича уже доступна для прогулок, а в следующем году там начнут работать арендаторы (рестораны, магазины и т.д.). Данный проект был осуществлён с одобрения высших должностных лиц страны, по некоторой информации, с этой целью ДЦСС получил полтора миллиардный кредит. «Однако продолжения ждать не стоит. Реальных планов продлить набережную до пл. Луговой нет, наоборот, ДЦСС занят профильной модернизацией «Дальзавода», который имеет госзаказы в сфере судоремонта» [3].

Ситуация в других крупных городах Приморского края, Находке и Уссурийске совершенно иная. Инвестиционная привлекательность рынка недвижимости данных городов, не говоря о других городах весьма низка. В этой связи условий для массового девелопмента не существует, так как новостройки требуют привлечения значительных инвестиционных средств, которые отсутствуют в этих городах. Состоятельные горожане предпочитают загородное жильё. По этой причине администрациям этих городов не следует ждать пополнения своих бюджетов за счёт рынка экстенсивного девелопмента (рынка первичной недвижимости). Отсутствие собственных капиталовложений в сферу недвижимости должно толкнуть муниципалитеты в единственно возможном направлении, а именно в направлении эффективного использования уже имеющихся объектов государственной и муниципальной недвижимости, т.е. в сферу редевелопмента.

Подведём итоги исследования успешной практики использования редевелопмента за рубежом и в России.

Во-первых, острые проблемы социально-экономического развития российских городов, актуализируют поиск новых форм, методов и подходов в управлении муниципальным образованием. Одним из таких подходов является редевелопмент, т.е. деятельность частных агентств по развитию территорий, направленная на повышение финансовой самостоятельности территорий и формирование их экономической независимости.

Во-вторых, опыт применения редевелопмента в США показал, что АТР смогли оказать существенную помощь муниципальным властям в ликвидации условий, порождающих упадок территории, в активизации процесса развития территорий города, т.е. в итоге их деятельности должна привести к улучшению среды обитания и условий жизни горожан.

В-третьих, оценивая данные, накопленные за годы деятельности новой формы развития муниципального образования, можно говорить о выгоды и целесообразности дальнейшей разработки и использования редевелопмента, практики организации агентств по развитию территории. Не исключено, что произойдёт слияние или поглощение агентств более сильными финансовыми группами в целях монополизации данной деятельности и получения наибольшей прибыли.

В-четвёртых, успешный зарубежный опыт использования системы редевелопмента в связке с социально-экономическими проблемами российских городов подтолкнул российские муниципалитеты к адаптированному применению схем редевелопмента в России, примером чего может служить опыт Санкт-Петербурга и Москвы, где уже сегодня функционируют агентства по развитию территорий, ведущие комплексное развитие выделенных им городских территорий. В этой связи необходимо отдать должное администрации г. Санкт-Петербурга, которая заинтересована в развитии города, что выражается в практических разработках различных программ по выводу города из кризиса, выравнивания общего развития и формированию отправных точек развития.

В-пятых, успешное использование обеих столиц, при отсутствии значительных средств для масштабного девелопмента, должно подтолкнуть и другие регионы к подобной практике. Приморские города находятся в похожей ситуации с развитием недвижимости и землепользования. Одним из наглядных негативных примеров, когда политика администрации города, построенная на взаимодействии и опоре на крупные градообразующие предприятия, терпит крах, является город Находка. На данной территории недвижимость, инфраструктура, инженерные коммуникации не отличаются новизной, а порты и рыбообрабатывающие предприятия вышли из-под налогового бремени города. В сложившихся обстоятельствах местные администрации не стремятся искать новые или апробировать альтернативные практики получения прибыли и эффективного использования городских ресурсов.

В-шестых, внедрение механизмов редевелопмента в Приморском крае требует создания правовой базы и внедрения программ «приращение налоговых поступлений».

Насколько эффективна система редевелопмента в России, покажет время. «Первое пришествие» агентств развития территорий в начале 90-х годов XX в. не принесло значительных результатов. Однако полученный опыт даёт возможность проведения тщательного анализа с целью выявления дальнейших перспектив отечественного редевелопмента. Успешная практика редевелопмента в г. Санкт-Петербурге и в г. Москве последнего десятилетия позволяет, с одной стороны, утвердительно заявить о состоятельности данного проекта на российской почве, а с другой, позволяет выявить пласт проблем, который естественным образом встанет перед любым российским муниципалитетом, пожелавшим использовать опыт редевелопмента.



Литература

1. Агентство развития территории Выборгской стороны: Недвижимость надо использовать рационально. // Строительство и городское хозяйство. № 49 2002. [Электронный ресурс]. URL: <http://art.becar.ru/press/020117.shtml> (дата обращения 02.02.2010 г.).

2. Гор Э. Почему нужен разумный рост. Из выступления вице-президента США Элла Гора. Институт Брукингса, Вашингтон, округ Колумбия, 2 сентября 1998 г. Всё о США. Электрон. дан. и прогр. М.: Ген. Консульство США в Москве, 2003. Электрон. опт. диск (CD-ROM)

3. Иванова В. Переделка заводов [Электронный ресурс]. URL: <http://old.konkurent.ru/print.php?id=3717> (дата обращения 04.10.2014 г.).

4. Иванова Е. Промышленная революция [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/722394> (дата обращения 04.10.2014 г.).
5. Марченко Г., Мачульская О. Эффективность действий аппарата управления по привлечению инвестиций в регионы. Рейтинг инвестиционной привлекательности российских регионов: 2002-2003 годы // Эксперт. 2003. № 43.
6. Оутмен Б. Городская культура: крупные города Америки. Всё о США. Электрон. дан. и прогр. М.: Ген. Консульство США в Москве, 2003. Электрон. опт. диск (CD-ROM)
7. Руденко В. На одной купле-продаже квартир рынок не разовьешь [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bazar2000.ru/Old/realestate/ipoteka/ipoteka002.htm> (дата обращения 04.02.2010 г.).
8. Сносить нельзя, перепрофилировать [Электронный ресурс]. URL: <http://www.redeveloper.ru/ru/nr1.html> (дата обращения 04.10.2014 г.).
9. Ступин И. Эволюция «плохого» района // Квартира, дача, офис. № 70. 17.04.01
10. Ступин И. ЧП районного масштаба // Эксперт № 24 [Электронный ресурс]. URL: http://art.becar.ru/press/020624_1.shtml (дата обращения 03.02.2010 г.).
11. Beatty D. Redevelopment in California, 2nd Edition, Solano Press Books, Point Arena, California, 1995.
12. California Community Redevelopment Law. Effective January 1, 2003. Prepared by: Stradling Yocca Carlson & Rauth a Professional Corporation Attorneys at Law. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.redevelopmentlaw.com> (дата обращения 07.08.2010 г.).
13. Clinton B., Gore A. HUD Secretary Andrew Cuomo. "The state of the cities 1999". Third Annual Report, June 1999. [Электронный ресурс]. URL: http://www.huduser.org/publications/polleg/tsoc99/tsoc_99.html (дата обращения: 13.01.2004 г.).
14. Dardia M. Subsidizing Redevelopment in California Subsidizing Redevelopment in California. Public Policy Institute of California, San Francisco. Working Paper, 1998.
15. Davis T., Margolis K. Brownfields: A Comprehensive Guide to Redeveloping Contaminated Property. American Bar Association. 1997. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.abanet.org/rppt/> (дата обращения: 18.09.2003 г.).
16. Gotham K, Greenberg M. Crisis Cities: Disaster and Redevelopment in New York and New Orleans Paperback. New York, Oxford University Press, 2014. 352 p.
17. Peter B., Kenneth M., Chilton M. Environmental Insurance for Brownfields Redevelopment: A Feasibility Study. Louisville, 1997.
18. Pitkin B. The Politics of Slum Reform in Los Angeles, 1948-2001. University of California, Los Angeles, 2002.
19. Rafson H., Rafson R. Brownfields: Redeveloping Environmentally Distressed Properties, 1999.
20. Redevelopment: The Unknown Government. A Report to the People of California [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cotce.ca.gov/meetings/testimony/documents/CHRIS%20NORBY%20-%20ATTACH.PDF> (дата обращения 04.10.2014 г.).
21. Roberts N.A., Basile R.J. Public real estate asset management. – Wash.: Publications Department of National League of Cities, 1990.
22. Simons R. Turning brownfields into greenbacks: Developing and Financing Environment. Washington D.C. Urban Institute of the Ground Property? 1998.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Agentstvo razvitiya territorii Vyborgskoj storony: Nedvizhimost' nado ispol'zovat' ratsional'no. // Stroitel'stvo i gorodskoe khozyajstvo. № 49 2002. [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://art.becar.ru/press/020117.shtml> (data obrashheniya 02.02.2010 g.).
2. Gor EH. Pochemu nuzhen razumnyj rost. Iz vystupleniya vitse-prezidenta SSHA EHilla Gora. Institut Brukingsa, Vashington, okrug Kolumbiya, 2 sentyabrya 1998 g. Vsyo o SSHA. EHlektron. dan. i progr. M.: Gen. Konsul'stvo SSHA v Moskve, 2003. EHlektron. opt. disk (CD-ROM)
3. Ivanova V. Peredelka zavodov [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://old.konkurent.ru/print.php?id=3717> (data obrashheniya 04.10.2014 g.).
4. Ivanova E. Promyshlennaya revolyutsiya [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/722394> (data obrashheniya 04.10.2014 g.).
5. Marchenko G., Machul'skaya O. EHffektivnost' dejstvij apparata upravleniya po privlecheniyu investitsij v regiony. Rejting investitsionnoj privlekatel'nosti rossijskikh regionov: 2002-2003 gody // EHkspert. 2003. № 43.
6. Outmen B. Gorodskaya kul'tura: krupnye goroda Ameriki. Vsyo o SSHA. EHlektron. dan. i progr. M.: Gen. Konsul'stvo SSHA v Moskve, 2003. EHlektron. opt. disk (CD-ROM)
7. Rudenko V. Na odnoj kuple-prodazhe kvartir rynek ne razov'esh' [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://www.bazar2000.ru/Old/realestate/ipoteka/ipoteka002.htm> (data obrashheniya 04.02.2010 g.).
8. Snosit' nel'zya, pereprofilirovat' [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://www.redeveloper.ru/ru/np1.html> (data obrashheniya 04.10.2014 g.).
9. Stupin I. EHvolyutsiya «plokhogo» rajona // Kvartira, dacha, ofis. № 70. 17.04.01
10. Stupin I. CHP rajonnogo masshtaba // EHkspert № 24 [EHlektronnyj resurs]. URL: http://art.becar.ru/press/020624_1.shtml (data obrashheniya 03.02.2010 g.).
11. Beatty D. Redevelopment in California, 2nd Edition, Solano Press Books, Point Arena, California, 1995.
12. California Community Redevelopment Law. Effective January 1, 2003. Prepared by: Stradling Yocca Carlson & Rauth a Professional Corporation Attorneys at Law. [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://www.redevelopmentlaw.com> (data obrashheniya 07.08.2010 g.).
13. Clinton B., Gore A. HUD Secretary Andrew Cuomo. "The state of the cities 1999". Third Annual Report, June 1999. [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.huduser.org/publications/polleg/tsoc99/tsoc_99.html (data obrashheniya: 13.01.2004 g.).
14. Dardia M. Subsidizing Redevelopment in California Subsidizing Redevelopment in California. Public Policy Institute of California, San Francisco. Working Paper, 1998.
15. Davis T., Margolis K. Brownfields: A Comprehensive Guide to Redeveloping Contaminated Property. American Bar Association. 1997. [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://www.abanet.org/rppt/> (data obrashheniya: 18.09.2003 g.).
16. Gotham K, Greenberg M. Crisis Cities: Disaster and Redevelopment in New York and New Orleans Paperback. New York, Oxford University Press, 2014. 352 p.
17. Peter B., Kenneth M., Chilton M. Environmental Insurance for Brownfields Redevelopment: A Feasibility Study. Louisville, 1997.
18. Pitkin B. The Politics of Slum Reform in Los Angeles, 1948-2001. University of California, Los Angeles, 2002.
19. Rafson H., Rafson R. Brownfields: Redeveloping Environmentally Distressed Properties, 1999.
20. Redevelopment: The Unknown Government. A Report to the People of California [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://www.cotce.ca.gov/meetings/testimony/>

documents/CHRIS%20NORBY%20-%20ATTACH.PDF (data obrashheniya 04.10.2014 g.).

21. Roberts N.A., Basile R.J. Public real estate asset management. – Wash.: Publications Department of National League of Cities, 1990.

22. Simons R. Turning brownfields into greenbacks: Developing and Financing Environment. Washington D.C. Urban Institute of the Ground Property? 1998.

УДК 323 (520)

*Поташёв Д.В.
Potashyov D.V.*

Политический экстремизм и терроризм в Японии во второй половине 60-х-90-е гг. XX в.

Political extremism and terrorism
in Japan in the second half of the 60s – 90s of XX century

В статье рассматривается деятельность экстремистских и террористических организаций в 60-е-90-е гг. XX в., анализируется их идейно-теоретическая основа и методы действия. Автор прослеживает связь между «новыми левыми» и «новыми религиями» и экстремизмом и терроризмом в Японии.

Ключевые слова: *экстремизм, терроризм, «Антивоенный молодёжный комитет», «новые левые», «новые религии», «Аум синрикё»*



In the article the activity of the extremism and terrorism organizations in Japan in the second half of the 60s – 90s of XX century is classified. Its ideological principles and methods of actions are analysed. The author traces the connections between the «new lefts» and the «new religions» and the extremism and terrorism in Japan.

Key words: *extremism, terrorism, «Antimilitary young committee», «new lefts», «new religions», «Aum sinrikyo»*

Характерной чертой политической жизни Японии второй половины 80-х-90-х гг. XX в. было появление различного рода экстремистских и террористических организаций. До начала 80-х гг. XX в. преобладали левоэкстремистские политические организации и террористические объединения левого толка. Одной из левоэкстремистских организаций, чья деятельность была заметной во второй половине 60-х – начале 70-х гг., был «Антивоенный молодёжный комитет» (Хансэн сэйнэн иинкай (сокращённо – Хансэнин)).

Историки и теоретики считают точной датой его создания 30 августа 1965 г. Создание новой организации было связано с развёртыванием борьбы против заключения японо-южнокорейского договора и против агрессивной войны США во Вьетнаме. Эта молодёжная организация возникла по инициативе молодёжного отдела Социалистической партии Японии (СПЯ), Молодёжного отдела Генерального совета профсоюзов (Сохё) и Лиги социалистической молодёжи, находившейся под политическим влиянием СПЯ. Кроме них в создании «Антивоенного молодёжного комитета» приняли участие представители молодёжных отделов отраслевых объединений профсоюзов, студенческих организаций, Лиги демократической молодёжи, работавшей под руководством коммунистической партии Японии (КПЯ) [8, с. 36].

ПОТАШЁВ Дмитрий Вячеславович, соискатель Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (г. Владивосток). **E-mail:** pravozashit@mail.ru

Лига демократической молодёжи выразила несогласие с политической и лозунгами создаваемого объединения и отказалась участвовать в его деятельности.

По замыслам создателей, «Антивоенный молодёжный комитет» (Хансэнин) должен был стать «независимой организацией совместной борьбы», объединяющей в себе «все молодёжные и студенческие организации, а также отдельных лиц, согласных с двумя целями – протестной борьбой против агрессии во Вьетнаме и борьбой за предотвращение ратификации японо-южнокорейского договора» [8, с. 37].

К 1968 г., когда уже сложилась устойчивая структура Комитета (Хансэнин), его участниками были молодёжные отделы СПЯ, «Сохё» и крупнейших объединений отраслевых профсоюзов, Лига социалистической молодёжи. А в качестве наблюдателей вошли представители студенческих группировок расколовшейся Всеяпонской федерации органов студенческого самоуправления (Дзэнгакурэн) – «Сампа» («Три Франции») и «Какумару» («Революционные марксисты»), отличавшиеся экстремистским характером своих действий [8, с. 226-227]. Новым моментом было участие представителей студенческого движения. Важным было то, что «Антивоенный молодёжный комитет» ставил своей задачей привлечение новых членов. Этому должна была соответствовать его организационная структура: общенациональные и профессиональные объединения строились на основе коллективного членства; на уровне городских и сельских объединений параллельно допускалось индивидуальное и коллективное членство, а низовые объединения (производственные и местные) строились на основе индивидуального членства.

Последнее обстоятельство имеет решающее значение для понимания сочувственного отношения социалистической партии к «Антивоенному молодёжному комитету», которая не имела своих низовых организаций на производстве. Партия прилагала усилия к их созданию, хотя её деятельность в этом направлении носила скорее всего декларативный характер [7, с. 50]. Хансэнин мог заполнить вакуум, который возник в результате деятельности СПЯ на производстве. Теоретики «Комитета» ясно выразили идею: в условиях отсутствия на производстве социалистической политической организации он берёт на себя роль «заводской партии» [8, с. 180].

В момент создания Хансэнин ставил перед собой вполне определённые цели: борьбу против агрессии во Вьетнаме и срыв ратификации японо-корейского договора. Этим целям отвечали выдвинутые лозунги: «Протестуем против войны во Вьетнаме!», «Америка, руки прочь от Азии!», «Силой предотвратим ратификацию японо-южнокорейского договора, направленного на создание антикоммунистического военного союза!», «Возвратим Окинаву!», «Не превращать Японию в базу для агрессии!», «Свергнем кабинет Сато – пособника войны, завоюем лучшую жизнь для студентов!». Последний лозунг указывал на стремление руководства организации к расширению своих рядов путём привлечения студенчества. С другой стороны, тот факт, что студенческие организации вошли в состав «Комитета» на правах наблюдателей, свидетельствует об их стремлении оставить за собой свободу действий.

В 1966 г., когда выяснилось, что предотвратить ратификацию японо-южнокорейского договора не удалось, в деятельности «Антивоенного молодёжного комитета» наступил застой. В 1968 г. встал вопрос о тактике Хансэнин, его отношении к существующим левым партиям и о его идейно-теоретической платформе. Большое влияние на деятельность «Комитета» оказала «майская революция» 1968 г. во Франции, в результате которой пал режим генерала де Голля и начался рост студенческих выступлений. «Комитет» выразил солидарность с движением

студентов во Франции, увидев в нём «свет, озаряющий будущее нашей страны» [8, с. 9].

В документах «Антивоенного молодёжного комитета» подверглась переоценке борьба против заключения японо-американского договора безопасности 1960 г. Подверглась резкой критике и роль рабочего класса в выступлениях 1960 г.: «В этой борьбе рабочий класс не сумел выполнить свою роль как руководящий класс всего народа»; «Такие действия рабочего класса как борьба силой забастовки (дзишурёку тосо) на производстве были крайне неприемлемы»; «в этих условиях руководящую инициативу взяли на себя студенты, городские слои, интеллигенция» [8, с. 153].

В таких оценках проявилось стремление «высвободиться» из-под влияния СПЯ – «Сохё», что привело к тому, что деятельность «Антивоенного молодёжного комитета» подпала под влияние студенческого движения и восприняла его идеологию и тактику прямого столкновения с государственной властью. В 1968 г. стала стремительно нарастать волна студенческих выступлений, достигнув наибольшего размаха в 1969 г. Это побудило правительство в форсированном порядке ввести чрезвычайный закон о вузах, дававший право министру просвещения в целях предотвращения конфликтов в вузах приостанавливать их финансирование. Число вузов, в которых происходили конфликты до 24 мая, когда был введён в действие этот закон, равнялось 54, но после введения закона оно не только не уменьшилось, но даже возросло до 77-ми к 1 октября [3, с. 501].

Конфликты часто приобретали острый характер, дело доходило до рукопашных схваток, строительства баррикад и уличных боёв. Студенты создавали «освобождённые районы» и отстаивали их в борьбе с полицией. В 1969 г. для усмирения бунтующих студентов, только после вступления в силу чрезвычайного закона о вузах, полиция была введена в 44 студенческих городка более 50 раз [3, с. 503]. Призывы о развёртывании баррикадных боёв стали рядовым явлением, например, на митинге молодёжных организаций в парке Хибия в Токио 5 сентября 1969 г. одним из лозунгов, выдвинутым участниками был: «Займём баррикадами вузы всей страны» [2, с. 6].

Волна студенческих выступлений захлестнула «Антивоенный молодёжный комитет»; тактика уличных боёв и прямых столкновений с властью была возведена в абсолют и распространялась в качестве универсального средства борьбы. Члены «Комитета» уже не довольствовались участием в уличных демонстрациях и маршах протеста. Они жаждали рукопашных схваток с полицией и подстрекали к ним демонстрантов. Эти методы были привнесены в движение экстремистскими группировками студентов «Сампа» и «Какумару», которые участвовали в «Комитете» в качестве «наблюдателей». Влияние этих студенческих организаций оказалось преобладающим благодаря тому, что внутри «Комитета» не было единства и он представлял собой верхушечную организацию, построенную из различных самостоятельных организаций, позиции которых часто не совпадали, а его идейная база была эклектичной и нечёткой [8, с. 97].

Коммунистическая партия Японии заклеила действия «Комитета» как троцкизм, но программа была осуждена как «пустозвоние, отдающее крайним экстремизмом», а его линия поведения как «провокационные действия против рабочего класса и демократических сил Японии» [1].

«Антивоенный молодёжный комитет» в своей деятельности обнаружил сходство с движениями «новых левых» 50-х-70-х гг. XX в. в странах Западной Европы, которые с помощью экстремистских и террористиче-

ских действий стремились создать революционную ситуацию. Японские исследователи демократического движения в своё время вполне правомерно выделяли пять элементов, составлявших идейную базу движения «новых левых» в Японии.: 1) бланкизм как движение революционного меньшинства; 2) анархизм, отрицающий государство и революционные партии; 3) синдикализм, возводящий в культ прямые действия профсоюзов, всеобщие стачки; 4) радикализм городских слоёв; 5) троцкизм под лозунгами «антиимпериализма, антисталинизма» [5, с. 359].

Японские «новые левые» испытали на себе также влияние идей Г. Маркузе. Характерно, что идеологи «Антивоенного молодёжного комитета», критикуя соцпартию Японии, употребляют маркузианский термин «интегрированная в систему» («тайсэй найка сарэта») [8, с. 191], а весь анализ рабочего движения, проделанный ими, по существу подчинён одной цели – доказать, что рабочее движение тоже «интегрировано в систему».

Испытанием для «Антивоенного молодёжного комитета» был 1970 г., когда развернулась борьба между правительством и демократическими силами за отмену договора безопасности. Эта борьба закончилась неудачей для демократических сил. Тактика прямых действий «Антивоенного молодёжного комитета», призванная всколыхнуть общество и создать революционную ситуацию, не увенчалась успехом. Вскоре после подписания четырёхстороннего соглашения 1973 г. о прекращении войны и восстановления мира во Вьетнаме перестала быть актуальной и агрессия США во Вьетнаме и участие в ней Японии. Поэтому и деятельность «Антивоенного молодёжного комитета» сошла на нет.

В Японии в это время существовали и другие экстремистские и террористические организации левого толка. Одной из них была находившаяся под влиянием маоизма «Сэкигунха» («Красная армия»), стремившаяся развернуть партизанскую войну в труднодоступных районах Японии. Однако её деятельность не имела слишком большого резонанса.

Во второй половине 60-х-70-х гг. преобладали левоекстремистские организации. Деятельность правоекстремистских обществ находилась в их тени. К таковым, в частности, можно отнести «Общество щита» («Танэно-кай») известного японского писателя Мисима Юкио. После неудавшегося государственного переворота в ноябре 1970 г. Мисима совершил ритуальное самоубийство, и «Общество щита» прекратило своё существование [10, с. 131].

Ситуация изменилась к 1990-м гг. 20 марта 1995 г. японское общество было взбудоражено тем, что была проведена газовая атака в Токийском метрополитене. Как утверждал московский корреспондент газеты «Токио симбун» Х. Инагума, – «это был самый ужасный за послевоенные годы инцидент» [4, с. 75]. За этим инцидентом стояла религиозная организация «Аум синрикё», возглавляемая Асахара Теруаки. Характерно то, что большинство приверженцев «Аум синрикё» составляла японская молодёжь. Это обстоятельство отражало перемены в умонастроениях молодых японцев. Х. Инагума писал в связи с этим: «В большей части статей подчёркивалось, что японская молодёжь, будучи продуктом машинной цивилизации, сделалась бесхарактерной, утратила способность к критическому осмыслению живого слова и с лёгкостью вводилась в заблуждение софистами типа Асахары. Среди приверженцев «Аум синрикё» оказалось немало представителей молодёжной элиты – выпускников известных вузов, но ведь при японской экзаменационной системе с её механической оценкой знаний от них требуется наращивание не мыслительного, а лишь запоминательного потенциала, как у роботов» [4, с. 76].

Эта религиозная организация была основана в 1984 г. под названием «Аум», а в июле 1987 г. переименована в «Аум синрикё» [11, с. 23]. К 1995 г. число её приверженцев в Японии составляло 15 тыс. чел. [4, с. 75]. «Аум синрикё» имела разветвлённый характер и распространила свою деятельность за пределы Японии. За границей её опорными пунктами были четыре государства – США, Германия, Россия и Шри Ланка [11, с. 24]. В России всего лишь за три года своей деятельности ей удалось вовлечь в свои ряды 30 тыс. чел. [11, с. 25].

Деятельность «Аум синрикё» вписывается в рамки так называемых «новых религий», которые получили большое распространение в Японии после Второй мировой войны. Для этих религий была характерна авторитарная система, акцент на работу с молодёжью и активная прозелитская деятельность. По классификации, которую даёт известный российский японовед Г.Е. Светлов [9, с. 416–417], «Аум синрикё» можно отнести к «смешанным религиям», догмы и религиозная практика которых складывались на основе различных религиозных течений.

Исследователи по-разному характеризуют течения, которые легли в основу идеологии «Аум синрикё». В частности, утверждается: «ОМ (AUM) называется понятие санскритского происхождения, которое на санскрите означает создание, поддержание и разрушение космоса, она включает в себя тибетскую магию, первоначальный буддизм и индуизм» [11, с. 22]. Но такая характеристика является неполной, она относится скорее к изопрённой психотехнике, чем к доктринальной стороне учения. Правильнее выглядит характеристика этого учения как «комплекса тибетских тайных учений, буддизма и христианства». «Предрасположенность «Аум» к глубоким теоретическим штудиям в конце концов придала логичность сумасбродным идеям Асахары, превратила его антисоциальное мировоззрение в серьёзную доктринальную оболочку» [4, с. 77]. Выяснено, что деятельность «Аум» стала экстремистской, а сама секта двинулась по пути милитаризации с того момента, когда Асахара познакомился с «Откровением Иоанна Богослова», в котором рассказывается о пришествии Царства Божия и гибели земных царств [4, с. 77]. Опираясь на содержащееся в «Откровении Иоанна Богослова» предсказание последней войны (Армагеддона), «Аум» начала вооружаться.

Ещё одним истоком «Аум» является исследование одного из направлений «ваджраяны («Алмазной колесницы»), истолкование которой послужило обоснованием необходимости смело творить зло во имя спасения: зло, творимое во имя спасения – святое зло [4, с. 77].

Асахара пришёл к убеждению о необходимости «самостоятельной подготовки и самостоятельного проведения» Армагеддона. Незадолго перед проведением газовой атаки в Токийском метрополитене он ознакомился с книгой японского психиатра Т. Кавадзары под названием «Сценарий уничтожения», в которой была обоснована точка зрения, согласно которой все действия Гитлера были сознательно нацелены на реализацию пророчеств Нострадамуса [4, с. 79]. Ранее Асахара перевёл старинный манускрипт Нострадамуса.

Как уже отмечалось, деятельность «Аум синрикё» приобрела большой размах в России. Она не ограничилась только религиозной сферой. В 1994 г. эта организация закупила вертолёт Ми-17 и планировала организацию учебных стрельб с использованием российского оборудования. Японская полиция арестовала одного из руководителей «Аум синрикё» Хаякава Кидайка, который часто навещался в Россию с целью установления контактов с соответствующими военными кругами [11, с. 25].

В японских средствах массовой информации подробно освещался судебный процесс над главой «Аум синрикё» Асахарой [6].

Трудно выявить какую-то определённую закономерность в развитии политического экстремизма и терроризма в Японии во второй половине 60-х-90-е гг. XX в., но очевидно, что эти явления отражают изменения в политической ситуации и сдвиги в общественном развитии страны.



Литература

1. Акахата. 1968. 12. 18.
2. Асахи дзянцу (журнал Асахи). 1969. № 38.
3. Асахи нэнкан. 1970. Еженедельник Асахи 1970. Токио, 1970. 610 с.
4. Инагума Х. Асахара и безумства «Аум синрикё» // Знакомьтесь – Япония. 1996. № 13.
5. Кокка докусэн сихонсюги-то родо кумиай ундо. Кэнсю Оути Хё Эй, Сакисака Ицуро (Государственно-монополистический капитализм и профсоюзное движение. Под ред. Оути Хё Эй, Сакисака Ицуро. Токио, 1971. 410 с.
6. Майнити симбун. 1996. 24-26.04.
7. Раховецкий Г. Японские социалисты сегодня. // Азия и Африка сегодня. 1968. № 11.
8. Таками Кэйси Хэнтё. Хансэн сэйнэн иинкай (Таками Кэйси. Антивоенный молодёжный комитет). Токио, 1968. 208 с.
9. Япония. М.: «Республика», 1992. 544 с.
10. 500 знаменитых японцев. М.: Япония сегодня, 2003. 296 с.
11. Flash. Экстренный дополнительный выпуск. 1995. 20.05.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Akakhata. 1968. 12. 18.
2. Asakhi dzyantsu (zhurnal Asakhi). 1969. № 38.
3. Asakhi nehkan. 1970. Ezhenedel'nik Asakhi 1970. Tokio, 1970. 610 s.
4. Inaguma KH. Asakhara i bezumstva «Aum sinrikyo» // Znakom'tes' – YAponiya. 1996. № 13.
5. Kokka dokusehn sikhonsyugi-to rodo kumiaj undo. Kehnsyu Outi KHyo EHj, Sakisaka Itsuro (Gosudarstvenno-monopolisticheskij kapitalizm i profsoyuznoe dvizhenie. Pod red. Outi KHyo EHj, Sakisaka Itsuro. Tokio, 1971. 410 s.
6. Majniti simbun. 1996. 24-26.04.
7. Rakhovetskij G. YAponskie sotsialisty segodnya. // Aziya i Afrika segodnya. 1968. № 11.
8. Takami Kehjsi KHehntyо. KHansehn sehjnehn iinkaj (Takami Kehjsi. Antivoennyj molodyozhnyj komitet). Tokio, 1968. 208 s.
9. YAponiya. M.: «Respublika», 1992. 544 s.
10. 500 znamenitykh yapontsev. M.: YAponiya segodnya, 2003. 296 s.
11. Flash. EHkstreennyj dopolnitel'nyj vypusk. 1995. 20.05.

*Синенко И.Ю.
Sinenko I.Yu.*

**Международный форум
«Будущее Северо-Восточной Азии в XXI веке:
от противоречий к сотрудничеству»
(Владивосток, 20-22 августа 2014 г.)**

**International Forum "The Future of the Northeast in the XXI Century:
from conflict to cooperation"
(Vladivostok, 20-22 August 2014)**

С 20 по 22 августа 2014 г. в здании отеля «Хендэ» во Владивостоке прошёл международный форум «The Future of the Northeast in the XXI Century: from conflict to cooperation» («Будущее Северо-Восточной Азии в XXI веке: от противоречий к сотрудничеству»). Форум был организован «Комитетом содействия проведению мероприятий в честь 150-летия со дня переселения корейцев в Россию», созданным в Республике Корея в январе 2014 г. и возглавляемым бывшим премьер-министром Южной Кореи, а ныне депутатом Национального собрания Ли Хе Чаном. Данная организация объединила видных южнокорейских политиков, учёных, представителей общественных организаций и гражданского общества. При этом своей целью Комитет видит не только организацию памятных мероприятий, посвящённых памяти «русских корейцев», но и укрепление дружественных отношений между Республикой Корея и Российской Федерацией, а также достижение мира и процветания в Северо-Восточной Азии.

В работе Форума приняли участие более двух десятков экспертов, среди которых группа депутатов Национального собрания РК, а также ведущие учёные из университетов КНР, Японии, Республики Корея. Российскую сторону представили преподаватели и научные сотрудники Школы региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета и Дальневосточного отделения РАН.

С приветственными словами перед участниками выступили официальные лица. Генеральный консул Республики Корея во Владивостоке господин Ли Ян Гу отметил, что регион Северо-Восточной Азии сегодня предоставляет большие возможности для быстрого роста и экономического развития, но в то же время стоит перед сложными вызовами, препятствующими созданию атмосферы всеобъемлющего процветания в СВА. Решению таких задач способствует проведение подобных форумов и конференций, и символично, что именно Владивосток первым принимает мероприятие подобного формата, поскольку *«может считаться самой подходящей площадкой для обсуждения проблемных вопросов в СВА, становясь на наших глазах важнейшей точкой мира и сотрудничества в регионе»*. В ответном слове от российской стороны экс-губернатор Приморского края, а ныне директор Школы региональных и международных исследований ДВФУ Владимир Кузнецов отметил,



Фото 1. Участники конференции

что повестка конференции исключительно важна для всех участников процессов в Северо-Восточной Азии – регионе, который, несмотря на все трудности, избежал масштабных конфликтов, потрясавших не раз за последние десятилетия Европу, Центральную Азию и Ближний Восток. А проведение подобного Форума в Приморском крае, у которого сложились большие традиции в области «региональной дипломатии», лишний раз показывает, что для России поворот в Азию – одна из главных задач XXI века.

Ключевой целью, которую обозначили организаторы, стал поиск путей достижения мира и создания сообщества процветания на Корейском полуострове и в Северо-Восточной Азии, а также определение шагов для реального воплощения выдвинутой недавно президентом РК Пак Кын Хе идеи Евразийской инициативы. Эта инициатива подразумевает активизацию экономических связей для снятия напряжённости в межкорейских отношениях, а также в потенциале объединение на основе одного экономического блока и рынка стран Европы и Азии в единый супер-континент Евразию, фактически существовавший во времена «Шёлкового пути», но разрушенный в ходе геополитического размежевания XX века, апофеозом которого явилась холодная война. Создание такой «новой Евразии» невозможно без изменения современной ситуации в Северо-Восточной Азии, отягощённой проблемами межгосударственных территориальных споров и нарушения режима нераспространения ядерного оружия. Многие доклады были посвящены именно этим актуальным региональным проблемам.

В первой секции «Будущее СВА и создание новой структуры безопасности в регионе» особое внимание докладчики уделили вопросам построения принципиально нового многостороннего режима безопасности и возможной роли Шестисторонних переговоров в этом процессе.

Мун Чонг Ин (Институт Ёнсэ, Республика Корея) отметил, что для установления прочного мира в СВА необходимо прежде всего решить две проблемы: убедить КНДР отказаться от ядерной программы, а также снять взаимное недоверие стран региона, выливающееся в текущую гонку вооружений. По мнению автора доклада, в КНДР людей тревожит не вопрос выживания режима или угрозы нападения на страну, а вопросы экономики – доступность основных товаров народного потребления и общий уровень благосостояния, и при условии смягчения режима международных санкций и предоставления надёжных гарантий безопасности Пхеньян всё-таки может отказаться от программы по развитию своих ядерных сил. Решение же проблемы атмосферы общего недоверия в СВА – гораздо более сложная задача. Ключом к её решению может стать возобновление формата Шестисторонних переговоров, но в основе повестки дня должна лежать уже не Северная Корея со своим ядерным оружием, а поиск путей создания условий для формирования в регионе сообщества безопасности, что само по себе предотвратит любую возможность продолжения и возобновления гонки вооружений. Начать такие новые Шестисторонние переговоры можно на уровне экспертов. В этой связи даже возможно поднять статус данной конференции до уровня Форума ведущих специалистов по вопросам безопасности в СВА и превратить его в постоянно действующий, что подразумевает создание секретариата и других необходимых органов.

Цзинь Цзинъи (Университет Пекина, КНР) говорил о том, что главной причиной военно-политической нестабильности в регионе является прежде всего политика США. Все изначальные инициативы по формированию полноценного сообщества безопасности в СВА исходили от Америки на фоне реакции на события 11 сентября 2001 года. Главная из этих инициатив – Декларация от 19 сентября 2005 года – эскиз возможного нового порядка в СВА, который будет определяться преимущественно состоянием американо-китайских отношений. Однако сами США проводят региональную политику наперекор этому документу, выхолащивая повестку Шестисторонних переговоров, чтобы препятствовать ликвидации причин напряжённости в регионе, включая ядерную проблему КНДР. Поскольку для сохранения геополитического доминирования в регионе США невыгодно конструктивное продвижение в рамках этого формата, данную задачу на себя берёт Китай. Отдельно автор доклада апеллирует к действиям Южной Кореи, которая безропотно следует в фарватере американской политики (очевидно противоречащей интересам Сеула в отношении Севера), но при этом имеет возможность балансировать в этом вопросе между США и КНР. Учитывая, что США явно не заинтересованы в скором решении проблемы разделения полуострова, а для РК этот вопрос «экстренный», Сеулу стоит пересмотреть взгляд на свою политику в СВА.

Оконоги Масао (Университет Кеио, Япония) сделал в своём выступлении акцент на проблеме похищений японских граждан в КНДР и проводимых для решения этого вопроса двусторонних переговорах. Учитывая, что Токио пообещал выплатить Пхеньяну компенсацию за нанесённый японцами «исторический ущерб», а также снять часть экономических санкций, КНДР заинтересован в успешном проведении расследований по таким делам. Осенью КНДР должна создать специальную комиссию и начать её работу – в этом случае Япония продолжит процесс поэтапного снятия санкций. Таким образом, при жёстком контроле исполнения северокорейских обещаний и снятии санкций исключительно в ответ на выполнение взятых КНДР обязательств есть вероятность серьёзного смягчения трений между Пхеньяном и Токио. При этом Япония представляется для Северной Кореи едва ли не единственным

партнёром, в диалоге с которым возможен прогресс, что особенно важно в условиях ухудшающейся внутриэкономической ситуации на фоне ужесточения международной изоляции северокорейского режима после проведения третьего ядерного испытания. Тем не менее, нет никаких сомнений, что в случае совершения четвёртого ядерного испытания весь текущий прогресс будет перечёркнут без возможности восстановления позитивной повестки в двусторонних переговорах со стороны Токио.

Профессор Дальневосточного федерального университета Сергей Севастьянов в своём докладе обратил внимание на схожесть многих положений евразийских проектов, выдвинутых президентами России и Республики Корея. Будучи единственной страной в СВА, способной обеспечить не только собственные энергетические потребности, но и растущий спрос соседей, Россия заинтересована в укреплении режима многосторонней безопасности в регионе. Реализация Москвой таких масштабных проектов, как строительство газопроводов и линий электропередач, соединение Транссибирской и Транскорейской железных дорог, способна внести существенный вклад в этот процесс. При этом Россия настаивает на возобновлении Шестисторонних переговоров. Москва разделяет позицию КНР и КНДР, заключающуюся в том, чтобы возобновление произошло без каких-либо предварительных условий со всех сторон. Санкции же в отношении КНДР надо «перепаковать», чтобы обеспечить Пхеньяну право на мирный атом. В целом, для России важно, чтобы новая система безопасности в СВА опиралась на баланс двусторонней и многосторонней дипломатии, исключая любые замкнутые блоки. Для реализации этого сценария необходимо создание на основе Шестисторонних переговоров региональной организации по сотрудничеству в области безопасности – такая структура может образоваться только в результате полномасштабного дипломатического урегулирования, подобного хельсинскому процессу в Европе, приведшему к возникновению СБСЕ/ОБСЕ.

Секция «Евразийская инициатива и будущее общего процветания» сосредоточилась на торгово-экономических вопросах.

Ким Тхэ Хван (Государственная дипломатическая академия, Республика Корея) провёл исторические параллели между нынешней идеей Пак Кын Хе о Евразийской инициативе с возникшей во времена холодной войны и после этого несколько раз «реанимировавшейся» «северной политикой» Сеула. У этих двух концепций общая цель – экономическая экспансия на территорию Евразии с помощью дипломатических методов, а также преодоление этим путём раскола нации. В отличие от предыдущих попыток реализации концепции «северной политики» сегодняшняя ситуация в регионе, когда в острой геополитической борьбе столкнулись США, КНР, Россия и Япония, предоставляет для РК хорошие возможности раскрыть потенциал приграничных территорий вдоль рек Амноккан и Туманган, используя их как «экономические ворота» Евразии. Для воплощения этих замыслов РК нужна КНДР, поэтому пока не нужно форсировать решение ядерной проблемы Пхеньяна, а вовлекать северный режим в активное экономическое сотрудничество, и через эту активность вызывать постепенные внутренние изменения в системе.

Ольга Демина (Институт экономических исследований ДВО РАН, г. Хабаровск) анализировала возможности и ограничения сотрудничества стран СВА с Россией в энергетической сфере. Так, для государств региона зачастую экономически более целесообразно переходить на закупку российских энергоресурсов ввиду меньшей протяжённости пути доставки и более низких цен. При этом преимущественной формой сотрудничества остаются долгосрочные контракты, связанные с реализацией крупномасштабных проектов в этой отрасли. Это обстоятельство в

долгосрочной перспективе таит в себе угрозу, поскольку в случае утраты доминирующего положения на рынках стран-партнёров при конкуренции с другими странами-экспортёрами соответствующая инфраструктура может оказаться со временем невостребованной.

На Хи Сынг (Корейский железнодорожный исследовательский институт) продемонстрировал цифры, доказывающие эффективность Транскорейской железной дороги, а также возможные пути соединения этой магистрали с Транссибирской. Таким образом, по мнению докладчика можно считать, что объединение полуострова уже в немалой степени состоялось благодаря связи через общую магистраль. Как известно, общее европейское пространство в своё время тоже было создано и благодаря интеграции сети континентальных железных дорог. Таким образом, новая дорога открывает путь к улучшению инфраструктуры всего полуострова и увеличению обменов между двумя корейскими государствами. Соединение же Транскорейской ЖД с Транссибом открывает невообразимые горизонты для формирования принципиально другой материковой транспортной системы, которая окажет влияние на многие процессы XXI века в Евразии.

Доклад Ана Гука Сана (Университет Яньбянь, КНР) позволил проследить этап за этапом становление особой экономической зоны Раджин-Сонбон (Расон) КНДР, её текущее состояние, а также позицию правительства КНР относительно участия компаний Поднебесной в проектах на данной территории.

Программа конференции не ограничилась только секционными заседаниями. Большой интерес у слушателей и участников вызвал круглый стол «150 лет переселения корейцев в Россию: исторические проблемы и региональное сотрудничество». В рамках дискуссии были подняты многие требующие осмысления исторические и политические сюжеты. **Син Чу Бэк (Университет Ёнсэ)** говорил об общих проблемах трактовки истории в разных странах Северо-Восточной Азии, в частности, в школьных учебниках, и о том, к каким последствиям для региона это уже привело и может привести в ближайшем будущем. **Тамара Троякова (ДВФУ)** в своём выступлении привела хронологию миграции корейцев в Россию от начала процесса и до наших дней, а также охарактеризовала современное положение и организацию корейской диаспоры в России. А другой участник дискуссии от ДВФУ – старший преподаватель кафедры корееведения **Тита Сон** рассказала об особенностях жизни этнических корейцев в нашей стране на примере нескольких поколений своей собственной семьи. Представлявший за столом дискуссии чиновничество советник главы Артёмовского городского округа по международным отношениям **Ден Ган Гун** обрисовал контуры работы, проводимой с национальными диаспорами в России на федеральном и региональном уровнях.

Конференция прошла на высоком научном и представительном уровне. Участие ряда депутатов Национальной Ассамблеи (парламента) Республики Корея позволило слушателям и учёным точнее понять официальную позицию Сеула по многим вопросам. Помимо проблем безопасности, поставленных во главу угла, нашлось место и важным экономическим вопросам – энергетике, логистике, развитию зоны Рассон в КНДР и др. Звучавшее рефреном во многих выступлениях желание сделать подобный Форум регулярным и даже расширить рамки его участников, безусловно, говорит о важности и востребованности мероприятий подобного формата и тематики.



*Кузнецов А.М.
Kuznetsov A.M.*

Международный семинар «Этнополитическая ситуация на Дальнем Востоке: актуальные проблемы»

**International workshop
"Ethnical and political situation at the Far East: contemporary issues"**

Сегодня перед Дальневосточным федеральным университетом поставлены весьма амбициозные задачи по продвижению результатов исследований российских учёных в международное научное сообщество. Для наших коллег, занятых в технической и естественнонаучной областях, здесь нет особых проблем. Как говорится, если результат есть – он говорит здесь сам за себя. Другое дело с разными направлениями социально-гуманитарного знания. Что и как можно продвигать из результатов, полученных нашими специалистами по истории, социологии, политологии, международным отношениям, востоковедению, филологии не всегда очевидно. Существует несколько причин, определяющих реальные трудности с признанием достижений в этих областях знания. Первая – и наиболее существенная – является результатом постмодернистского вызова конца 1960-х гг., поставившего под сомнение статус науки в социально-гуманитарной сфере, в силу отсутствия убедительных критериев достоверности предлагаемых выводов и заключений.

Такая позиция явилась кульминацией в осмыслении особого положения данной сферы науки. Если физики и их коллеги изучают преимущественно неживую материю, биологи и смежные с ними специалисты – просто живое, то мы имеем дело с живыми мыслящими субъектами и результатами их деятельности. Как представляется, кризис современного социального-гуманитарного знания во многом был обусловлен ещё ранее привитым комплексом неполноценности перед естественнонаучной сферой. Отсюда всякие спорные попытки «объективизировать» предметы своих исследований, не всегда уместные опыты по формализованию исследовательских процедур и необоснованные примеры использования математического аппарата. Но, учитывая внедрение в той же физике антропного принципа, следует признать, что без определённых гуманитарных компетенций уже не могут обходиться и представители этой почтенной отрасли знания. Вторая неприятная особенность нашей научной деятельности заключается во всё ускоряющемся ритме социально-политических и международных процессов современного мира, которые актуализируют задачи мониторинга происходящего, фиксации различных событий без особой перспективы их осмысления, так как постоянно приходится иметь дело с чем-то новым. Неудивительно, что в подобных условиях продуцируется теоретико-методологический нигилизм, который угрожает девальвировать социальные и гуманитарные области

знания в пафосно звучащие «фабрики мысли», выдающие экспертные заключения, полученные на не всегда понятных основаниях.

Однако, признание достаточно очевидного обстоятельства, что мы в своих сферах сначала имеем дело не столько с «феноменами», сколько с «ноуменами», выводит нас в совершенно иное исследовательское поле социальных практик, в том числе познавательных, и детерминант их рефлексивных оснований. В этом поле, как показали ещё в середине прошлого столетия западноевропейские теоретики, действуют разного рода *ценностные приоритеты и интересы определённых индивидов и различных их объединений*. В результате возникает особого рода субъективно/объективная реальность со своими параметрами, в которой познающему субъекту поставлены строгие ограничения в его претензиях на объективность. Они, как показал В.Г. Ледяев, связаны с тем, что невозможно дать универсальное определение даже такому концепту, как демократия, так как оно будет «*сущностно оспариваемым*». Важный вывод, который мы должны сделать из данной первичной посылки, заключается в том, что *любое утверждение в социально-гуманитарной сфере соотносено с характеристиками определённого субъекта, будь то индивид, малая группа, социальная страта, этническая общность или нация*. Поэтому *верификация данного утверждения должна проходить только в соответствии со свойствами высказывающего его субъекта*. В этом смысле пресловутый «классовый подход» имел определённое эвристическое значение. Другое дело, что он не мог быть распространён на всю социально-политическую реальность.

Сегодня мы понимаем, что даже те сущности, которые мыслились всеобщими (универсальными), либо находились за рамками признаваемого универсума, как, например, государство, общество или нация, на самом деле являются конкретными явлениями. Отсюда разочарование в некогда популярной форме нации-государства, различение индивидуалистских и коллективистских обществ, разные проявления «этнического возрождения» и т.д. Но признание многообразия социально-политической реальности заставило научное сообщество обратить внимание на то обстоятельство, что *социально-гуманитарная наука является западным феноменом*, т. е. соответствующим реалиям определённой группы стран, прежде всего, Великобритании, Германии, США Франции. Первой реакцией на представленный вывод явилось течение постколониализма в научной теории ряда стран, бывших ранее колониями. Параллельно в западной науке всё большую популярность приобретала концепция ориентализма Э. Саида, показавшая иллюзорность европейского и американского восприятия Востока. Общим итогом указанных и ряда других тенденций в развитии теории и методологии стало движение, направленное на преодоление *европо/западной ограниченности концептуальных оснований социальных и гуманитарных наук*, получившее определение «*методологический национализм*» (Г. Мартин, У. Бек).

Следует отметить, что обозначенный тренд не направлен на безоговорочное отрицание всего опыта западной науки. Речь идёт только о введении его в определённые рамки и обогащении достижениями других национальных научных традиций. Особо показательны здесь развернувшиеся новые «бои за историю» и историческую память. Показательно также, что специалисты ряда арабских стран, Бразилии, Индии, Ирана, Китая и других государств уже выразили стремление и к разработке собственных теорий международных отношений. Сходные настроения проявляются или вскоре должны проявиться и в других научных дисциплинах. Основная цель всех этих разработок заключается в создании или поиске альтернативы западоцентрированной науке.

Конечно, устремлениям подобного рода легко приписать политический заказ, свести их к банальной материальной заинтересованности «прикормленных» специалистов и т.д. Наша практика даёт и такие негативные примеры. Однако они не могут отменить реального обстоятельства выхода передового фронта социально-гуманитарного знания на принципиально важную проблему: *каким образом человек осмысливает окружающий мир?* Картезианские настроения о том, что мир зеркален нашему сознанию, всё ещё характерны для эмпириков и разного рода позитивистов. Правда, З. Фрейд и его последователи, которые не всегда уже являются сторонниками идей классика, введя категорию *бессознательное*, заставили отказаться от прежней убеждённости. Сегодня становится всё более очевидным, что существуют и другие детерминанты нашей познавательной деятельности. Недаром Европейский Союз после реализации амбициозной программы с адронным коллайдером приступил к разработке не менее значимого проекта «*Человеческий мозг*». *Здесь сейчас находится передний фронт наших наук, и соответствующие ему исследования будут иметь широкое международное признание.*

В процессе разработки альтернативных западным познавательных стратегий и практик активно включились китайские коллеги, в том числе профессор Национального университета Тайваня Ши Чжи-юй – автор, в частности, такого исследования, как «Китаизирование международных отношений» (Shih Chi-yu. *Sinicizing International Relations. Self, civilization, and intellectual politics in subaltern East Asia.* Palgrave Macmillan. 2013). В процессе своих занятий он решил познакомиться с принципами исследований коллег из России и в 2013 г. приехал во Владивосток. Во время обсуждения с профессором Ши Чжи-юем интересующих его проблем возник сюжет, связанный с теорией этноса С.М. Широкогорова. Значение этой всё ещё не самой популярной у нас теории заключается в её теоретико-методологических основаниях. Ещё до официального признания системной теории российский учёный самостоятельно пришёл к её основным принципам и реализовал их в своих исследованиях. Кроме того, значительное место в его теории занимает концепция *психоментального комплекса*, фактически, предвосхитившая проект «*Человеческий мозг*!» (Shirokogoroff S.M. *Psychomental Complex of the Tungus.* L. 1935). Поскольку профессор Ши Чжи-юй одновременно является редактором академического журнала «Азиатская этничность» (*Asian Ethnicity*), то в ходе наших бесед возникла идея проекта по подготовке в 2016 г. специального выпуска этого журнала, который представит теорию С.М. Широкогорова и продемонстрирует её значение для решения современных этнополитических проблем Дальнего Востока. Кроме того, публикации, подготовленные для этого спецвыпуска, должны представить подходы к анализу проблем, принятые в современной российской науке.

В соответствии с намеченным планом был определён состав участников проекта, который включал в себя группу исследователей из ДВФУ (А.П. Голиков, И.Н. Золотухин, А.А. Киреев, А.М. Кузнецов) и Владивостока (О.С. Пахомов), а также ряда ведущих этнологических/антропологических центров, в том числе: Института этнологии и антропологии РАН (О. А. Поворознюк, А.А. Сирина), Музея этнологии и антропологии РАН (В.Н. Давыдов), Европейского университета в Санкт-Петербурге (В.В. Симонова) и Национального университета Хельсинки (Н.А. Мамонтова). В формировании коллектива участников большую помощь нам оказал заведующий кафедрой этнологии МГУ им. М.В. Ломоносова Д.А. Функ за что, пользуясь случаем, приношу ему глубокую благодарность.

Важным этапом реализации издательского проекта стал рабочий семинар «Этнополитическая ситуация на Дальнем Востоке: актуальные проблемы», состоявшийся 17-18 октября 2014 г. на базе ДВФУ. Для его проведения профессор Ши Чжи-юй получил грант, позволивший приехать во Владивосток ему, а также профессору Хуан Чжан-цю (Национальный университет Ченси) и В.Н. Давыдову. Семинар наш был проведён в необычном формате, вызвавшем недоумение у некоторых коллег. На него не привлекались в обязательном порядке студенты, хотя информация о мероприятии было доведена до специалистов, которым оно могло быть интересно. Это была рабочая встреча представителей редакции журнала с авторами намеченного спецвыпуска. Поэтому за два дня интенсивной работы мы смогли заслушать и обсудить только 7 докладов, по конкретным направлениям проекта. (Не знаю, кто из студентов мог бы выдержать такое скрупулёзное вникание в представленные на обсуждение тексты и выступления). Всего за время работы семинара были заслушаны следующие доклады:

Исследование проблем этноса С.М. Широкогоровым – А.М. Кузнецов (ДВФУ, Владивосток);

Работа С.М. Широкогорова «Социальная организация северных тунгусов» и современные проблемы тунгусоведения в российской науке – О.А. Поворознюк (ИЭиА, Москва); А.А. Сирина (ИЭиА РАН, Москва); В.Н. Давыдов (МАЭ, Санкт-Петербург), В.В. Симонова (Европейский университет в Санкт-Петербурге);

Современное положение тунгусоязычных групп Российского Дальнего Востока – Н.А. Мамонтова (Национальный университет Хельсинки);

Россия в Китае, Китай в России: этническая составляющая миграции между двумя странами в прошлом и настоящем – А.А. Киреев (ДВФУ, Владивосток);

Общие вопросы системного анализа этнических проблем – А.М. Кузнецов (ДВФУ, Владивосток);

Евро-Азия vs. Евро-Пасифика: к вопросу о роли политики идентичностей в формировании региона – Пахомов О.С., Золотухин И.Н. (ДВФУ, Владивосток);

Этнический фактор и поддержание международной безопасности в регионе – И.Н. Золотухин; (ДВФУ, Владивосток);

Межэтническое взаимодействие на периферии «ханьского» Китая – А.П. Голиков, (ДВФУ, Владивосток).

Профессора Ши Чжи-юй и Хуан Чжуан-цю выступали в роли дискутантов, в обсуждении докладов приняли участие и другие участники семинара. С учётом специфики целей семинара его рабочий язык был английский.

По итогам состоявшихся обсуждений участники проекта получили конкретные замечания и рекомендации от представителей редакции журнала для подготовки текстов своих статей, которые должны быть представлены в редакцию в феврале 2015 г. После этого нас ждёт ещё обычная процедура рецензирования и редакционной подготовки. В случае её успешного прохождения спецвыпуск журнала «Азиатская этничность» выйдет в свет в начале 2016 г. Поскольку этот журнал включён в базу Scopus, то появление в нём спецвыпуска по этнополитической ситуации на Дальнем Востоке явится существенным вкладом в международное признание результатов исследований российских учёных.



Сокращения

ГАО

Государственный архив Амурской области

Сведения о членах редакционной коллегии

- Римская Татьяна Григорьевна** (*главный редактор*) – кандидат исторических наук, доцент, директор филиала Владивостокского государственного университета экономики и сервиса в г. Находка
- Беом-Шик Шин** – Ph.D., доцент кафедры политических наук и международных отношений Сеульского национального университета (*г. Сеул, Республика Корея*)
- Бурлаков Виктор Алексеевич** – кандидат политических наук, доцент кафедры журналистики и издательского бизнеса Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)
- Гайе Кристофферсен** – Ph.D., профессор Университета Джона Хопкинса (*г. Нанкин, КНР*)
- Ганопольский Михаил Григорьевич** – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института проблем освоения Севера СО РАН (*г. Тюмень*)
- Демьяненко Александр Николаевич** – доктор географических наук, профессор, главный научный сотрудник Института экономических исследований ДВО РАН (*г. Хабаровск*)
- Журбей Евгений Викторович** (*ответственный редактор*) – кандидат исторических наук, доцент филиала Дальневосточного федерального университета в г. Находка
- Золотухин Иван Николаевич** – кандидат политических наук, доцент кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)
- Калугина Марина Альбертовна** – кандидат политических наук, заместитель директора по науке филиала Владивостокского государственного университета экономики и сервиса в г. Находка
- Караман Вадим Николаевич** – кандидат исторических наук, зав. библиотекой Приморского государственного объединенного музея им. В.К. Арсеньева (*г. Владивосток*)
- Киреев Антон Александрович** – кандидат политических наук, доцент кафедры политологии Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)
- Кирсанова Лидия Игнатьевна** – доктор философских наук, профессор кафедры философии и психологии Владивостокского государственного университета экономики и сервиса (*г. Владивосток*)
- Кожевников Владимир Васильевич** – кандидат исторических наук, профессор кафедры страноведения Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)
- Кузнецов Анатолий Михайлович** – доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)
- Латушко Юрий Викторович** – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник центра политической антропологии Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (*г. Владивосток*)
- Лукин Артем Леонидович** – кандидат политических наук, доцент кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)
- Литошенко Денис Александрович** – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, политологии и государственно-правовых дисциплин юридического факультета Морской академии Морского государственного университета им. адм. Г.И. Невельского (*г. Владивосток*)
- Наумов Юрий Анатольевич** – кандидат геолого-минералогических наук, доктор географических наук, член-корреспондент Международной академии наук экологии и безопасности жизнедеятельности, доцент филиала Владивостокского государственного университета экономики и сервиса в г. Находка
- Севастьянов Сергей Витальевич** – доктор политических наук, профессор кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)
- Чой Нак Джун** – Ph.D., приватный доцент кафедры русского языка и литературы института литературы и лингвистики университета Санг Мёнг (*г. Чхонан, Республика Корея*)

Шеста́к Ольга Игоревна – кандидат исторических наук, заведующая лабораторией социологических исследований Владивостокского государственного университета экономики и сервиса (*г. Владивосток*)

Ячин Сергей Евгеньевич – доктор философских наук, профессор кафедры философии Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)

К читателям

Редакция извещает читателей о возможности подписки на журнал "Ойкумена. Регионоведческие исследования".

Подписка принимается во всех почтовых отделениях.

Информацию о стоимости и условиях подписки Вы можете найти в Объединенном каталоге "Пресса России" (том 1. Газеты и журналы).

Подписной индекс журнала – **42354**.

Кроме того, подписка на журнал может быть оформлена в сети Интернет. Для того чтобы оформить подписку через Интернет, Вы можете зайти на начальную страницу сайта "Ойкумены" (www.oikum.ru) и перейти по ссылке в раздел "Редакция журнала".

Уважаемые авторы!

С декабря 2006 года выходит в свет научно-теоретический журнал "Ойкумена. Регионоведческие исследования". Редколлегия журнала приглашает преподавателей вузов, сотрудников академических учреждений Приморского края и дальневосточного региона, а также заинтересованных исследователей опубликовать свои статьи, материалы и методические разработки на страницах нашего издания.

Журнал будет включать в себя следующие тематические рубрики:

- ◆ Теория и методология регионоведческих исследований
- ◆ Экономика и природопользование
- ◆ Социальные и демографические структуры
- ◆ Культурные и идеологические факторы регионализации
- ◆ Политические отношения и управление регионом
- ◆ Культурные и идеологические факторы регионализации
- ◆ Мировая система и межрегиональные отношения
- ◆ Междисциплинарные и системные исследования региона
- ◆ Науковедение
- ◆ Регион в документах и свидетельствах
- ◆ Научная жизнь
- ◆ Рецензии и обзоры
- ◆ Программы учебных курсов
- ◆ Методические разработки

Тематика статей, принимаемых к публикации в журнале "Ойкумена. Регионоведческие исследования", соответствует следующим разделам рубрикатора ГРНТИ:

00.00.00	Общественные науки в целом
03.00.00	История. Исторические науки
04.00.00	Социология
11.00.00	Политика. Политические науки
13.00.00	Культура. Культурология
23.00.00	Комплексное изучение отдельных стран и регионов

Требования к объему и оформлению предоставляемых в редакцию материалов

1. Формат файла txt, MS Word, OO Writer.
2. Файл не должен содержать сложных стилей и форматирования. В заголовках не изменять ПРОПИСНЫЕ символы, простановка буквы ё обязательна.
3. Шрифт Times New Roman 14 кеглем через 1,5 интервала.
4. Поля: верхнее и нижнее – 2 см., правое – 1,5 см., левое – 2,5 см.
5. Порядок оформления статьи: УДК, Ф. И. О. автора (авторов), название статьи, аннотация, ключевые слова (не менее 5-ти на русском и английском языках), текст статьи, список литературы.
6. Библиографические ссылки в тексте статьи оформляются квадратными скобками. В скобках сначала указывается порядковый номер цитируемой работы в списке литературы, затем, через запятую, номер страницы приведенной цитаты. Например: [2, с. 5]. Ссылка на неопубликованный архивный документ помещается только в тексте самой статьи в круглых скобках. Например: (ГАПК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 3. Л. 4-5).
7. Расшифровка сокращений и аббревиатур (кроме общепринятых) обязательна. Например: ГАПК -Государственный архив Приморского края.
8. Нумерованный список литературы составляется в алфавитном порядке, по фамилиям первых авторов и названиям работ без учета соавторов и хронологии. В списке сначала указывается литература на кириллице, затем на латинице, и после на других системах письма. Библиографическое описание должно включать полное наименование книги или статьи, место издания, издательство, год, общее количество страниц (для статьи – страницы, на которых она помещена). Ссылка на Интернет в списке литературы оформляется следующим образом: Автор. Название материала // Название сайта, [Электронный ресурс]. URL: адресная строка (дата обращения: 31.12.2012 г.).
9. Объем – 0,5 п. л. (20 тыс. зн. с пробелами).
10. Рисунки, карты, графики и т.п. принимаются в наиболее распространенных (cdr, eps, ai, jpeg, bmp, tif) форматах отдельными файлами. К графикам обязательно прилагать таблицу на основании которой этот график сделан.
11. Ввиду черно-белой печати журнала цветовая гамма иллюстраций, графиков, карт и т. д. по возможности не должна содержать более трех цветов (черный, белый, серый 50 %).
12. Материалы предоставляются в редакцию в электронном виде без архивации. E-mail: oikomene@rambler.ru; ojcum@rambler.ru
13. Название (не более 2-х строк), текст статьи, сведения об авторе (Ф. И. О., ученая степень, ученое звание, место работы и должность, рабочий (домашний) телефон, e-mail), аннотацию (6 – 8 строк) на русском и английском языках, а также название статьи на английском языке и написание своей фамилии латиницей присылать в одном файле.
14. Присылаемому файлу следует присваивать только имя (фамилию) автора.
15. К публикации в журнале принимаются, как правило, работы, ранее не публиковавшиеся в русскоязычных изданиях.

**Статьи проходят обязательное рецензирование.
Редакция оставляет за собой право отбора публикаций.
Файлы, подготовленные с нарушением требований, не рассматриваются.
Плата за публикацию не взимается.**

Ойкумена. Регионоведческие исследования:
научно-теоретический журнал

2014 № 4 (31)

Подписано к печати 03. 12. 2014 г. формат 70x108/16
Усл. п. л. 12,24. Уч. -изд. л. 10,00. Тираж 200 экз. Заказ
Цена свободная

Издательство Владивостокского государственного университета экономики и сервиса
690014, г. Владивосток, ул. Гоголя, 41

Отпечатано во множительном участке ВГУЭС
690014, г. Владивосток, ул. Гоголя, 41

Индекс 42354

